

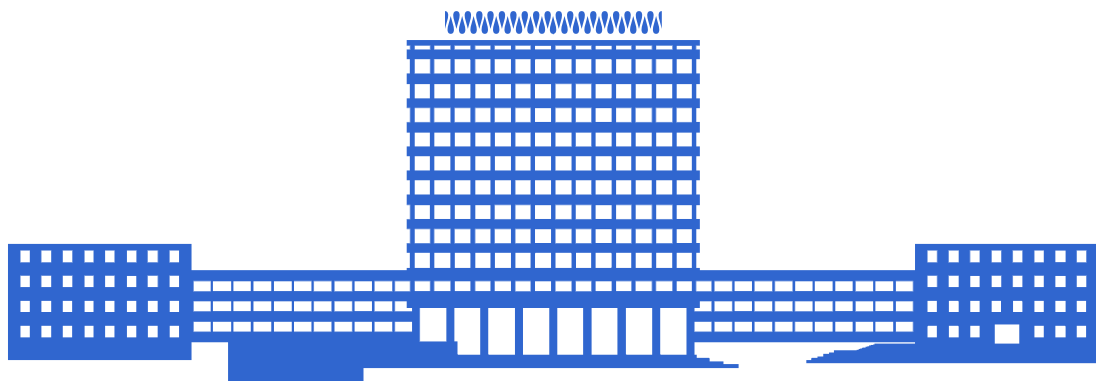
ISSN 2415-8720

ДОНЕЦКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

**STUDIA
GERMANICA, ROMANICA
ET COMPARATISTICA**

Том 17 Выпуск 2 (52) 2021

ДОНЕЦК

Studia Germanica, Romanica et Comparatistica: научный журнал / отв. ред.
В. Д. Калиущенко. – Донецк: ДонНУ, 2021. – Т. 17. – Вып. 2 (52). – 159 с.

*Печатается по решению Учёного совета
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»
Протокол № 5 от 29 июня 2021 г.*

В журнале освещаются актуальные проблемы германистики, романистики, типологической и сопоставительной лингвистики, общей теории языка, теории перевода, методики преподавания иностранных языков в высшей школе.

Рекомендуется для научных работников, преподавателей, аспирантов, студентов высших учебных заведений.

Журнал входит в перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук (приказ Министерства образования и науки ДНР № 1134 от 01.11.2016).

Журнал зарегистрирован в Министерстве информации Донецкой Народной Республики (свидетельство о регистрации средства массовой информации № 000072 от 22 ноября 2016 г., серия ААА).

Журнал включён в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ): лицензионный договор № 85-02/2016 от 24.02.2016 г.

Основатель и издатель: Государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Донецкий национальный университет».

Адрес редколлегии: 283001 Донецк, ул. Университетская, 24
тел.: +38 062 302 09 22

ISSN 2415-8720

**ГОСУДАРСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ДОНЕЦКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»
ФАКУЛЬТЕТ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ**

STUDIA GERMANICA, ROMANICA ET COMPARATISTICA

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Выходит четыре раза в год

Том 17 Выпуск 2 (52) 2021

Редакционная коллегия

д. филол. наук, проф. В. Д. Калиущенко (ответственный редактор);
д. филол. наук, проф. О. Л. Бессонова (зам. ответственного редактора);
к. филол. наук, доц. Н. Е. Гапотченко (ответственный секретарь);
д. филол. наук, проф. Ш. Р. Басыров; д. пед. наук, проф. О. Г. Каверина;
д. филол. наук, проф. С. Е. Кремзикова; д. филол. наук, проф. А. В. Ленец;
д. филол. наук, проф. С. Г. Николаев; д. филол. наук, проф. Т. Н. Никульшина;
д. филол. наук, проф. А. Д. Петренко; д. филол. наук, проф. А. В. Петров;
д. филол. наук, проф. М. В. Пименова; д. филол. наук, проф. В. И. Теркулов;
д. филол. наук, проф. З. А. Харитончик; д. филол. наук, проф. Л. Н. Ягупова

Донецк ДонНУ 2021

**STATE EDUCATIONAL INSTITUTION OF HIGHER PROFESSIONAL
EDUCATION «DONETSK NATIONAL UNIVERSITY»**

FACULTY OF FOREIGN LANGUAGES

***STUDIA GERMANICA, ROMANICA
ET COMPARATISTICA***

LINGUISTIC JOURNAL

Published 4 times a year

Volume 17 Issue 2 (52) 2021

Editorial Board

Doctor of Philology, Prof. V. D. Kaliuščenko (editor-in-chief);

Doctor of Philology, Prof. O. L. Bessonova (vice-editor-in-chief);

Candidate of Philology, Associate Prof. N. Ye. Gapotchenko (executive secretary);

Doctor of Philology, Prof. Sh. R. Basyrov; Doctor of Pedagogy, Prof. O. G. Kaverina;

Doctor of Philology, Prof. S. E. Kremzikova; Doctor of Philology, Prof. A. V. Lenets;

Doctor of Philology, Prof. S. G. Nikolaev; Doctor of Philology, Prof. T. N. Nikulshina;

Doctor of Philology, Prof. A. D. Petrenko; Doctor of Philology, Prof. A. V. Petrov;

Doctor of Philology, Prof. M. V. Pimenova; Doctor of Philology, Prof. V. I. Terkulov;

Doctor of Philology, Prof. Z. A. Kharitonchik; Doctor of Philology, Prof. L. N. Yagupova

Donetsk DonNU 2021

СОДЕРЖАНИЕ

Studia Germanica, Romanica et Comparatistica Т. 17, Вып. 2 (52), 2021

Германские языки

<i>Бирюкова П. С.</i> Особенности жанра Fem-Jep 'Дама в беде' в англоязычном кинодискурсе.....	5
<i>Катермина В. В.</i> Новая лексика в англоязычном дискурсе: словообразовательный аспект	14
<i>Ус Ю. Н.</i> Лексема <i>Farbe</i> в системе цветообозначений немецкого языка XVI-XIX веков.....	23

Романские языки

<i>Глоба Т. Н.</i> Синтаксические особенности построения современного франкоязычного рекламного текста.....	32
---	----

Типологические и сопоставительные исследования

<i>Белова В. Ф., Аскярова Е. С.</i> Сопоставительное исследование гендерного представления концепта «страдание» (на материале произведений немецкой и русской литературы XVIII века).....	43
<i>Воеводина А. В.</i> «Говорящие» имена собственные в английском и русском языках (на материале перевода сатирических рассказов Эдгара Аллана По).....	55
<i>Гармаш Д. А.</i> Морально-нравственные ценности во фразеологических картинах мира разноструктурных языков.....	66
<i>Джисоева В. П.</i> Лексико-семантические и морфологические особенности общественно-политической лексики в осетинском и английском языках.....	81
<i>Дроздов В. А.</i> Семантические пути развития заимствований-историзмов в карибских креолях на англоязычной основе.....	90
<i>Исаева А. Э.</i> Семантика глаголов «удаления» в английском, немецком и русском языках	102
<i>Резникова А. Р.</i> Семантические особенности фразеологических единиц с антропонимическим компонентом в разноструктурных языках.....	111
<i>Удинская А. Г., Борюшова И. Ю.</i> Стилистическая конвергенция как основа игры слов в английском и русском языках.....	121
<i>Шетэля В.</i> Иноязычные заимствования в поэтической строке Яна Кохановского.....	132
<i>Юшкова С. А.</i> Реципрокные конструкции с элиминацией дополнения в немецком и украинском языках.....	139

CONTENTS

Studia Germanica, Romanica et Comparatistica Vol. 17, Issue 2 (52), 2021

Studies in Germanic Languages

<i>Biryukova P. S.</i> Peculiarities of the Fem-Jep Genre (Female in Jeopardy) in English-Speaking Cinematic Discourse.....	5
<i>Katermina V. V.</i> New Vocabulary in English Discourse: Derivational Aspect.....	14
<i>Us Yu. N.</i> Lexeme <i>Farbe</i> in the German Colour System of the XVI-XIX Centuries.....	23

Studies in Romance Languages

<i>Globa T. N.</i> Syntactic Features of Advertising Text Organization in Modern French.....	32
--	----

Typological and Contrastive Studies

<i>Belova V. F., Askyarova E. S.</i> Comparative Study of Gender Representation of Concept <i>Suffering</i> (Based on German and Russian Literature of the XVIII Century).....	43
<i>Voyevodina A. V.</i> Charactonyms in the English and Russian Languages (Based on Translations of Satiric Stories by Edgar Allan Poe).....	55
<i>Garmash D. A.</i> Moral Values in Phraseological Worldviews of Multi-Structural Languages.....	66
<i>Dzhioeva V. P.</i> Lexico-Semantic and Morphological Characteristics of Socio-Political Vocabulary in Ossetian and English.....	81
<i>Drozhdov V. A.</i> Semantic Development Ways of Borrowed Historisms in the English-Based Caribbean Creoles.....	90
<i>Isaeva A. E.</i> 'Verbs of Leaving' Semantics in English, German and Russian.....	102
<i>Reznikova A. R.</i> Semantic Peculiarities of Phraseological units with Anthroponymic Component in Multi-Structural Languages.....	111
<i>Udinskaya A. G., Boryushova I. Y.</i> Stylistic Convergence as Basis for Play on Words in English and Russian	121
<i>Shetelya V.</i> Foreign Language Borrowings in Poetic Line of Jan Kochanowski.....	132
<i>Yushkova S. A.</i> Reciprocal Constructions with Elimination of Object in German and Ukrainian.....	139

ГЕРМАНСКИЕ ЯЗЫКИ

УДК 81'42:791

© 2021 П. С. Бирюкова

ОСОБЕННОСТИ ЖАНРА FEM-JEP 'ДАМА В БЕДЕ' В АНГЛОЯЗЫЧНОМ КИНОДИСКУРСЕ

В статье рассматриваются особенности дискурсивных характеристик киножанра fem-jep 'дама в беде' в англоязычных фильмах и мультфильмах; выявлены и проанализированы справедливые и искаженные гендерные стереотипы.

Ключевые слова: кинодискурс, «фем-джеп», дама в беде, гендерные стереотипы, справедливые гендерные стереотипы, искаженные гендерные стереотипы.

© 2021 P. S. Biryukova

PECULIARITIES OF THE FEM-JEP GENRE (FEMALE IN JEOPARDY) IN ENGLISH-SPEAKING CINEMATIC DISCOURSE

The paper dwells upon the peculiarities of discursive characteristics of the fem-jep (female in jeopardy) film genre in English-speaking films and cartoons. Fair and distorted gender stereotypes are indicated and analyzed in the article.

Key words: cinematic discourse, fem-jep, female in jeopardy, gender stereotypes, fair gender stereotypes, distorted gender stereotypes.

Исследование кинодискурса – весьма актуальное направление среди ученых-лингвистов, филологов, и это не случайно. В настоящее время кино можно с уверенностью назвать одним из самых востребованных видов искусства ввиду его доступности, разножанровости, широкого поля для творчества.

В научной литературе используются соотносимые термины: «кинодискурс», «кинотекст», «киноповествование», «кинодиалог». «Кинодискурс» среди них – наиболее емкое понятие, вмещающее в себя все вышеперечисленные. Так, М. А. Самкова полагает, что ««кинодискурс» – более широкое, нежели «кинотекст», понятие, которое включает в себя как кинотекст, так и кинофильм, интерпретацию фильма кинозрителями и тот смысл, что вложили создатели кинофильма, а также всевозможные корреляции с разнообразными видами искусства, например, литературой, театром, и с интерактивными системами – телевизионными сериалами, компьютерными играми» [Самкова, 2011: 136].

Существует большое количество жанров кино, самыми распространенными из которых являются драма, комедия, боевик, историческое кино, вестерн, документальное кино, детектив, военный, биографическое кино, фантастика, ужасы, триллер. Также в киноиндустрии определилось немало гендерно окрашенных поджанров. Вопросом

гендера в кинематографе занимались А. А. Бодрова, Н. В. Коробова [Бодрова, Коробова, 2010], О. А. Волкова, Д. В. Босов [Волкова, Босов, 2018], З. Р. Дохова, Т. А. Чепракова [Дохова, Чепракова, 2013], К. В. Игаева [Игаева, 2020], В. В. Катермина, П. С. Бирюкова [Катермина, Бирюкова, 2019], О. Е. Павловская, Н. С. Шушанян [Павловская, Шушанян, 2013], Н. П. Просунцова [Просунцова, 2010], О. В. Рябов [Рябов, 2012], Е. Р. Ярская-Смирнова [Ярская-Смирнова, 2001], L. Busso, G. Vignozzi [Busso, Vignozzi, 2017] и др. Среди довольно большого количества новейших терминов, связанных с феминноокрашенным кинематографом, можно выделить следующие: *chick flick* 'женский фильм', *rom-coms* 'романтическая комедия', *female buddy films* 'фильмы о подругах', *weepies* 'плаксивые фильмы', *tearjerkers* 'плаксивые фильмы', *soapers* 'мыльная опера'. Несколько в стороне стоит поджанр «fem-жер» (*female in jeopardy* 'дама в беде') или «WIP» (*women in peril* 'дама в беде'). Согласно Х. Эфрон, «*Female in jeopardy puts a gorgeous woman in peril; she is stalked, kidnapped, or otherwise besieged by bad guys and has to be rescued by a knight in shining armor. Sometimes the chick saves herself*» [Ephron, 2005]. 'Жанр «дама в беде» предполагает, что роскошная женщина оказывается в опасности; ее преследуют и похищают плохие парни, и ее должен спасти рыцарь в сияющих доспехах. Порой дамочка спасает себя сама'. И хотя автор имел в виду *романы* подобного содержания, в кинематографе также можно найти большое количество примеров поджанра «фем-джер» (*Panic Room* 'Комната страха' [Коерр, 2002]; *Flightplan* 'Иллюзия полёта' [Dowling, 2005]; *The hills have Eyes* 'У холмов есть глаза' [Aja, Levasseur, 2006]; *The brave one* 'Отважная' [Taylor, Taylor, Mort, 2007]; *The Girl with the Dragon tattoo* 'Девушка с татуировкой дракона' [Zaillian, 2011]; *The Girl in the Spider's Web* 'Девушка, которая застряла в паутине' [Lagercrantz, 2018] и др.).

Изучение гендерного компонента в кино поджанра «fem-жер» представляет особый интерес, так как в его сюжетной основе лежит противопоставление женского и мужского начал – феминной хрупкости и маскулинной силы. В устоявшихся культурных традициях мужчине и женщине обычно приписываются такие бинарные характеристики, как логичность-интуитивность, конкретность-абстрактность, грубость-нежность, возвышенность-приземленность, инструментальность-экспрессивность, активность-пассивность и т. д., присущие мужчине и женщине соответственно. Так, например, бинарная оппозиция «активность-пассивность» подразумевает стереотипное представление о том, что мужчина – активный создатель, деятель, а женщина – напротив, пассивный наблюдатель без креативной составляющей (ей может отводиться роль вдохновителя, музы). Эти характеристики, вошедшие в разряд стереотипов, можно назвать *справедливыми*, ведь

они отвечают общепринятым представлениям об образах мужчины и женщины. Поднимая вопрос о справедливости и ложности гендерных стереотипов, стоит отличать ложные стереотипы от стереотипов, которые «искажаются» в дискурсе, в частности, в кинодискурсе. Последние – это те же справедливые стереотипы, при условии, что типические характеристики, обычно присущие тому или иному гендеру, приписываются в киноповествовании противоположному полу. Почему же они все еще остаются справедливыми, при всем своем несоответствии общим правилам и представлениям о поведении или облике определенного пола? Это объясняется следующим: понимание того, что стереотип намеренно «искажается», может прийти только при осознании этого противоречия: изображаемые характеристики расходятся с общепринятыми взглядами на тот или иной пол.

Ложный стереотип отнюдь не является синонимом стереотипа, который искажается в киноповествовании. Хотя оба не соответствуют действительности, первый есть следствие общественного заблуждения: в силу недостаточного или недостоверного знания стереотип понимается неправильно и со временем, даже при условии обнаружения подобного заблуждения, он, устоявшись, входит в разряд правила и получает распространение [Катермина, Бирюкова, 2019].

Возвращаясь к поджанру кино «fem-jer» и анализируя конкретные примеры из англоязычного кинематографа, можно выявить как справедливые гендерные стереотипы, так и искаженные. В фильме Д. Финчера «Девушка с татуировкой дракона» («The Girl with the Dragon tattoo», 2011) линия «дама в беде» является сюжетообразующей. Харриет Вангер исчезла 40 лет назад, и главные герои (журналист Микаэль Блумквист и хакер Лисбет Саландер) пытаются выяснить, что с ней произошло, и им это удастся. Но можно ли с уверенностью утверждать, что Микаэль и Лисбет – «рыцари в сияющих доспехах» для Харриет? Мы уже упомянули, что иногда «дама в беде спасает себя сама». В данном случае так и вышло. Харриет сама расправилась с отцом-насильником: «*I could never fight him off in a small space, but out in the open ... I was strong enough to deal with an old drunk*» [Zaillian, 2011]. ‘Я никогда не могла его одолеть в маленьком пространстве, но под открытым небом ... У меня было достаточно сил, чтобы справиться со старым пьяницей’, и впоследствии сбежала от брата: «*all I could think is, if I could just get away for a moment, just get passed the police. I might be safe*» [Zaillian, 2011] ‘все, о чем я могла думать, это на мгновение исчезнуть, просто проскользнуть мимо полиции туда, где могу быть в безопасности’. Здесь мы видим пример искаженного гендерного стереотипа, где девушка демонстрирует несвойственные ей силу и храбрость. Однако именно благодаря Микаэлю

и Лисбет, доказавших вину Мартина (брата Харриет), Харриет смогла снова почувствовать себя в полной безопасности, свободной («*You're safe now*» [Zaillian, 2011] 'Ты в безопасности теперь'). То есть Микаэль и Лисбет все же можно считать «рыцарями в сияющих доспехах», так как они замыкают цепочку освобождения «дамы из беды».

Помимо Харриет, в фильме «Девушка с татуировкой дракона» присутствует еще одна линия «дама в беде» – линия Лисбет Саландер. Лисбет часто оказывается в трудных ситуациях, однако каждый раз справляется с ними сама. Она борется с похитителем в метро и «отвоевывает» свою сумку («*She gives chase, pushes past people, catches up with the junkie, grapples with him. He slugs her. She goes down, but doesn't give up. Catches up with him on the escalator, throws him back down it. The bag slams onto the metal stairs, too, but at least she has it now*» [Zaillian, 2011] 'Она преследует его, расталкивает людей, догоняет наркомана, борется с ним. Он ударил ее. Она падает, но не сдается. Догоняет его на эскалаторе, толкает. Сумка падает на металлическую лестницу, но теперь, по крайней мере, она у нее'), она справилась с извращенцем-опекуном, сумев запугать его («*I'm taking the keys to this apartment. Because, I'll be checking on you. And If I find a girl in here with you, whether she came of her own free will or not <...> I will kill you*» [Zaillian, 2011] 'Я забираю ключи от этой квартиры. Потому что я буду проверять тебя. И если я найду здесь девушку, независимо от того, пришла она по собственной воле или нет <...> Я убью тебя'). Лисбет может постоять не только за себя, но и за других. Так, она спасает Микаэля из рук убийцы. Здесь мы видим искажение типичного сюжета «дама в беде», так как из беды приходится вызволять мужчину (Микаэля), а «рыцарем в сияющих доспехах» становится девушка (Лисбет). Таким образом, Микаэль Блумквист – герой, который одновременно является спасителем и транслирует традиционный гендерный стереотип (в случае с Харриет), а также спасаемым (причем девушкой), демонстрируя пример искаженного гендерного стереотипа (в случае с Лисбет).

У режиссера «Девушки с татуировкой дракона» Д. Финчера есть еще один фильм в жанре «fem-жер» – «Комната страха» («*Panic Room*», 2002). По сюжету в дом проникают грабители, и мать с дочерью (Мег и Сара Олтман) прячутся в так называемой Комнате страха, куда невозможно попасть, если она заперта изнутри («*Meg and Sarah trip over each other coming through the doorway, they tumble to the floor of the panic room, the door wide open behind them. Meg spins around, hurls herself at the red button on the wall <...> Meg slams her open palm on the red button, the massive coiled spring that holds the metal door open is released, the steel barrier leaps forward out of the wall – and whangs shut in a split-second*» [Коепп, 2002]. 'Мег и Сара спотыкаются друг о друга, проходя через дверной проем, они

падают на пол Комнаты страха, за ними широко распахнута дверь. Мег разворачивается, бросается к красной кнопке на стене <...> Мег бьет по красной кнопке, отпуская массивную спиральную пружину, которая удерживает металлическую дверь открытой, стальной барьер движется от стены – и дверь захлопывается в доли секунды'. Из Комнаты Мег звонит бывшему мужу в надежде на помощь, он появляется, но не может справиться с тремя мужчинами. В итоге один из злоумышленников помогает Мег и Саре, убивая своего поделника (другого к этому времени уже устранили). Таким образом, в «Комнате страха» мы наблюдаем пример справедливых гендерных стереотипов: Мег и Сара – «дамы в беде», которых в итоге спасает (как это ни парадоксально) один из грабителей, «плохой парень», оказавшийся «рыцарем в сияющих доспехах». Кроме того, бывший муж Мег Стивен также пытается спасти свою семью, демонстрируя храбрость, присущую маскулинному образу.

Мультипликационное пространство, также как и художественные киноленты для взрослой аудитории, является транслятором определенных поведенческих клише. Неоспоримо, что, помимо развлекательной функции, мультфильмы прививают моральные ценности, закладывают поведенческие нормы. В этом отношении их можно сравнить со сказками, которые являются одним из основных приемов социализации и воспитания в целом. Так, согласно онлайн-энциклопедии: *«We should not forget that fairy tales are moral literature, in the fullest sense of the word. Though few posit precise morals, virtually all the tales convey a fundamental esthetic which may be gleaned within their predominant theme»* [Evolution of Fairy Tales]. 'Не следует забывать, что сказки – это морализирующая литература в полном смысле этого слова. Хотя немногие придерживаются точной морали, практически все сказки передают фундаментальную эстетику, которую можно почерпнуть в рамках их доминирующей темы'.

Наряду с нравственными ценностями, мультипликационный жанр также не может не затрагивать гендерный аспект. Это отмечают З. Р. Дохова и Т. А. Чепракова: «Не менее важным маркером формирования маскулинной и феминной культур в детстве являются мультипликационные фильмы, передающие культурные навыки и ценности, преднамеренно транслирующие культурные стереотипы, которые и становятся следующим предметом подражания подрастающего поколения» [Дохова, Чепракова, 2013: 86]. Отсюда следует, что через героев мультфильмов транслируются устоявшиеся нормы поведения, присущие тому или иному полу, формируя определенное представление о внешнем облике, манере речи, социальных ролях мужчины и женщины. Учитывая часто гротескную составляющую как сказок, так и мультфильмов, можно заключить, что те или иные характеристики женских и

мужских образов представляются утрированно, что позволяет наиболее отчетливо проследить вкладываемые в мужской или женский образ характеристики.

Довольно частым элементом мультипликационного повествования является линия «fem-гер».

«Дамой в беде», например, является героиня мультфильма «Шрек» («Shrek», 2001) Фиона. По сказочным канонам она заперта в «самой высокой комнате самой высокой башни», которую охраняет огнедышащий дракон *«a fiery redhead from a dragon-guarded castle surrounded by hot boiling lava! But don't let that cool you off. She's a loaded pistol who likes pina coladas and getting caught in the rain. Yours for the rescuing, Princess Fiona!»* [Elliot et al., 2001]. Она ждет «смелого рыцаря», который вызволит ее из башни («*SHREK: Are you Princess Fiona? FIONA: I am, awaiting a knight so bold as to rescue me*» [Elliot et al., 2001]), мечтает об их сказочной встрече («*Oh, you must know how it goes. A princess locked in a tower and beset by a dragon is rescued by a brave knight, and then they share true love's first kiss*» [Elliot et al., 2001]), однако ее спасает не рыцарь, а огр Шрек, и встреча проходит не так сказочно: *«He looks down at Fiona for a moment and she puckers her lips. Shrek takes her by the shoulders and shakes her awake»* [Elliot et al., 2001]. Итак, сюжетная линия «дама в беде» в «Шреке» построена на канонах, которые «разрушают» сами же герои мультфильма. Что касается гендерного аспекта, то Фиона, полностью соответствуя гендерному стереотипу феминности, предстает хрупкой, нуждающейся в защите девушкой. Шрек, хоть и огр, является воплощением маскулинных черт: он храбр (отправляется в логово дракона, чтобы спасти принцессу), силен (одолевает лучших рыцарей в турнире). Таким образом, в мультфильме «Шрек» мы наблюдаем справедливые гендерные стереотипы.

В мультфильме «Рапунцель: запутанная история» («Tangled», 2010) главная героиня также является «дамой в беде». Рапунцель находится в заточении у колдуньи, которая обманом держит ее в высокой башне (*«deep within the forest in a hidden tower Gothel raised the child as her own»* [Fogelman, 2010]). Рапунцель соответствует феминному стереотипу: она романтична (*«Something brought you here, Flynn Ryder. Call it what you will, fate, destiny»* [Fogelman, 2010]), эмоциональна (*«I could go running, and racing, and dancing ... and chasing, and leaping and bounding, hair flying, heart pounding and splashing and reeling»* [Fogelman, 2010]). Мужской персонаж, Флин Райдер, соответствует маскулинному стереотипу: Флин спасает Рапунцель из заточения, справляется с колдуньей.

Проанализировав кинодискурс жанра «fem-гер» на примерах англоязычного кинематографа, мы обнаружили как справедливые гендерные стереотипы феминности и

маскулинности, так и искаженные. Рассмотренные примеры доказали, что порой одни и те же герои могут демонстрировать и справедливые, и искаженные гендерные стереотипы в зависимости от ситуации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бодрова А. А., Коробова Н. В. Лексические оппозиции как способ актуализации гендерных стереотипов в кинотексте // Вестник ЧелГУ. 2010. №34. С. 23-36.
2. Волкова О. А., Босов Д. В. Образ женщины-программистки в кинофильмах и сериалах // Женщина в российском обществе. 2018. №3 (88). С. 97-103.
3. Дохова З. Р., Чепракова Т. А. Мультфильм как механизм конструирования у детей дошкольного возраста элитарных гендерных представлений (на материале мультсериала «ВИНКС») // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. № 160. Санкт-Петербург: Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, 2013. С. 85-91.
4. Игаева К. В. Трансформации гегемонной маскулинности и функции женских образов в западном кинематографе конца XX – начала XXI века // Logos et Praxis. 2020. № 4. С. 78-83.
5. Катермина В. В., Бирюкова П. С. Гендерные стереотипы в мультипликационном дискурсе // Реальность. Вымысел. Текст. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2019. С. 21-38.
6. Павловская О. Е., Шушанян Н. С. Гендерные стереотипы как отражение народного менталитета (на примере полнометражного мультипликационного фильма «Три богатыря и Шамаханская царица») // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Филологические науки. 2013. № 1. С. 327-331.
7. Просунцова Н. П. Гендерные стереотипы в речи персонажей художественных фильмов (на материале английского языка) // Вестник МГЛУ. Вып. 1 (580). 2010. С. 132-142.
8. Рябов О. В. «Мистер Джон Ланкастер Пек»: американская маскулинность в советском кинематографе холодной войны (1946-1963) // Женщина в российском обществе. 2012. № 4. Доступ: <https://cyberleninka.ru/article/n/mister-dzhon-lankaster-pek-amerikanskaya-maskulinnost-v-sovetskom-kinematografe-holodnoy-voyny-1946-1963>. (дата обращения: 04.04.2021).
9. Самкова М. А. Кинотекст и кинодискурс: к проблеме разграничения понятий // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2011. №1(8). С. 135-137.
10. Ярская-Смирнова Е. Р. Гендер, власть и кинематограф: основные направления феминистской кинокритики // ЖССА. 2001. № 2. С. 100-118.
11. Busso L., Vignozzi G. Gender Stereotypes in Film Language: A Corpus-Assisted Analysis // Proceedings of the Fourth Italian Conference on Computational Linguistics CLiC-it 2017: 11-12 December, Rome (online). Torino: Accademia University Press, 2017. P. 71-76.
12. Ephron H. Writing and Selling your Mystery Novel. Writer's Digest Books, 2005. Доступ: <https://books.google.ru>. (дата обращения: 15.01.2020).
13. Evolution of Fairy Tales. Children's Literature Review. Encyclopedia.com. Доступ: <https://www.encyclopedia.com/children/academic-and-educational-journals/evolution-fairy-tales>. (дата обращения: 02.05.2019).

СПИСОК ИЛЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРИАЛА

1. Aja A., Lvasseur G. The hills have eyes: screenplay. 2006. Доступ: <https://imsdb.com/scripts/Hills-Have-Eyes,-The.html>. (дата обращения: 04.04.2021).
2. Dowling P. Flightplan: screenplay. 2005. Доступ: <https://www.dailyscript.com/scripts/flightplan.html>. (дата обращения: 04.04.2021).

3. Elliot T., Rossio T., Stillman J., Schulman R. Shrek: screenplay. 2001. Доступ: <http://faroutfilms.tv/wp-content/uploads/2016/01/Shrek-Script.pdf>. (дата обращения: 15.01.2020).

4. Fogelman D. Tangled: screenplay. 2010. Доступ: https://www.springfieldspringfield.co.uk/movie_script.php?movie=tangled. (дата обращения: 15.01.2020).

5. Копп Д. Panic Room: screenplay. 2002. Доступ: <http://www.dailyscript.com/scripts/PANICROOMSPEС.pdf>. (дата обращения: 15.01.2020).

6. Lagercrantz D. The girl in the spider's web: screenplay. 2018. Доступ: <http://1.droppdf.com/files/wSj7e/the-girl-in-the-spider-s-web-david-lagercrantz.pdf>. (дата обращения: 04.04.2021).

7. Taylor R., Taylor B. A., Mort C. The brave one: screenplay. 2007. Доступ: <https://scripts-onscreen.com/tag/the-brave-one-screenplay/>. (дата обращения: 04.04.2021).

8. Zaillian S. The Girl with the Dragon Tattoo: screenplay. 2011. Доступ: https://www.springfieldspringfield.co.uk/movie_script.php?movie=girl-with-the-dragon-tattoo-the. (дата обращения: 15.01.2020).

REFERENCES

1. Bodrova, A. A., Korobova, N. V. (2010). Leksicheskie oppozitsii kak sposob aktualizatsii gendernykh stereotipov v kinotekste [Lexical oppositions as a way to actualize gender stereotypes in film text]. In *Vestnik ChelGU*. No. 34. Pp. 23-36. (In Russ.).

2. Volkova, O. A., Bosov, D. V. (2018). Obraz zhenshchiny-programmistki v kinofilmakh i serialakh [The image of a woman programmer in films and TV series]. In *Zhenshchina v rossiyskom obshchestve*. No. 3 (88). Pp. 97-103. (In Russ.).

3. Dokhova, Z. R., Cheprakova, T. A. (2013). Multfilm kak mekhanizm konstruirovaniya u detey doshkolnogo vozrasta elitarnykh gendernykh predstavleniy (na materiale multseriala «VINKS») [Cartoon as a mechanism for constructing elite gender representations in preschool children (based on the animated series «VINKS»)]. In *Izvestiya RGPU im. A. I. Gertsena*. No. 160. Pp. 85-91. (In Russ.).

4. Igaeva, K. V. (2020). Transformatsii gegemonnoy maskulinnosti i funktsii zhenskikh obrazov v zapadnom kinematografe kontsa XX – nachala XXI veka [Transformations of hegemonic masculinity and the function of female images in Western cinema of the late XX – early XXI century]. In *Logos et Praxis*. No. 4. Pp. 78-83. (In Russ.).

5. Katermina, V. V., Biryukova, P. S. (2019). Gendernye stereotipy v multiplikatsionnom diskurse [Gender stereotypes in cartoon discourse]. In *Realnost. Vymysel. Tekst*. Vogograd: Izd-vo VolGU. Pp. 21-38. (In Russ.).

6. Pavlovskaya, O. E., Shushanyan, N. S. (2013). Gendernye stereotipy kak otrazhenie narodnogo mentaliteta (na primere polnometrazhnogo multiplikatsionnogo filma «Tri bogatyrya i Shamakhanskaya tsaritsa») [Gender stereotypes as a reflection of the national mentality (on the example of the full-length animated film «Three heroes and the Shamakhan queen»)]. In *Uchenye zapiski Krymskogo federalnogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Filologicheskie nauki*. No. 1. Pp. 327-331. (In Russ.).

7. Prosuntsova, N. P. (2010). Gendernye stereotipy v rechi personazhey khudozhestvennykh filmov (na materiale angliyskogo yazyka) [Gender stereotypes in the speech of characters in feature films (based on the English language)]. In *Vestnik MGLU*. Vyp. 1(580). Pp. 132-142. (In Russ.).

8. Ryabov, O. V. (2012). «Mister Dzhon Lankaster Pek»: amerikanskaya maskulinnost v sovetskom kinematografe kholodnoy voyny (1946-1963) [«Mr. John Lancaster Peck»: American Masculinity in Soviet Cinema of the Cold War period (1946-1963)]. In *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*. No. 4. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/mister-dzhon-lankaster-pek-amerikanskaya-maskulinnost-v-sovetskom-kinematografe-holodnoy-voyny-1946-1963>. (accessed: 04.04.2021). (In Russ.).

9. Samkova, M. A. (2011). Kinotekst i kinodiskurs: k probleme razgranicheniya ponyatiy [Film text and film discourse: on the problem of differentiation of concepts]. In *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. Tambov: Gramota. No. 1(8). Pp. 135-137. (In Russ.).

10. Yarskaya-Smirnova, E. R. (2001). Gender, vlast i kinematograf: osnovnye napravleniya feministskoy kinokritiki [Gender, power and cinema: the main directions of feminist film criticism] In *ZhSSA*. No. 2. Pp. 100-118. (In Russ.).

11. Busso, L., Vignozzi, G. (2017). Gender Stereotypes in Film Language: A Corpus-Assisted Analysis. In *Proceedings of the Fourth Italian Conference on Computational Linguistics CLiC-it 2017: 11-12 December, Rome (online)*. Torino: Accademia University Press. Pp. 71-76.

12. Ephron, H. (2005). *Writing and Selling your Mystery Novel*. Writer's Digest Books. Available at: <https://books.google.ru>. (accessed: 15.01.2020).

13. *Evolution of Fairy Tales*. *Children's Literature Review*. Encyclopedia.com. Available at: <https://www.encyclopedia.com/children/academic-and-educational-journals/evolution-fairy-tales>. (accessed: 02.05.2019).

SOURCES OF ILLUSTRATIVE MATERIAL

1. Aja, A., Levasseur G. (2006). The hills have eyes: screenplay. Available at: <https://imsdb.com/scripts/Hills-Have-Eyes,-The.html>. (accessed: 04.07.2021).

2. Dowling, P. (2005). Flightplan: screenplay. Available at: <https://www.dailyscript.com/scripts/flightplan.html> (accessed: 04.04.2021).

3. Elliot, T., Rossio, T., Stillman, J., Schulman, R. (2001). Shrek: screenplay. Available at: <http://faroutfilms.tv/wp-content/uploads/2016/01/Shrek-Script.pdf>. (accessed: 15.01.2020).

4. Fogelman, D. (2010). Tangled: screenplay. Available at: https://www.springfieldspringfield.co.uk/movie_script.php?movie=tangled. (accessed: 15.01.2020).

5. Koepp, D. (2002). Panic Room: screenplay. Available at: <http://www.dailyscript.com/scripts/PANICROOMSPEC.pdf>. (accessed: 15.01.2020).

6. Lagercrantz, D. (2018). The girl in the spider's web: screenplay. Available at: <http://1.droppdf.com/files/wSj7e/the-girl-in-the-spider-s-web-david-lagercrantz.pdf>. (accessed: 04.04.2021).

7. Taylor, R., Taylor, B. A., Mort, C. (2007). The brave one: screenplay. Available at: <https://scripts-onscreen.com/tag/the-brave-one-screenplay/>. (accessed: 04.04.2021).

8. Zaillian, S. (2011). The Girl with the Dragon Tattoo: screenplay. Available at: https://www.springfieldspringfield.co.uk/movie_script.php?movie=girl-with-the-dragon-tattoo-the. (accessed: 15.01.2020).

Бирюкова Полина Сергеевна – ассистент и соискатель кафедры английской филологии (e-mail: biriukova.polina@mail.ru), Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Кубанский государственный университет»
350040, Краснодар, Ставропольская, 149

Biryukova Polina Sergeevna – Assistant and Applicant of the Department of English Philology (e-mail: biriukova.polina@mail.ru), Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Kuban State University»
149 Stavropolskaya, Krasnodar, 350040

Поступила в редакцию 20 апреля 2021 г.

НОВАЯ ЛЕКСИКА В АНГЛОЯЗЫЧНОМ ДИСКУРСЕ: СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТ

В данной статье рассматривается словообразовательный аспект новой лексики в англоязычном дискурсе. Именно в лексике отражаются все изменения, происходящие в общественной жизни, что неизбежно влечет за собой создание новых наименований. Важным направлением в лингвистических исследованиях является выявление семантических свойств единиц словообразования и особенностей организации словообразовательной семантики, а также выявление факторов и условий, влияющих на прагматические аспекты производных слов.

Ключевые слова: *неологизм, англоязычный медиадискурс, словообразование, суффикс, информация.*

© 2021 V. V. Katermina

NEW VOCABULARY IN ENGLISH DISCOURSE: DERIVATIONAL ASPECT

The article addresses the word-forming aspect of new vocabulary in English discourse. It is the vocabulary that reflects all the changes happening in the public life, which inevitably leads to the formation of new nominations. An important direction in the linguistic research on the problems of word formation is the identification of semantic properties of word formation units and the peculiarities of word-formation semantics organization as well as the identification of factors and conditions affecting the pragmatic aspects of derived words

Key words: *neologism, English massmedia discourse, word-formation, suffix, information.*

Лингвистические исследования, посвященные вопросам словообразования современного английского языка, обширны. Неизменный интерес современной лингвистики к различным аспектам словообразования объясняется прежде всего тем, что слово является центральной единицей языка. Собственные свойства слова как лексической единицы взаимодействуют в нем со свойствами других элементов языка, что и лежит в основе функционирования языковой системы в целом [Арнольд, 2002: 4].

Возникновение нового является сущностным свойством любой системы, следствием ее развития, движения вперед, неотъемлемым признаком и свидетельством ее жизнеспособности. Появление новых слов в системе языка любого народа – яркий пример данной тенденции и подтверждение двух главных принципов языковой системы – ее динамизма и открытости [Катермина, 2019: 3].

Проблема образования новых слов путем суффиксации представляется важной для словообразования и является сферой научных интересов отечественных и зарубежных ученых [ср.: Лопатникова, 2002; Овчинникова, 1999; Цыбова, 2008; Eisenberg, 2018; Gerhardt, 2016; Herberg, Kinne, Steffens, 2004; Steffens, 2003 и др.].

В данной статье нами будут рассмотрены английские неологизмы, образованные при помощи суффиксов, отобранные из электронных словарей [Cambridge Dictionaries Online Blog; Macmillan Buzzword Dictionary; Urban Dictionary; Word Spy].

Суффиксация, по мнению лингвистов, обладает высочайшей продуктивностью в образовании новых слов. Хотя суффиксы не свободны синтаксически, они определенно обладают семантическим содержанием, грамматическим, словообразовательным и стилистическим значением. Большинство продуктивных суффиксов, образуя новые слова, придают им разнообразные эмоционально-экспрессивные оттенки и одновременно закрепляют их за той или иной сферой употребления.

При суффиксации выражение деривационного значения происходит с помощью суффикса и системы флексий производного слова, при этом суффиксы не только оформляют слово как определенную часть речи, но и могут внести в производное новый лексический оттенок или коннотацию.

Самую значительную группу составляют суффиксы, образующие существительные на базе других частей речи.

Наиболее частотным суффиксом является суффикс *-er / -or*, он многозначен.

I. Одно из его значений – обозначение предметов, с помощью которых выполняется действие, выраженное глаголом. Это могут быть инструменты, приспособления, приборы, механизмы или оборудование: *earthscraper* – a pyramid-shaped multi-storey building which is constructed underground, with its ‘roof’ at ground level; *thumbstopper* – an eye-catching or compelling item that makes a person stop scrolling through a list of posts, particularly when using the thumb to scroll a touchscreen device; *spiralizer* – a piece of kitchen equipment for cutting vegetables into long winding ribbons; *clicker* – a device that clicks.

Современное аффиксальное словообразование имеет ярко выраженный социально-обусловленный характер. Усиление роли отдельной личности в общественной жизни стало причиной того, что в центре современной аффиксации оказалось производство имен лиц [Катермина, 2016]. Значением суффикса *-er* также выступает номинация человека.

II. Номинация человека

1. Номинация людей, верующих во что-либо: *truther* – a person who does not believe the generally accepted explanation of a particular event and who believes that they know the true facts about what happened; *birther* (pejor.) – a person who believes that US president Barack Obama was not born in the United States, and is therefore ineligible to be president; *deather* (pejor.) – a person who believes that US health care reform will lead to more deaths, particularly among the elderly;

no planer – a conspiracy theorist who believes that no planes were involved in the terrorist attack of September 11, 2001; *flat-earther* – someone who believes that the earth is flat.

2. Профессиональная номинация человека: *tasker* – someone who finds work by using an online marketplace where people list tasks they need done and people who want the job bid for it by stating the fee or hourly rate they are happy to work for; *cat cuddler* – someone whose job is to take care of cats at an animal rescue centre or veterinary clinic by grooming them and playing with them; *astrophotographer* – a person who takes photographs of stars, planets, and other objects in the universe; *cutler* – someone who makes cutlery; *curbsider* – an unregistered car dealer who sells vehicles from parking lots and other public locations while masquerading as a private seller (also a person who sells stolen, rebuilt, or odometer-tampered vehicles); *booker* (also talent booker) – someone whose job is to book guests or performers for TV or radio programmes, theatre shows, etc.

3. Номинация человека, связанного с интернет-технологиями: *e-lancer* – a freelancer who provides their services over the internet. Implies computer literacy and mobility; *feedbacker* – someone who comments or leaves feedback on the web, e.g. rating eBay purchases or commenting on a site's usability; *griefer* – in a game, forum, or similar online venue, a person who intentionally and repeatedly harasses other users; *iPodder* – a person who used an iPod digital music player; *facebooker* – a person who uses the social networking site facebook on a regular basis; *feedbacker* – someone who comments or leaves feedback on the web, e.g. rating eBay purchases or commenting on a site's usability; *lifelogger* – someone who digitally records everything that happens to them all the time.

Выделение достаточно большого количества неологизмов, называющих людей, связанных с интернет-технологиями, является, с нашей точки зрения, закономерным, так как в наши дни Интернет занимает все больше места в жизни человека.

4. Номинации человека по возрастному признаку: *superager* – an elderly person who exhibits little cognitive decline; *grnadboomer* – a grandparent who is a part of the baby boom generation; *nexter* – a person who is part of the generation born in 1978 or later; *Alpha Boomer* – a well-off British or American person aged approximately 55 to 65.

5. Отдельно следует выделить некоторые неониминанты с данным суффиксом, которые отражают новые явления современной жизни:

– номинация людей, борющихся с загрязнением окружающей среды: *picker* – a person who takes it upon themselves to pick up litter in public places; *hypermiler* – a person who attempts to maximize gas mileage by using driving techniques that conserve fuel;

– номинация людей с пристрастиями и предпочтениями: *roamer* – someone who moves from one country to another to live and work; *rooftopper* – someone who climbs onto the roof of a high building to take photographs, often putting themselves in physical danger; *bookTuber* – someone who posts videos of book reviews on the social media site YouTube; *cratedigger* – a person who spends a great deal of time in music stores combing through stacks of vinyl records; a DJ who has a large collection of vinyl records; *youTuber* – someone who posts videos on YouTube.

6. Еще одно значение многозначного суффикса *-er* – человек определенных взглядов, участник движения.

Среди английских неологизмов можно выделить единицы, обозначающие сторонников американского президента Дональда Трампа (*Trumper* – a person who is a supporter of politician Donald Trump), сторонников выхода Великобритании из Евросоюза (*Brexiter* – one who favours Brexit [=Britain leaving the EU]).

Кроме суффикса *-er* в английском языке к суффиксам, номинирующим человека, также относятся суффиксы *-ist*, *-eer*, *-ster*, *-ess*.

Неологизмы с суффиксами *-ist* и *-eer* могут обозначать человека определенных взглядов, участника движения (как и суффикс *-er*): *Brexiteer* – one who favours Brexit (=Britain leaving the EU); *faitheist* – an atheist who is nevertheless understanding and tolerant of religions and religious people; *disconnectionist* – a person who advocates spending time away from online activities, particularly for mental or spiritual rejuvenation; *eruptionist* – a person who believes that life on Earth can or will be mostly destroyed by a massive volcanic eruption; *denialist* – someone who deliberately chooses to deny the truth about something because it is too uncomfortable or difficult to accept; *kayaktivist* – someone who uses a kayak in political activism.

Новые условия жизни привели к возникновению новой профессии, образованной при помощи суффикса *-ist*: *bibliotherapist* – a therapist who uses books to facilitate better mental health.

Суффикс *-ster* обозначает человека, связанного с чем-либо, имеющего отношение к чему-либо: *scenester* – a person who frequently attends a particular social or cultural scene; *hipster* – a young person who lives in a city and is self-consciously cool and interested in non-mainstream culture; *linkster* – someone born after the year 2002, said to be «linked» into technology since birth; *pollster* – лицо, производящее опрос общественного мнения; *tapster* – буфетчик, бармен; *poster* – музыкант, специализирующийся в области поп-музыки; любитель поп-музыки, приверженец поп-культуры; *crimester* – преступник.

Неологизмы, относящиеся к гендерному дискурсу, получившему большое

распространение в конце XX – начале XXI вв., представлены суффиксами *-ess* и *-ette*: *songstress* – a female singer, *beaverette* – женщина-трудяга, *anchorette* – ведущая теле- или радиопрограммы; *bachelorette* – незамужняя женщина, живущая одна.

По словам исследователей, «ускорение темпов жизни усиливает действие закона речевой экономии, а рост эмоциональной напряженности в жизни общества активизирует процессы образования эмоционально-экспрессивных типов словообразовательных моделей» [Валгина, 2001: 131].

Существительные с диминутивами *-ie* выражают определенное отношение говорящего к предмету высказывания: *homie* – a friend or acquaintance from someone's home town or area; used mainly in American English; *stealthie* – a photograph of one or more people, taken without their knowledge or consent; *rashie* – a type of clothing for the upper body, designed to be worn in water and to protect from sunburn and abrasions; *slashie* – a person who holds down two or more jobs; *bothie* – a split-screen image of two photos or videos taken using the front- and back-facing cameras of a phone at the same time.

Суффикс *-let* служит для обозначения небольшого объекта или предмета: *parklet* – a public outdoor space that may be associated with a local business but where anyone can sit; *chiplet* – a very tiny electronic circuit.

Суффикс *-ing* используется в англоязычном массмедийном дискурсе в значении «действие, результат, процесс, материал, продукт»: *milking* – the pouring of milk over one's head in a public place; *owling* – the practice of posting pictures of oneself crouching in unlikely places: an Internet craze; *camping* – in computer gaming, staying in one place in order to gain a strategic advantage (often in a way that is considered unfair); *catfishing* – the practice of lying about yourself in an online environment in order to impress others, especially to lure someone into a relationship; *farming* – in a computer game, carrying out repetitive actions in the same area, for example repeatedly attacking someone, in order to build up points; *ghosting* – the theft of the identity of someone who has died.

В создании новых слов очень активно используются древнегреческие и латинские морфемы. Для широкого распространения этих единиц в языках Европы, Америки, а затем Азии и Африки есть определенные причины. Во-первых, появившись в различных языках в результате распространения классического образования, включавшего изучение греческого и латинского языков, эти слова были понятными для представителей ряда стран и, следовательно, интернациональными. Такими они остались и до настоящего времени, составляя главную часть международного словарного фонда языков науки и техники. Во-вторых, модели сложных слов латинского и древнегреческого языков были

очень компактными, прозрачными по своей структуре, поэтому они послужили основой для создания многочисленных новых слов, которых не было в латинском и греческом языках, но в которых использовалась их «схема» [Сенько, 2007: 197-198].

Суффикс *-ism* (др.-греч. *-ισμός*) называет общественно-политические течения, направления, актуальные социальные явления: *nativism* – the political view that people born in a country should be favoured over immigrants; *denialism* – the deliberate choice to deny the truth about something because it is too uncomfortable or difficult to accept; *solutionism* – the belief that every problem has a solution, particular one that utilizes technology; *adulthoodism* – discrimination against young people; *breakfastarianism* – the practice of eating breakfast foods at any meal and not merely the morning meal; *climatarianism* – a diet based on choosing food in order to minimise its impact on the environment.

Интересны случаи употребления суффиксов греческого происхождения *-phobia* и *-philia*.

Phobia (от др.-греч. φόβος «страх»), боязнь – симптом, сутью которого является иррациональный неконтролируемый страх или устойчивое переживание излишней тревоги в определённых ситуациях или в присутствии (ожидании) некоего известного объекта: *biphobia* – extreme dislike of and prejudice against bisexual people; *glossophobia* – fear of public speaking; *bathmophobia* – fear of slopes or stairs; *emporiophobia* – fear or mistrust of, or resistance to, free markets; *ebolaphobia* – a strong and irrational fear of the Ebola virus.

Philia (др.-греч. φιλία) – древнегреческое слово «филия», часто переводимое как «дружба» или «любовь», не имеет точного соответствия в других языках. Оно обозначает не только «дружбу», но и «дружественность», «расположение», «притяжение», «влечение», «любовь»: *logophilia* – the love of words; *nyctophilia* – a love of darkness or night; finding relaxation or comfort in darkness; *thalassophile* – a lover of the sea.

Необходимо отметить появление в английском языке нового суффикса *-exit* (suffix) – added to the first letters of the name of a country or state to indicate that it may leave a union or federation, появившегося в результате реализации статьи № 50 Лиссабонского договора – *Article 50 – article of the Lisbon Treaty that sets out the process by which member states can withdraw from the European Union being the so-called prophecy of the process itself.*

Будучи сформированным по аналогии с уже существующим неологизмом *grexit* – *the (as yet hypothetical) Greek exit from the Eurozone*, по аналогии появились новые слова: *Brexit* – the British exit from the Eurozone; *Calexit* – an exit by the state of California from the United States of America; *Texit* – an exit by the state of Texas from the United States of

America; *Scexit / Scoxit* – Scotland exiting the UK; *Clexit* – an exit by the country from international climate treaties.

Также существуют гипотетические сценарии названий других стран, покидающих Европейский союз, образованные при помощи суффикса *-exit*: *Auxit* – *Austria* + *exit*, *Bexit* – *Belgium* + *exit*, *Chexit / Czechit* – *Czech* + *exit*, *Dexit* – *Deutschland* + *exit*, *Fixit* – *Finland* + *exit*, *Frexit* – *France* + *exit*, *Germexit / Gerxit* – *Germany* + *exit*, *Irelexit / Irexit* – *Ireland* + *exit*, *Italexit / Itexit* – *Italy* + *exit*, *Luxembexit* – *Luxembourg* + *exit*, *Nexit* – *Netherlands* + *exit*, *Oexit* – *Österreich* + *exit*, *Pexit / Portexit / Portugexit / Portuxit* – *Portugal* + *exit*.

Язык – сложный общественный феномен. Он является средством человеческой коммуникации и находится в постоянном движении. Как отмечают исследователи, язык – зеркало общества. В наш век индустриализации, научно-технического прогресса, интенсивной общественно-политической жизни, полной событиями международного значения, все время идет процесс лексического обогащения языка. Все изменения и процессы, происходящие в общественной жизни, находят непосредственное отражение в языках всех стран мира.

Словарный состав языка обогащается в основном путем деривации, то есть образования новых слов на основе и с использованием того лексического материала, который в языке уже существует. Без словообразования язык не мог бы иметь словарного состава, который соответствовал бы развитию общества. Именно этим и определяется огромное значение словообразования в общей системе языка. Суффиксация, по мнению лингвистов, обладает высочайшей продуктивностью в образовании новых слов.

Образование новых слов, появление у них новых значений связано с постоянной творческой работой сознания человека, неустанным процессом когниции, что определяется предметно-практической и интеллектуальной деятельностью человека. Появление неологизмов – важный этап в постижении объективной реальности и дискурсивного освоения номинируемых предметов и явлений действительности, их признаков, необходимых для жизнедеятельности человека.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арнольд И. В. Стилистика. Современный английский язык. Москва: Флинта, 2002. 384 с.
2. Валгина Н. С. Активные процессы в современном русском языке. Москва: Логос, 2001. 304 с.
3. Катермина В. В. Номинации человека: национально-культурный аспект (на материале русского и английского языков). Москва: Флинта, 2016. 222 с.
4. Катермина В. В. Словообразовательный потенциал неологизмов в англоязычном массмедийном дискурсе. Краснодар: Кубанский госуниверситет, 2019. 133 с.

5. Лопатникова Н. Н. Некоторые тенденции развития лексической системы современного французского языка. Москва: АБФ, 2002. 109 с.
6. Овчинникова Г. В. Адъективные суффиксы во французском, итальянском и русском языках: Опыт словаря-справочника. Тула: Изд-во ТГПУ им. Л. Н. Толстого, 1999. 99 с.
7. Сенько Е. В. Неологизация в современном русском языке: межуровневый аспект. Санкт-Петербург: Наука, 2007. 354 с.
8. Цыбова И. А. Словообразование в современном французском языке. Москва: Высшая школа, 2008. 128 с.
9. Eisenberg P. Wortbildung // Das Fremdwort im Deutschen. 3. akt. u. erw. Aufl. Berlin, New York: de Gruyter, 2018. S. 246-314.
10. Elsen H. Neologismen. Formen und Funktionen neuer Wörter in verschiedenen Varietäten des Deutschen. 2. Aufl. Tübingen: Narr Francke Attempto Verlag, 2011. 202 S. (Tübinger Beiträge zur Linguistik, 477).
11. Gerhardt D. Neue Wörter als Grundlage für hessische Flurnamen? // Wortbildung im Deutschen. Aktuelle Perspektiven. Hrsg. von E. Hentschel. Tübingen: Narr Francke Attempto Verlag, 2016. S. 166-188.
12. Herberg D., Kinne M., Steffens D. Neuer Wortschatz. Neologismen der 90er Jahre im Deutschen. Berlin, New York: de Gruyter, 2004. 393 S. (Schriften des Instituts für Deutsche Sprache 11).
13. Steffens, D. Nicht nur Anglizismen ... Neue Wörter und Wendungen in unserem Wortschatz // IDS-Sprachforum, 21. Mai 2003. Sprachreport. 2003. H. 4. S. 2-9.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРИАЛА

1. Cambridge Dictionaries Online Blog. Cambridge: Cambridge University Press, 2008. Available at: <http://dictionaryblog.cambridge.org/tag/neologisms>. (accessed: 22.06.2020).
2. Macmillan Buzzword Dictionary. Macmillan Education Limited. 2009-2021. Available at: <http://www.macmillandictionary.com>. (accessed: 05.04.2020).
3. Urban Dictionary. 1999-2021. Available at: <http://www.urbandictionary.com>. (accessed: 17.04.2020).
4. Word Spy. The Word Lover's Guide to New Words. Logophilia Limited, 2021. Available at: <http://www.wordspy.com>. (accessed: 15.10.2020).

REFERENCES

1. Arnold, I. V. (2002). *Stilistika. Sovremennyy angliyskiy yazyk* [Stylistics. Contemporary Russian]. Moskva: Flinta. (In Russ.).
2. Valgina, N. S. (2001). *Aktivnye protsessy v sovremennom russkom yazyke* [Active processes in contemporary Russian]. Moskva: Logos. (In Russ.).
3. Katermina, V. V. (2016). *Nominatsii cheloveka: natsionalno-kulturnyy aspekt (na materiale russkogo i angliyskogo yazykov)* [Nominations of a person: national and cultural aspect (based on the Russian and English languages)]. Moskva: Flinta. (In Russ.).
4. Katermina, V. V. (2019). *Slovoobrazovatelnyy potentsial neologizmov v angloyazychnom massmediynom diskurse* [Word-formation potential of neologisms in English mass-media discourse]. Krasnodar: Kubanskiy gosuniversitet. (In Russ.).
5. Lopatnikova, N. N. (2002). *Nekotorye tendentsii razvitiya leksicheskoy sistemy sovremennogo frantsuzskogo yazyka* [Some tendencies of the development of the system of contemporary French]. Moskva: АБФ. (In Russ.).
6. Ovchinnikova, G. V. (1999). *Adektivnye suffiksy vo frantsuzskom, ital'yanskom i russkom yazykakh: Opyt slovarya-spravochnika* [Adjectival suffixes in French, Italian, and Russian]. Tula: Izd-vo TGPU im. L. N. Tolstogo. (In Russ.).

7. Senko, E. V. (2007). *Neologizatsiya v sovremennom russkom yazyke: mezhurovnevyy aspekt* [Neologization in contemporary Russian: interlevel aspect]. Sankt-Peterburg: Nauka. (In Russ.).

8. Tsybova, I. A. (2008). *Slovoobrazovanie v sovremennom frantsuzskom yazyke* [Word-formation in contemporary French]. Moskva: Vysshaya shkola. (In Russ.).

9. Eisenberg, P. (2018). Wortbildung. In *Das Fremdwort im Deutschen*. 3. akt. u. erw. Aufl. Berlin, New York: de Gruyter. S. 246-314.

10. Elsen, H. (2011). *Neologismen. Formen und Funktionen neuer Wörter in verschiedenen Varietäten des Deutschen*. 2. Aufl. Tübingen: Narr Francke Attempto Verlag. (Tübinger Beiträge zur Linguistik, 477).

11. Gerhardt, D. (2016). Neue Wörter als Grundlage für hessische Flurnamen? In *Wortbildung im Deutschen. Aktuelle Perspektiven*. Hrsg. von E. Hentschel. Tübingen: Narr Francke Attempto Verlag.

12. Herberg, D., Kinne, M. Steffens, D. (2004). *Neuer Wortschatz. Neologismen der 90er Jahre im Deutschen*. Berlin, New York: de Gruyter. (= Schriften des Instituts für Deutsche Sprache 11).

13. Steffens, D. (2003). Nicht nur Anglizismen ... Neue Wörter und Wendungen in unserem Wortschatz. In *IDS-Sprachforum*, 21. Mai 2003. Sprachreport. H. 4. S. 2-9.

SOURCES OF ILLUSTRATIVE MATERIAL

1. Cambridge Dictionaries Online Blog. Cambridge: Cambridge University Press, 2008. Available at: <http://dictionaryblog.cambridge.org/tag/neologisms>. (accessed: 22.06.2020).

2. Macmillan Buzzword Dictionary. Macmillan Education Limited. 2009-2021. Available at: <http://www.macmillandictionary.com>. (accessed: 05.04.2020).

3. Urban Dictionary. 1999-2021. Available at: <http://www.urbandictionary.com>. (accessed: 17.04.2020).

4. Word Spy. The Word Lover's Guide to New Words. Logophilia Limited. 2021 Available at: <http://www.wordspy.com>. (accessed: 15.10.2020).

Катермина Вероника Викторовна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры английской филологии (e-mail: veronika.katermina@yandex.ru), Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Кубанский государственный университет» 350040, Краснодар, Ставропольская, 149

Katermina Veronika V. – Doctor of Philology, Professor of English Philology Department (e-mail: veronika.katermina@yandex.ru), Federal State Budget Educational Institution of Higher Education «Kuban State University» 149 Stavropolskaya, Krasnodar, 350040

Поступила в редакцию 14 мая 2021 г.

ЛЕКСЕМА *FARBE* В СИСТЕМЕ ЦВЕТООБОЗНАЧЕНИЙ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА XVI-XIX ВЕКОВ

*Статья продолжает цикл публикаций автора, посвященных развитию системы цветообозначений в немецком языке XVI-XIX веков. В ней проанализирована динамика функционирования лексики *Farbe*. Рассматриваются семантические особенности и лексическая сочетаемость исследуемого существительного.*

Ключевые слова: *существительное, цвет, динамика, лексическая сочетаемость.*

©2021 Yu. N. Us

LEXEME *FARBE* IN THE GERMAN COLOUR SYSTEM OF THE XVI-XIX CENTURIES

*This paper continues the author's publications on the development of colour nominations system in the German language of the XVI-XIX centuries. In the article the dynamics of the lexeme *Farbe* functioning has been analysed. Semantic peculiarities as well as syntagmatic properties of the noun under study have been described.*

Key words: *noun, colour, dynamic, lexical compatibility.*

1. Вступление. Цветообозначения (далее – ЦО) в различных языках неоднократно становились предметом пристального изучения лингвистов [Василевич, 2008; Герасименко, 2020; Гончарова, 2017; Матасова, 2019; Becker, 1974; Glanemann, 2006]. Лингвистический интерес к проблеме цветообозначений вполне естественен, поскольку изучение цветообозначений помогает наглядно показать особенности соотношения языков различных типов и экстралингвистической реальности, а также выявить лингвокультурологическую специфику.

Несмотря на то, что изучению немецких цветообозначений давно уделяется большое внимание, в настоящее время все еще отсутствуют исчерпывающие исследования системы цветообозначающей лексики немецкого языка. Данные исследования, как правило, ограничиваются изучением прилагательных [Розен, 2000; Хабибулина, 2014; Altmann, 1999; Lehmann, 1998], тогда как вопрос развития лексико-семантической группы существительных с семой ‘цвет’ остается недостаточно освещенным [Ус, 2018]. Именно этим обусловлена актуальность настоящего исследования.

Целью данной публикации является анализ динамики развития лексики *Farbe* ‘цвет’ в системе цветообозначений немецкого языка XVI-XIX веков.

В основу статьи положен исследовательский корпус, в который входят немецкие разножанровые тексты XVI-XIX веков (народные песни, лирические произведения,

проза). Общий объем выборки составил 7229 страниц. Дополнительным источником поиска ЦО послужил 33-томный словарь немецкого языка Я. Гримма и В. Гримма *Deutsches Wörterbuch (DWB)*. Общий объем ЦО – 533 лексемы, из них 98 зафиксированы в текстах XVI в., 156 – в XVII в., 203 – в XVIII в., 367 – в XIX в.

2. Функционирование лексемы *Farbe* в XVI в. В исследовательском корпусе XVI в. (всего – 98 ЦО) лексема *Farbe* зафиксирована 6 раз. Как отмечает Йост Трир [Trier, 1951: 61], существительное *Farbe*, образованное в двн. период от прилагательного *faro* ‘цветной’, имеет также сему *bunt* ‘разноцветный, пестрый’.

В текстах XVI в. лексема *Farbe* в некоторых случаях обозначает наличие или отсутствие окраски чего-либо без конкретизации цвета (*die farb verlieren* ‘потерять цвет’), а в сочетании с прилагательными-цветообозначениями передает определенный цвет (*rote Farbe* ‘красный цвет’).

В одном случае лексема *Farbe* сочетается с прилагательным *bunt*:

(1) <...> *in bunten Farben* [Schmetzl, 1892: 25]. ‘<...> в красочных цветах’.

Словосочетание *rote Farbe* представляет собой синекдоху, когда название цвета используется вместо номинации одежды, окрашенной в этот цвет:

(2) *Rote Farbe hat sie an* <...> [Deutsche Volkslieder, 1967: 367]. ‘Она была в красном (цвете) <...>’.

В народных песнях XVI в. существительное *Farbe* сочетается с прилагательным *braun*, символизируя концепт «СТРАХ»:

(3) *Braune Farbe erschreckt mich* <...> [Deutsche Volkslieder, 1967: 365]. ‘Коричневый цвет пугает меня <...>’.

В качестве определения к существительному *Farbe* в этот период выступают и неосновные цветообозначения, например:

(4) *Darinn man seinen Leib begrub / Sein leiblich Farb er an sich hub* [Volkslieder, 1982: 60]. ‘В нем (т. е. гробу) похоронили его тело. Он (т. е. гроб) приобрел цвет его тела’.

Следующий пример иллюстрирует десемантизацию:

(5) *Aber da heut der Anstrich jren Will ab gan und die farb verlieren* [Fischart, 1895: 421]. ‘Но поскольку оттенок ее желания изменился и потерял свой цвет’.

В единичном случае лексема *Farbe* зафиксирована как второй компонент композита, а именно *Eselfarbe* ‘ослиный цвет’:

(6) *Der ain will Eselfarb han die Kutt, / Den anderen Spatzengraw dunkt gut* [Fischart, 1895: 412]. ‘Один хочет иметь рясу ослиного цвета, другим воробьино-серый цвет кажется красивым’.

3. Функционирование лексемы *Farbe* в XVII в. В текстах, датированных XVII в., зафиксировано существительное *Farbe* (18 словоупотреблений (далее – СУ)), которое обозначает не определенный цвет предмета, а лишь фиксирует его наличие. Подобное употребление можно наблюдать в народных песнях и поэтических произведениях (4 СУ), например:

(7) *die Blümlein auff dem Feld, / mit ihrer farb gezieheret*” [Deutsche Volkslieder, 1967: 355]. ‘Цветочки в поле, украшенные своими цветами’.

Добавим, что приведенный пример (7) встречается в народной песне о мае, поэтому можно предположить, что *Farbe* охватывает всю возможную цветовую гамму цветов, которые распускаются в это время, т. е. имеет собирательное значение.

В прозаических произведениях рассматриваемого периода лексема *Farbe* реализует различные ЛСВ: номинирует разнообразие цветов, наличие цвета, не называя его: *von allerhand Farben* [Grimmelshausen, 1972: 159] ‘всевозможных цветов’; *von mancherlei Farben* [Grimmelshausen, 1972: 171] ‘некоторых цветов’; *meine Farb änderte* [Grimmelshausen, 1972: 278] ‘мой цвет изменился’. Иногда лексема *Farbe* сочетается с эпитетами-цветообозначениями: *närrische Farben: vielbraun und gelb ausgemacht* [Grimmelshausen, 1972: 285] ‘дурацкие цвета: фиолетово-коричневый и желтый’.

Во избежание повторов авторы вместо прилагательных-цветообозначений употребляют лексему *Farbe*, ср.:

(8) *So ist ihr Hals ja schier so weiß als eine gestandene Saurmilch, und ihre Brüstlein, die darunter liegen, sein von gleicher Farb* [Grimmelshausen, 1972: 125]. ‘Так, ее шея такая белая, как цельное кислое молоко, а ее груди, которые находятся ниже, – такого же цвета’.

Как и в предыдущем историческом периоде, лексема *Farbe* выступает базовым компонентом композитов типа *Leibfarbe* ‘телесный цвет’ и *Erdfarbe* ‘землистый цвет’. В обоих случаях данные лексемы передают оттенок кожи:

(9) *Des Halses Schnee wird Erdfarb* [Gryphius, 1963: 12]. ‘букв. Снег шеи станет землистым цветом, т. е. шея, белая как снег, превратится в цвет земли’.

В приведенном примере *Erdfarbe* – это цвет кожи умершей девушки. Анализированное ЦО образует антитезу с существительным *Schnee*.

4. Функционирование лексемы *Farbe* в XVIII в. Существительное *Farbe* встречается в проанализированных текстах данного периода 57 раз, в двух случаях *Farbe*- – первый компонент сложных слов (*Farbenglanz* ‘блеск цветов’, *Farbenmischung* ‘смесь цветов’), в 4 композитах *Farbe* выступает вторым компонентом (*Fieberfarbe* ‘румянец’, *Gesichtsfarbe* ‘цвет лица’, *Himmelfarbe* ‘цвет неба’, *Karminfarbe* ‘карминовый цвет’). Следует добавить,

что вышеперечисленные композиты впервые зафиксированы в исследовательском корпусе, хотя по данным исторических словарей существительное *Himmelfarbe* ‘цвет неба’, как и *Blaufarbe* ‘синий цвет’ известны еще со свн. периода.

Существительное *Farbe* сочетается с основными прилагательными-ЦО, например:

(10) *Der Himmel tut sich färben aus weißer Farb in Blau* [Deutsche Volkslieder, 1998: 75]. ‘Небо меняет цвет с белого на голубой’.

В песне «Wach auf, meins Herzens Schöne» речь идет о рассвете, когда черные тучи становятся серыми, ср.:

(11) <...> *die Wolken färben aus schwarzer Farb in Grau* <...> [Deutsche Volkslieder, 1998: 75]. ‘<...> тучи меняют цвет с черного на серый <...>’.

Но следует отметить, что в большинстве случаев авторы XVIII в. используют существительное *Farbe* для констатации наличия цвета, передачи его разнообразия, либо для того, чтобы избежать повторов прилагательных-ЦО. Например:

(12) <...> *einige waren weiß, andere in himmelblau, andere in rosenfarb, andre in andre Farben gekleidet* [Wieland, 1964: 481]. ‘<...> некоторые были в белом, другие – в небесно-голубом, третьи – в розовом, другие же носили одежду других цветов’.

Цвет тесно связан со светом, который тоже может приобретать всевозможные оттенки.

(13) *Tausend muntre Farben bricht der Strahl der Sonne in verhüllten Thränen über grauer Dämmerung. <...> Der Bogen schwindet, seine Farben blassen* [Herder, 1978: 16]. ‘Тысяча живых цветов преломляется в луче солнца, в спрятанных слезах над серыми сумерками. <...> Радуга исчезает, ее цвета блекнут’.

В следующем примере свет также выступает разноцветным:

(14) <...> *das allerfreuliche Licht – mit seinen Farben* [Novalis, 1977: 131]. ‘<...> свет, которому все рады, – со своими цветами’.

В прозаических текстах XVIII в. констатация наличия окраски не менее важна, чем наименование конкретного цвета. Существительное *Farbe* зафиксировано как отдельная лексема, так и в адъективно-субстантивных сочетаниях (*anständige Farbe* [La Roche, 1976: 141] ‘порядочный цвет’, *die lebhaften Farben* [La Roche, 1976: 238] ‘живые цвета’, *die schönsten Farben* [La Roche, 1976: 219] ‘самые красивые цвета’, *höhere Farben* [La Roche, 1976: 146] ‘более высокие цвета’, *verführerische Farben* [Wieland, 1964: 647] ‘соблазнительные цвета’, *verhasste Farben* [Wieland, 1964: 794] ‘ненавистные цвета’, либо в составе бисубстантивных словосочетаний (*Mischung der Farben* [La Roche, 1976: 56] ‘смесь цветов’, *die Farbe der Liebe* [Wieland, 1964: 500] ‘цвет любви’).

В одном случае в качестве определения используется целое предложение:

(15) *Und eine Farbe, wenn Lilien und Rosen, wenn sie ihre eigene Schönheit fühlen könnten* [Wieland, 1964: 564]. ‘И один цвет, если лилии и розы, если бы они могли почувствовать свою собственную красоту’.

5. Функционирование лексемы *Farbe* в XIX в. В исследовательском корпусе XIX в. лексема *Farbe* отмечена 17 раз как в сочетании с прилагательными-ЦО, так и для передачи наличия или отсутствия цвета.

В текстах XIX в. выявлены композиты с первым компонентом *Farben-*: *Farbenpracht* ‘величие цветов’, *Farbenspiel* ‘игра цветов’, *Farbenstern* ‘цветная звезда, т. е звезда из разных цветов’, *Farbenverwandschaft* ‘родство цветов’ (табл. 1).

Таблица 1. *Композиты с первым компонентом *Farben-* в немецких текстах XVI-XIX вв.*

Век	Примеры	Кол-во
XVI	–	–
XVII	–	–
XVIII	<i>Farbenglanz</i> ‘блеск цветов’, <i>Farbenmischung</i> ‘смесь цветов’	2
XIX	<i>Farbenpracht</i> ‘величие цветов’, <i>Farbenspiel</i> ‘игра цветов’, <i>Farbenstern</i> ‘цветная звезда’, <i>Farbenverwandschaft</i> ‘родство цветов’	4

Из таблицы 1 видно, что подобные композиты не использовались авторами исследованных текстов XVI-XVII вв., а в XIX в. их количество составило 4 единицы.

Богатая палитра цветов в текстовых источниках XIX в. передается при помощи существительного *Farbenpracht* (2 СУ), где последний компонент (-pracht) свидетельствует о позитивной оценке всей лексемы:

(16) *Hier waren Wiesen, war Farbenpracht* [Grillparzer, 1966: 21]. ‘Здесь были луга, было величие цветов’.

Композиты с базовым компонентом *-farbe* зафиксированы на всех исследованных временных срезах (табл. 2).

Таблица 2. *Композиты со вторым компонентом *-farbe* в немецких текстах XVI-XIX вв.*

Век	Примеры	Кол-во
XVI	<i>Eselfarbe</i> ‘ослиный цвет’	1
XVII	<i>Erdfarbe</i> ‘землистый цвет’, <i>Leibfarbe</i> ‘телесный цвет’	2
XVIII	<i>Fieberfarbe</i> ‘румянец’, <i>Gesichtsfarbe</i> ‘цвет лица’, <i>Himmelfarbe</i> ‘цвет неба’, <i>Karminfarbe</i> ‘карминовый цвет’	4
XIX	<i>Kreidefarbe</i> ‘цвет мела’, <i>Milchfarbe</i> ‘цвет молока’	2

В XIX в. в качестве второго компонента *-farbe* встречается в композитах *Milchfarbe* ‘цвет молока’ и *Kreidefarbe* ‘цвет мела’, последний из которых был обнаружен в DWB [DWB 11, 1984: 2141] со ссылкой на литературные источники XIX в.

6. Выводы и перспективы исследования. Проведенный анализ функционирования лексемы *Farbe* в немецких разножанровых текстах XVI-XIX веков позволяет сделать следующие выводы.

6.1. Лексема *Farbe* функционирует на всех исследованных временных срезах с различной частотностью. В текстах XVIII в. данное существительное является наиболее употребительным, его частотность более чем в 3 раза превышает количество аналогичных словоупотреблений в XVII и XIX веках, и почти в 10 раз выше чем в XVI веке.

6.2. В текстах XVIII в. лексема *Farbe* ‘цвет’ употребляется для констатации, прежде всего, наличия у предмета цвета, а не для передачи конкретного цвета. Сочетаемость *Farbe* с разными эпитетами (*besonder* ‘особенный’, *bescheiden* ‘скромный’, *schön* ‘красивый’, *verführerisch* ‘соблазнительный’) вызывают у читателя разные ассоциации в зависимости от того, какие цвета возникают в его представлении.

Преобладание лексемы *Farbe* в текстах XVIII в. свидетельствует об авторских предпочтениях и / или особенности литературных течений.

6.3. В XIX в. наблюдается снижение частотности употребления *Farbe*, что объясняется изменениями в системе цветообозначений, а именно метафоризацией, возникновением большого числа искусственных красителей и появлением “цветовых” заимствований из других языков.

6.4. Композиты, содержащие в своей структуре в качестве первого или второго компонента *Farbe-*, *-farbe*, не получили в целом в период XVI-XIX вв. широкого распространения. Несмотря на то, что их общее количество возрастает от одного в XVI в. до 6 – в XIX в., они зафиксированы в единичных случаях и не обладают высокой частотностью в произведениях исследованного периода.

6.5. Полученные результаты способствуют воссозданию целостной системы ЦО в немецком языке XVI-XIX вв., дополняя имеющиеся в современном германском языкознании теоретические положения касательно общих характеристик лексических единиц. Перспективы дальнейшего исследования состоят в расширении диапазона жанров и типов текста, а также временных границ поисков, для того, чтобы показать динамику развития системы ЦО от самых истоков до современности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Василевич А. П., Кузнецова С. Н., Мищенко С. С. Цвет и названия цвета в русском языке. 2-е изд. Москва: Изд-во ЛКИ, 2008. 216 с.
2. Герасименко И. А. Производные & вторичные цветообозначения в английском и украинском языках: к постановке проблемы // *Studia Germanica, Romanica et Comparatistica*. Донецк: ДонНУ. Т. 16. Вып. 1 (47). 2020. С. 91-100.
3. Гончарова К. Д. Полисемия колоронима 'серый' в английском, немецком, русском и украинском языках // *Studia Germanica, Romanica et Comparatistica*. Донецк: ДонНУ. Т. 13. Вып. 4 (38). 2017. С. 80-86.
4. Матасова О. В., Уфимцева О. А. Лексико-семантическая группа цветообозначений в современных германских языках // *Известия Саратовского университета. Новая серия. Филология. Журналистика*. 2019. Т.19. Вып. 3. С. 293-297.
5. Розен Е. В. Как появляются слова? Немецкая лексика: история и современность. Москва: Издательство МАРТ, 2000. 156 с. (Deutsch problemlos).
6. Ус Ю. Н. Существительные с семой 'цвет' в немецких текстах XVI–XVII веков // *Studia Germanica, Romanica et Comparatistica*. Донецк: ДонНУ. Т. 14. Вып. 2-3 (40-41). 2018. С. 67-77.
7. Хабибулина Э. А. Немецкие адъективные цветообозначения в языке моды: дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.04. Нижний Новгород, 2014. 248 с.
8. Altmann H. Zur Semantik der Farbadjektiva im Deutschen // *Grippe, Kamm und Eulenspiegel: Festschrift für Elmar Seebold zum 65. Geburtstag / hrsg. von W. Schindler und J. Untermann*. Berlin: de Gruyter, 1999. S. 1-23.
9. Becker H. Die approximativen Farbbezeichnungen in den romanischen Sprachen. Bonn, 1974. 174 S.
10. Glanemann C. Konvergenz und Divergenz in der Bedeutungsstruktur von Farbwörtern im Französischen, Italienischen und Deutschen // *Lexikalische Semantik und Korpuslinguistik*. Tübingen: Narr, 2006. S. 367-390.
11. Lehmann B. Rot ist nicht «rot» ist nicht (rot). Eine Bilanz und Neuinterpretation der linguistischen Relativitätstheorie. Tübingen: Narr, 1998. 377 S.
12. Trier J. Lehm: Etymologien zum Fachwerk. Marburg: Simon, 1951. 109 S.

ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

Grimm J., Grimm W. Deutsches Wörterbuch: In 33 Bd-n. Nachdruck. Bd. 14. Nachdruck der Erstausgabe 1878. München: dtv, 1984. 2916 S. [DWB 11].

СПИСОК ИЛЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРИАЛА

1. Deutsche Volkslieder. 168 Volkslieder und volkstümliche Lieder. Stuttgart: Philipp Reclam, 1998. 264 S.
2. Deutsche Volkslieder: Texte und Melodien: In 2 Bd-n. / hrsg. von Lutz Röhrich. 1. Aufl. Düsseldorf: Schwann, 1967. Bd. 1: Lieder aus dem Volksleben. Brauch, Arbeit, Liebe, Geselligkeit. 583 S.
3. Fischart J. Kleinere Dichtungen // *Werke*. Eine Auswahl. Stuttgart: Union Deutsche Verlagsgesellschaft, 1895. Teil 1. S. 355-438.
4. Grillparzer Gedichte // *Grillparzers Werke in 3 Bd-n*. Bd. 1. Berlin und Weimar: Aufbau-Verlag, 1966. S. 3-43.
5. Grimmelshausen H. Der abenteuerliche Simplicissimus Teutsch: In 2 Bd-n. Berlin und Weimar: Aufbau-Verlag, 1972. Bd. 1. 309 S.
6. Gryphius A. Vermischte Gedichte // *Gesamtausgabe der deutschsprachigen Werke*: In 2 Bd-n. Tübingen: Niemeyer, 1963. Bd. 2. S. 5-96.
7. Herder J. G. Gedichte: In 5 Bd-n. Berlin und Weimar: Aufbau-Verlag, 1978. Bd. 1. S. 3-45.

8. La Roche S. Geschichte des Fräuleins von Sternheim. München: Winkler, 1976. 300 S.
9. Novalis. Hymnen an die Nacht // Das dichterische Werk / hrsg. von Paul Kluckhohn und Richard Samuel. Stuttgart: Kohlhammer, 1977. S. 131-177.
10. Schmetzl W. Ein Lobspruch der Stadt Wien in Österreich. Wien, 1892. S. 17-74.
11. Volkslieder / gesammelt von Johann Wolfgang Goethe. Wiedergabe der Weimarer Handschrift mit Transkription und Erläuterungen / hrsg. von Hermann Strobach. Weimar: Böhlau, 1982. 91 S.
12. Wieland C. M. Geschichte des Agathon // Wielands Werke. München: Hanser, 1964. S. 375-866.

REFERENCES

1. Vasilevich, A. P., Kuznetsova S. N., Mishchenko S. S. (2008). *Tsvet i nazvaniya tsveta v russkom yazyke* [Colours and names of colours in Russian]. 2-e izd. Moskva: Izd-vo LKI. (In Russ.).
2. Gerasimenko, I. A. (2020). Proizvodnye & vtorichnye tsvetooboznacheniya v angliyskom i ukrainskom yazykakh: k postanovke problemy [Derived & secondary colour namings in English and Ukrainian: towards the problem statement]. In *Studia Germanica, Romanica et Comparatistica*. Donetsk: DonNU. T. 16. Vyp. 1 (47). Pp. 91-100. (In Russ.).
3. Goncharova, K. D. (2017). Polisemiya koloronima 'seryy' v angliyskom, nemetskom, russkom i ukrainskom yazykakh [Polysemy of the colour term 'grey' in the English, German, Russian and Ukrainian languages]. In *Studia Germanica, Romanica et Comparatistica*. Donetsk: DonNU. T. 13. Vyp. 4(38). Pp. 80-86. (In Russ.).
4. Matasova, O. V., Ufimtseva, O. A. (2019). Leksiko-semanticheskaya gruppa tsvetooboznacheniy v sovremennykh germanskikh yazykakh [Lexico-semantic group of colour namings in the modern Germanic languages]. In *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Filologiya. Zhurnalistika*. T.19. Vyp. 3. Pp. 293-297. (In Russ.).
5. Rozen, E. V. (2000). *Kak poyavlyayutsya slova? Nemetskaya leksika: istoriya i sovremennost* [How do the words appear? German vocabulary: history and modernity]. Moskva: Izdatelstvo MART. (Deutsch problemlos). (In Russ.).
6. Us, Yu. N. (2018). Sushchestvitelnye s semoy 'tsvet' v nemetskikh tekstakh XVI-XVII vekov [Nouns with the sema 'colour' in German texts of the XVI-XVII centuries]. In *Studia Germanica, Romanica et Comparatistica*. Donetsk: DonNU. T. 14. Vyp. 2-3 (40-41). Pp. 67-77. (In Russ.).
7. Khabibulina, E. A. (2014). *Nemetskie adektivnye tsvetooboznacheniya v yazyke mody* [German adjectival colour names in the fashion language]: diss. ... kand. filol. nauk: 10.02.04. Nizhnii Novgorod. (In Russ.).
8. Altmann, H. (1999). Zur Semantik der Farbadjektiva im Deutschen. In *Grippe, Kamm und Eulenspiegel*: Festschrift für Elmar Seebold zum 65. Geburtstag / hrsg. von W. Schindler und J. Untermann. Berlin: de Gruyter. S. 1-23.
9. Becker, H. (1974). *Die approximativen Farbbezeichnungen in den romanischen Sprachen*. Bonn.
10. Glanemann, C. (2006). Konvergenz und Divergenz in der Bedeutungsstruktur von Farbwörtern im Französischen, Italienischen und Deutschen. In *Lexikalische Semantik und Korpuslinguistik*. Tübingen: Narr. S. 367-390.
11. Lehmann, B. (1998). *Rot ist nicht «rot» ist nicht (rot). Eine Bilanz und Neuinterpretation der linguistischen Relativitätstheorie*. Tübingen: Narr.
12. Trier, J. (1951). *Lehm: Etymologien zum Fachwerk*. Marburg: Simon.

LEXICOGRAPHICAL SOURCE

- Grimm, J., Grimm, W. (1984). *Deutsches Wörterbuch*: In 33 Bd-n. Nachdruck. Bd. 14. Nachdruck der Erstausgabe 1878. München: dtv.

SOURCES OF ILLUSTRATIVE MATERIAL

1. *Deutsche Volkslieder*. 168 Volkslieder und volkstümliche Lieder. Stuttgart: Philipp Reclam, 1998.
2. *Deutsche Volkslieder: Texte und Melodien*: In 2 Bd-n. / hrsg. von Lutz Röhrich. 1. Aufl. Düsseldorf: Schwann, 1967. Bd. 1: Lieder aus dem Volksleben. Brauch, Arbeit, Liebe, Geselligkeit.
3. Fischart, J. (1895). Kleinere Dichtungen. In *Werke. Eine Auswahl*. Stuttgart: Union Deutsche Verlagsgesellschaft. Teil 1. S. 355-438.
4. Grillparzer Gedichte. In *Grillparzers Werke* in 3 Bd-n. Bd. 1. Berlin und Weimar: Aufbau-Verlag, 1966. S. 3-43.
5. Grimmshausen, H. (1972). *Der abenteuerliche Simplicissimus Teutsch*: In 2 Bd-n. Berlin und Weimar: Aufbau-Verlag. Bd. 1.
6. Gryphius, A. (1963). Vermischte Gedichte. In *Gesamtausgabe der deutschsprachigen Werke*: In 2 Bd-n. Tübingen: Niemeyer Bd. 2. S. 5-96.
7. Herder J. G. (1978). *Gedichte*: In 5 Bd-n. Berlin und Weimar: Aufbau-Verlag. Bd. 1. S. 3-45.
8. La Roche S. (1976). *Geschichte des Fräuleins von Sternheim*. München: Winkler.
9. Novalis (1977). Hymnen an die Nacht. In *Das dichterische Werk* / hrsg. von Paul Kluckhohn und Richard Samuel. Stuttgart: Kohlhammer. S. 131-177.
10. Schmetzl, W. (1892). *Ein Lobspruch der Stadt Wien in Österreich*. Wien. S. 17-74.
11. *Volkslieder / gesammelt von Johann Wolfgang Goethe. Wiedergabe der Weimarer Handschrift mit Transkription und Erläuterungen* / hrsg. von Hermann Strobach. Weimar: Böhlau, 1982.
12. Wieland C. M. (1964). Geschichte des Agathon. In *Wielands Werke*. München: Hanser. S. 375-866.

Ус Юлия Николаевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры германской филологии (e-mail: y.us@donnu.ru), Государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Донецкий национальный университет» 283001, Донецк, Университетская, 24

Us Iuliia N. – Candidate of Philology, Associate Professor of Germanic Philology Department (e-mail: y.us@donnu.ru), State Educational Institution of Higher Professional Education «Donetsk National University» 24 Universitetskaya, Donetsk, 283001

Поступила в редакцию 08 апреля 2021 г.

РОМАНСКИЕ ЯЗЫКИ

УДК 811.133.1

© 2021 Т. Н. Глоба

СИНТАКСИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПОСТРОЕНИЯ СОВРЕМЕННОГО ФРАНКОЯЗЫЧНОГО РЕКЛАМНОГО ТЕКСТА

В статье исследованы синтаксические и функциональные особенности текстов рекламы, а также лингвопрагматический аспект современного франкоязычного рекламного текста. Описаны основные синтаксические и стилистические формы, которые появились в современном французском языке благодаря современному рекламному тексту. Рассмотрена проблема узуса и нарушение языковой нормы, а также феномен креативного подхода в языке французского рекламного текста.

Ключевые слова: рекламный текст, узус, языковая норма, адвербиализация прилагательного, паратакис, языковая игра, речевой оборот.

© 2021 T. N. Globa

SYNTACTIC FEATURES OF ADVERTISING TEXT ORGANIZATION IN MODERN FRENCH

The article focuses on syntactic and functional features of advertising texts, as well as the linguopragmatic aspect of the modern French advertising text. The article describes the main syntactic and stylistic forms that have come to modern French from modern advertising texts. The article considers the problem of the language norm, as well as the creative approach to the language of the French advertising text.

Key words: advertising text, usage, language norm, adjective adverbialization, parataxis, language game, speech turnover.

Реклама является неотъемлемой частью делового, экономического, социального, культурного аспектов жизни общества, а также характерным признаком быта современного человека. Язык рекламы многогранен по своему содержанию и внутреннему наполнению, а её функционирование происходит на стыке разных наук, таких как: лингвистика, политология, социология и психология. Исследования текстов французской рекламы являются незаменимым источником пополнения языковых средств на всех уровнях функционирования языка, следовательно, определяют растущий интерес учёных к изучению лингвопрагматических аспектов современного франкоязычного рекламного текста.

Общенаучную основу нашего исследования составили лингвистические подходы к изучению сущности рекламных текстов в работах таких авторов, как К. Бюлер, Н. А. Гурская, Н. Г. Епифанцева, Л. Г. Фещенко, Н. А. Шигаревская, P. Dendale, M. Riegel,

L. Tasmowski, R. Vion; структурно-функциональный аспект реализации французского текста рекламы рассмотрен с опорой на труды таких исследователей, как Н. Е. Гапотченко, Г. Я. Солганик, О. А. Турбина, R. Barthes, A. Bentolila, N. Bachala, V. Carvalho, F. Domínguez.

В последнее время лингвисты сосредоточивают своё внимание на изучении языка рекламы как одного из видов лингвистического дискурса, поскольку рекламные тексты являются богатым источником новых лексических единиц, а также синтаксических форм и стилистических средств. Отсюда следует актуальность нашего исследования.

Цель статьи – анализ синтаксических и функциональных особенностей рекламных текстов современной франкоязычной печатной прессы.

Объектом нашего исследования являются языковые явления, характерные для современного рекламного текста, а **предметом** – структурно-синтаксические особенности построения франкоязычных текстов рекламы.

В соответствии с целью и предметом данного исследования были поставлены следующие **задачи**:

- уточнить понятие «рекламный текст»;
- провести анализ основных синтаксических средств построения современных французских печатных текстов рекламы;
- выявить синтаксические и функциональные особенности построения франкоязычного рекламного текста;
- изучить принципы организации рекламного текста как лингво-семиотической единицы.

Научная новизна статьи обусловлена необходимостью углублённого исследования вопросов печатного рекламного текста в лингвопрагматическом и синтаксическом аспектах.

Для решения поставленных в работе задач использовались следующие **методы и приёмы** лингвистического анализа: описательный метод, который позволил комплексно представить полученные результаты исследования; метод компонентного анализа, при помощи которого описывалась структура и осуществлялась классификация отобранных рекламных текстов; метод количественного подсчета полученных в ходе исследования данных позволил определить продуктивность использования исследуемых текстов и подтвердить основные положения и выводы; метод прагматического и контекстуального анализа для выявления наиболее характерных для современного французского рекламного текста структурно-синтаксических особенностей; приёмы статистической обработки рекламного текста.

Материалом исследования послужили рекламные тексты ведущих французских печатных изданий: «Le Monde», «Le Figaro», «L'Humanité», «Le Parisien», «OF», «Marie Claire», «Gala». Было отобрано и проанализировано 600 рекламных текстов разнопланового характера. Выборка фактического материала исследования охватывает период с 2018 по 2020 год.

Все языковые средства в рекламном тексте направлены на то, чтобы заставить адресата выполнить нужные рекламодателю действия и таким образом удовлетворить потребности адресанта речи. Выразительные средства, с помощью которых формируется привлекательный для потенциальных потребителей имидж предложенных продуктов, услуг или идей, являются разнообразными. Именно это и побуждает к поиску новых лингвистических и экстралингвистических средств, способных вызвать необходимую реакцию у потребителя.

По определению Л. Г. Фещенко, рекламный текст представляет собой сложный жанр волюнтаривно-информационного вида, а именно апеллятивно-репрезентативный жанр, в котором соединяются апеллятивно-эмоциональные функции, свойства (прагматически заинтересованное обращение к адресату), репрезентативные (представление определённой информации потребителю) и воздействующие (убеждение в достоверности информации и необходимости совершить требуемое действие – покупку, приобретение, вклад, обращение и т. п.) [Фещенко, 2003: 114].

Согласно классификации Г. Я. Солганик, принято выделять: 1) рекламные тексты интродуктивного или ознакомительного характера; 2) рекламные тексты, которые имеют целью закрепить достигнутый уровень спроса на товар; 3) тексты, основной целью которых является постепенное сворачивание активности относительно сбыта определенного товара [Солганик, 2003]. Каждому из названных выше типов рекламных текстов присущи особые функции. Например, информационно-познавательная функция доминирует в первом типе текстов, во втором типе определяющую роль играет экспрессивная функция, а для третьего типа рекламного текста доминирующей функцией является апеллятивная, сосредоточенная на обращении к положительному опыту потребителя [Турбина, 2013: 6]. В каждом из этих типов в большей или меньшей мере представлены различные синтаксические средства выражения: эллипсис, риторические вопросы, адвербиализация прилагательного или существительного, копуляризация глаголов.

Рекламные тексты относятся к виду социально-ориентированной коммуникации и создаются с учетом правил и нормативов, типичных для отдельной коммуникативно-

ориентированной ситуации. В современных текстах французской рекламы особое внимание уделяется информативности содержимого: часто, особенно социальная реклама, носит прескриптивный характер, что позволяет причислить её к инструктивным дискурсам с важным прагмалингвистическим потенциалом. Преимущественно малоформатные инструктивные дискурсы имеют так называемую инжонктивную или побудительную семантику, выполняют значительные коммуникативные функции и содержат реальные инструкции к действию в определенной жизненной ситуации, кроме того, такие дискурсы могут содержать сведения о том, как не нужно поступать, либо предупреждают о последствиях, которые ожидают адресата в случае, если он поступил или действовал неадекватно, непозволительно для данных обстоятельств [Гапотченко, 2020], например, социальная реклама по борьбе с антивакцинаторами призывает задуматься о сложившейся ситуации: *Faire pleurer un enfant, ça peut lui sauver la vie. Un enfant meurt toutes les 7 secondes faute d'accès aux soins. Vaccinez vos enfants à temps!* [Le Monde, 2019].

По мнению исследователей особенностей французского рекламного текста A. Bentolila, N. Bachala, V. Carvalho, необходимо различать синтаксические конструкции, которые употребляют в текстах рекламы по тем же правилам, что и в нормативном языке, от существенно отличающихся от нормы употребления и созданных специально для рекламного текста [Bentolila, Bachala, Carvalho, 2017]. Приведём пример нормативно правильной речи в рекламном тексте:

Les fonds de teint compact solaire protecteur SHISEIDO sont devenus des produits cultes pour les femmes du monde entier. Faciles et pratiques à appliquer, ils associent une protection solaire pour un fini lumineux et zéro défaut [Gala, 2018]. Реклама женского косметического средства.

Однако, наряду с привычными по синтаксической структуре предложениями в текстах французской рекламы встречаем и такие:

Rituel de soin précieux, matière sublimée [L'Officiel, 2020]. Реклама косметики для волос марки Elsève.

Les huiles sèches parfumées [Marie Claire, 2019]. Реклама парфюмированного масла для тела.

Couleurs pop, brillance glace à l'eau [Gala, 2020]. Реклама лака для ногтей марки Gemey.

Как видно, в данных примерах нет глагольных форм, что является проявлением ежедневной разговорной речи французов и экономии языковых средств.

В разговорном французском языке эти конструкции обычно выполняют вокативную функцию, в рекламном тексте их рассматривают как эллиптические. По результатам

нашего исследования в 20% рекламных текстов подобные синтаксические конструкции применяют для обозначения названия продукции, ее марки или специфических характеристик. Подобные конструкции призваны служить средством привлечения внимания адресата и установления контакта с ним. Например:

BVLGARI MAN, charisme masculin! [Le Parisien, 2019]. Реклама мужских духов.

Du pain, du vin, du Boursin! [Marie Claire, 2018]. Реклама марки одноимённого сыра.

Lierac, le langage de la peau [L'Officiel, 2019]. Реклама солнцезащитного средства фирмы Lierac.

Среди синтаксических конструкций сугубо рекламного характера принято выделять три основных типа [Гурская, 1975: 22]:

1. Первый тип предполагает построение рекламного текста при помощи паратаксиса (способ построения сложного предложения, при котором отсутствуют формальные средства связи (союзы, относительные местоимения и др.), позволяющие установить логическое соотношение простых предложений в составе сложного [Бюлер, 2002]), например:

A chaque peau, son parfum! [Gala, 2018]. Реклама парфюмированного средства для тела марки Roger Gallet.

Caprice des Anges, divinement frais [Le Parisien, 2020]. Реклама известного сорта сыра.

В ходе проведённого исследования было выявлено 228 рекламных текстов, синтаксически построенных на основе паратаксиса, что составляет 38% от общего количества полученной выборки. Данный процентный показатель объясняется тем, что паратаксис делает предложения более короткими и звучными, облегчая при этом их запоминание. Эти синтаксические особенности оказались востребованы сотрудниками рекламных агентств и на их основе придуманы многочисленные рекламные слоганы.

2. Ко второму типу относятся номинальные синтагмы, за которыми размещается элемент, введённый функциональной монемой, которую используют для обозначения отношений между предикатом и элементом, функции которого она обозначает. Функциональные монемы могут объединять несколько монем, которые не имеют между собой предикативной связи. Например:

HERMES, le temps devant soi [Le Figaro, 2019]. Реклама модного бренда мужских часов.

Fleury Michon, l'obsession du bon [Marie Claire, 2020]. Реклама марки производителя ветчины.

В данных случаях речь идёт о вторичном отношении к предикату. Подобные синтаксические конструкции были выявлены в 198 текстах рекламы, что составило 33%

от общего количества выборки.

3. Для третьей группы синтаксических конструкций характерны элементы, которые можно рассматривать как единый блок. Лишь появление номинального элемента в такой структуре может дать основания причислить ее ко второму типу. Например:

L'hôtel qui a révolutionné Cannes [Le Monde, 2018]. Реклама популярной гостиницы в Каннах.

Votre corps reprend le pouvoir [Le Figaro, 2020]. Реклама марки автомобиля Peugeot.

В ходе проведённого анализа было выявлено 174 рекламного текста, синтаксически построенных по модели третьего типа, что составило 29% от общего количества полученной выборки.

Итак, можно сделать предварительный вывод, что независимо от функции рекламного текста или его тематики выбор той или иной синтаксической конструкции распределяется в пределах приведенной выше классификации. Однако, например, паратаксис является более характерным для рекламы косметики, моющих средств или продуктов питания и наименее используемым в продвижении товаров автомобильной индустрии, которые скорее будут относиться к синтаксическим конструкциям второго или третьего типа.

Синтаксическими формами, которые обязаны своим появлением языку рекламы, являются адвербиализация прилагательного, копуляризация глаголов и опущение предлогов [Domínguez, 2005: 266]. В 1938 году в одной из реклам на французском телевидении появилось выражение «*acheter français*», калькированное из английского слогана «*buy British*». Этот оборот вызвал возмущение у пуристов французского языка того времени. Однако конструкция глагол + прилагательное не была совсем чужой в нормативном французском языке, так как моносиллабические адвербиализированные прилагательные, такие как: *bas, bon, cher, clair, court, droit, doux, net* могут входить в подобные конструкции согласно нормам французского языка [Rey, 2006].

В наши дни данная синтаксическая конструкция получила широкое употребление во французских рекламных текстах, так как способствует более прямой и экспрессивной форме выражения мысли, например: *Marchez tranquille! Vivre zen! Consommez utile!* Также достаточно распространённым в языке современной французской рекламы является не типичный для литературного языка феномен адвербиализации существительного, например: «*parler poésie*», «*rêver vacances*». В этих примерах прослеживается так называемая нигилизация употребления предлогов, вследствие которой появились

синтаксические конструкции нового типа вместо грамматически правильных выражений с использованием предлога «*de*».

В синтаксисе современного франкоязычного рекламного текста характерными также стали следующие инновации и стилистические приёмы:

– игра слов, например: *Ne soyez pas en froid avec l'hiver!* [Gala, 2018]. Реклама косметики торговой марки Neutrogena. *Les lentes et les poux, d'un seul coup!* [Gala, 2018]. Реклама средства для волос торговой марки Duo LP-PRO;

– речевые обороты: постер средства для загара бренда «Sunific» утверждает: «*Et votre bronzage fait de l'ombre au soleil*»; соус марки «Florette» обещает: «*Florette, complètement salade*»; реклама лимитированной версии автомобиля «Citroën» призывает: «*Sortez de l'anonymat!*» [Marie Claire, 2019];

– создание новых слов и выражений: 1) существительных: *zenfant* от развлекательного центра «Диснейленд», *l'actimélisation* от марки «Actimel»; *pommedeterrissime* от продавцов картофеля элитных сортов; 2) прилагательных: *colorsensational* от производителя лака для ногтей бренда «Maybelline»; *ultrapepsi* от рекламы напитка торговой марки «Pepsi Cola» [Gala, 2020];

– игра на созвучности слов или рифме (часто игра происходит на основе созвучности слов с названием рекламируемого бренда или марки товаров и услуг), например: *Dior, j'adore*; *Tic Tac tu craques*; *Le plus pratique des sacs plastiques*; *Coctails fruités pour soifs d'été* [L'Officiel, 2018];

– использование языка молодежи и оригинальных оборотов речи повседневного, бытового общения: *C'est d'la chic*; *chope*; *ouf*; *ça déchire*; *supertard*; *c'était pas de la rigolade*; *faire ami-ami* [Dendale, Tasmowski, 2004: 36];

– закодированные по принципу написания sms сообщений слоганы, например, социальная реклама Министерства здравоохранения Франции обращается к молодым девушкам: *XXXS! Ne laisse pas l'apparence t'envair! Parles-en!* [L'Humanité, 2020] (реклама правильного питания и отказа от погони за эталонной красотой, где XXXS означает закодированный несуществующий дистрофический размер одежды, который имеют девушки, страдающие от анорексии и булимии);

– нарушение узуса и языковой нормы, использование арготического языка, частое употребление англицизмов или их некорректный перевод. Например, в тексте рекламного слогана автомобильной марки «Peugeot» использован призыв на английском языке *Let your body drive!* ('Позвольте своему телу двигаться!'). При этом здесь же используется

франкоязычный перевод данного текста: *Votre corps reprend le pouvoir* [Le Monde, 2019] ‘Подвластно Вашему телу’.

Констатируем, что применение всех этих языковых приёмов не имеет однозначной трактовки среди исследователей рекламных текстов, для одних – это халатность и сознательное нарушение канонов речи, её обеднение [Епифанцева, 2001; Шигаревская, 1977; Domínguez, 2005; Riegel, Pellat, Rioul, 1998], для других – проявление креативного подхода и новаторства [Турбина, 2013; Barthes, 2002; Vion, 2004]. Таким образом, креативный потенциал современного франкоязычного рекламного текста проявляется на всех языковых уровнях. Этот факт находит своё выражение в специфическом использовании лексических средств, в употреблении таких синтаксических форм французского языка, которые способны придать высказыванию необходимую эмоциональную окраску или стилистическую тональность, в зависимости от функции рекламного текста и его основной интенции. Общей чертой, присущей всем франкоязычным рекламным текстам, является наличие в их структуре определенной органической связи между всеми компонентами текста, так как они, являясь единым целым, призваны создать особый эмоциональный рисунок и донести адресату содержательное наполнение при минимальной структурной нагрузке.

Качественный анализ французских текстов рекламы позволил выявить их общие синтаксические характеристики, к которым следует отнести частое употребление времени *le Présent de l’Indicatif* с семантикой глобализации значения; употребление различных категорий глаголов (инфинитивов, наклонений, включая *l’Impératif* во 2 лице множественного числа и *le Présent du Subjonctif* во 2 лице единственного и множественного числа); отсутствие формальных средств связи, позволяющих установить логическое соотношение простых предложений в составе сложного; наличие вторичной предикации; адвербиализацию прилагательных; копуляризацию глаголов; нигилизацию употребления предлогов. Таким образом, французские рекламные тексты являются сложным коммуникативным феноменом с гибкой синтаксической структурой, призванной воздействовать на адресата на текстовом и экстралингвистическом уровнях за счет привлечения средств современного французского языка.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бюлер К. Формальный анализ сложного предложения. Теория языка. 2002. Доступ: https://classes.ru/grammar/111.Karl_Buller_Teoriya_yazika/html/unnamed_2.html. (дата обращения: 18.03.2021).

2. Гапотченко Н. Е. Прагматика французских инструктивных дискурсов как способ актуализации социально значимой информации // 64-я Международная научная

конференция Астраханского государственного технического университета, посвященная 90-летию со дня образования АГТУ. Астрахань: Изд-во АГТУ, 2020. Доступ: <https://www.astu.org/Content/Page/5833>. (дата обращения: 25.03.2021).

3. Гурская Н. А. Выразительные средства синтаксиса рекламных текстов // Грамматические и лексико-семантические исследования в синхронии и диахронии. 1975. Вып. 3. С. 19-25.

4. Епифанцева Н. Г. Французский синтаксис (в сопоставлении с системой русского языка). Москва: МНЭПУ, 2001. 195 с.

5. Солганик Г. Я. О языке и стиле газет. Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования. Москва: МГУ, 2003. Доступ: <http://evartist.narod.ru/text12/15.htm>. (дата обращения: 20.03.2021).

6. Турбина О. А. Природа эмотивного синтаксиса и его категорий. // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия «Лингвистика». Челябинск, 2013. Т. 10. №2. С. 4-8.

7. Фещенко Л. Г. Рекламный текст: разграничение понятий // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2. Вып. 4. 2003. № 26. С. 113-116.

8. Шигаревская Н. А. Новое в современном французском синтаксисе. Москва: Просвещение, 1977. 103 с.

9. Barthes R. La linguistique du discours. Introduction à l'analyse structurale des récits. Œuvres complètes II. Paris: Seuil, 2002. 865 p.

10. Bentolila A., Bachala N., Carvalho V. Structures syntaxiques des textes publicitaires. 2017. Available at: http://www.persee.fr/web/revues/home/prescript/article/fr_0023_8368_1977_num_35_1_4831. (accessed: 23.03.2021).

11. Dendale P., Tasmowski L. Les sources du savoir et leurs marques linguistiques. Marquages en langue et en discours. Des faits de langue aux discours. Rouen: Publications de l'Université de Rouen, 2004. 65 p.

12. Domínguez F. La rhétorique du slogan: cliché, idéologie et communication // Bulletin Hispanique. 2005. № 1. Vol. 107. P. 265-282.

13. Riegel M., Pellat J-C., Rioul R. Grammaire méthodique du français. Paris: PUF, 1998. 647 p.

14. Vion R. Modalités, modalisations et discours représentés // Langages. Paris: Larousse, 2004. № 156. P. 96-111.

ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

Rey A. Le Petit Robert. Dictionnaire de la langue française. Paris, 2006. 2900 p.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ ИЛЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРИАЛА

1. L'Humanité. (2018-2020). Available at: <https://www.humanite.fr/>. (accessed: 24.03.2021).
2. Le Figaro. (2018-2020). Available at: <https://www.lefigaro.fr/>. (accessed: 10.03.2021).
3. Le Monde. (2018-2020). Available at: <https://www.lemonde.fr/>. (accessed: 15.03.2021).
4. Le Parisien. (2018-2020). Available at: <http://www.leparisien.fr/>. (accessed: 16.03.2021).
5. L'Officiel. (2018-2020). Available at: <https://officiel-online.com/>. (accessed: 20.03.2021).
6. Marie Claire. (2018-2020). Available at: <https://www.marieclaire.fr/abonnement/>. (accessed: 15.03.2021).
7. Gala. (2018-2020). Available at: <https://www.Gala.fr/>. (accessed: 10.03.2021).

REFERENCES

1. Byuler, K. (2002). *Formalnyy analiz slozhnogo predlozheniya. Teoriya yazyka* [Formal analysis of a complex sentence. The theory of language]. Available at: https://classes.ru/grammar/111.Karl_Buller_Teoriya_yazika/html/unnamed_2.html. (accessed: 18.03.2021). (In Russ.).
2. Gapotchenko, N. E. (2020). Pragmatika frantsuzskikh instruktivnykh diskursov kak sposob aktualizatsii sotsialno znachimoy informatsii [Pragmatics of French instructional discourses as a way of updating socially significant information]. In *64-ya Mezhdunarodnaya nauchnaya konferentsiya Astrakhanskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta, posvyashchennaya 90-letnemu yubileyu so dnya obrazovaniya AGTU*. Astrakhan: Izd-vo AGTU, 2020. Available at: <https://www.astu.org/Content/Page/5833>. (accessed: 25.03.2021). (In Russ.).
3. Gurskaya, N. A. (1975). Vyrazitelnye sredstva sintaksisa reklamnykh tekstov [Expressive means of advertising text syntax]. In *Grammaticheskie i leksiko-semanticheskie issledovaniya v sinkhronii i diakhronii*. Vyp. 3. Pp. 19-25. (In Russ.).
4. Epifantseva, N. G. (2001). *Frantsuzskiy sintaksis (v sopostavlenii s sistemoy russkogo yazyka)* [French syntax (in comparison with the system of the Russian language)]. Moskva: MNYePU. (In Russ.).
5. Solganik, G. Ya. (2003). *O yazyke i stile gazet. Yazyk SMI kak obyekt mezhdistsiplinarnogo issledovaniya* [About the language and style of newspapers. Media language as an object of interdisciplinary research]. Moskva: MGU. Available at: <http://evartist.narod.ru/text/12/15.htm>. (accessed: 20.03.2021). (In Russ.).
6. Turbina, O. A. (2013). Priroda emotivnogo sintaksisa i ego kategorii [The nature of emotive syntax and its categories]. In *Vestnik Yuzhno-Uralskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya «Lingvistika»*. Chelyabinsk. T. 10. No. 2. Pp. 4-8. (In Russ.).
7. Feshchenko, L. G. (2003). Reklamnyy tekst: razgranichenie ponyatiy [Advertising text: differentiation of concepts]. In *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 2*. Vyp. 4. No. 26. Pp. 113-116. (In Russ.).
8. Shigarevskaya, N. A. (1977). *Novoe v sovremennom frantsuzskom sintaksise* [New in modern French syntax]. Moskva: Prosveshchenie. (In Russ.).
9. Barthes, R. (2002). *La linguistique du discours. Introduction à l'analyse structurale des récits. Œuvres complètes II*. Paris: Seuil.
10. Bentolila, A., Bachala, N., Carvalho, V. (2017). *Structures syntaxiques des textes publicitaires*. Available at: http://www.persee.fr/web/revues/home/prescript/article/fr_0023_8368_1977_num_35_1_4831. (accessed: 23.03.2021).
11. Dendale, P., Tasmowski, L. (2004). *Les sources du savoir et leurs marques linguistiques. Marquages en langue et en discours. Des faits de langue aux discours*. Rouen: Publications de l'Université de Rouen.
12. Domínguez, F. (2005). La rhétorique du slogan: cliché, idéologie et communication. In *Bulletin Hispanique*. No. 1. Vol. 107. Pp. 265-282.
13. Riegel, M., Pellat, J-C., Rioul, R. (1998). *Grammaire méthodique du français*. Paris: PUF.
14. Vion, R. (2004). Modalités, modalisations et discours représentés. In *Langages*. Paris: Larousse. No. 156. Pp. 96-111.

LEXICOGRAPHICAL SOURCE

Rey, A. Le Petit Robert. (2006). *Dictionnaire de la langue française*. Paris.

SOURCES OF ILLUSTRATIVE MATERIAL

1. L'Humanité. (2018-2020). Available at: <https://www.humanite.fr/>. (accessed: 24.03.2021).
2. Le Figaro. (2018-2020). Available at: <https://www.lefigaro.fr/>. (accessed: 10.03.2021).
3. Le Monde. (2018-2020). Available at: <https://www.lemonde.fr/>. (accessed: 15.03.2021).
4. Le Parisien. (2018-2020). Available at: <http://www.leparisien.fr/>. (accessed: 16.03.2021).

5. L'Officiel. (2018-2020). Available at: <https://officiel-online.com/>. (accessed: 20.03.2021).

6. Marie Claire. (2018-2020). Available at: <https://www.marieclaire.fr/abonnement/>. (accessed: 15.03.2021).

7. Gala. (2018-2020). Available at: <https://www.Gala.fr/>. (accessed: 10.03.2021).

Глоба Татьяна Николаевна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры романской филологии (e-mail: tat-globa@yandex.ru), Государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Донецкий национальный университет» 283001, Донецк, Университетская, 24

Globa Tatyana N. – Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor of Romance Philology Department (e-mail: tat-globa@yandex.ru), State Educational Institution of Higher Professional Education «Donetsk National University» 24 Universitetskaya, Donetsk, 283001

Поступила в редакцию 22 апреля 2021 г.

ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ И СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

УДК 821.112.2.091

© 2021 В. Ф. Белова, Е. С. Аскярова

СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ГЕНДЕРНОГО ПРЕДСТАВЛЕНИЯ КОНЦЕПТА «СТРАДАНИЕ» (НА МАТЕРИАЛЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ НЕМЕЦКОЙ И РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ XVIII ВЕКА)

В настоящей статье предпринята попытка характеристики представления концепта «страдание» на материале произведений одной эпохи (XVIII века), но разных стран: немецкоязычного романа И. В. Гёте «Die Leiden des jungen Werther» и русскоязычной повести Н. М. Карамзина «Бедная Лиза». В результате анализа данных произведений сделаны выводы о схожести вербального выражения исследуемого феномена.

Ключевые слова: *концепт, гендер, страдание, эмоция, языковая личность, художественная литература.*

© 2021 V. F. Belova, E. S. Askyarova

COMPARATIVE STUDY OF GENDER REPRESENTATION OF CONCEPT *SUFFERING* (BASED ON GERMAN AND RUSSIAN LITERATURE OF THE 18TH CENTURY)

This article aims at characterizing the presentation of the concept «suffering» in the literature of the XVIII century: the German novel by I. V. Goethe «Die Leiden des jungen Werther» and the Russian novel by N. M. Karamzin «Poor Liza». As a result of the analysis the conclusions about the similarity of the verbal expression of the studied phenomenon have been made.

Key words: *concept, gender, suffering, emotion, linguistic personality, fiction.*

Страдание – это одна из самых глубоких эмоций, которую способен испытывать человек. В художественной литературе для вербализации эмоций авторы зачастую применяют номинацию. Проблему номинирования эмоций в лингвистике широко исследуют и в современности.

Концепт является одним из базовых терминов когнитивной лингвистики. В научном сообществе существует множество трактовок данного понятия, начиная с того, что в отечественной лингвистике системой логических отношений в объектно-субъектном мировосприятии являлось «понятие», а в западной – «концепт» [Степанов, 2004; ЛЭС], заканчивая тем, что в немецком языке, на материале которого проводится исследование, главное значение у слова *Konzept* в классическом немецком языке – это «план, конспект, набросок» [Демьянков, 2001: 39]. Исходя из этого можно предположить, что «понятие» и «концепт» являются равнозначными определениями, но, по мнению исследователя

В. Н. Телия, это не так. Она считает, что «смена термина «понятие» на термин «концепт» – не просто терминологическая замена: концепт – это всегда знание, структурированное во фрейм, а это значит, что он отражает не просто существенные признаки объекта, а все те, которые в данном языковом коллективе заполняются знанием о сущности». «Концепты, стереотипы, эталоны, символы, мифологемы и т. п. – знаки национальной и – шире – общечеловеческой культуры» [Телия, 1996: 96, 215].

Традиционная точка зрения на отношения между каким-либо референтом, означаемым и его концептом была сформулирована немецким философом Г. Фреге и впоследствии развита в лингвистике как референтный подход к языковому знаку. Такое описание учитывает условные отношения между объектом в реальности, символом и его формой в соответствии с семантической схемой отношений в виде треугольника [Manerko, 2013: 472]. Концепт, трактуемый как тождественный смыслу, представляет собой перспективу рассмотрения некоторого объекта или объектов. В основе такого видения концепта лежит смысл, в понимании Г. Фреге [Фреге, 1997]. В трактовке О. А. Алимурادова концепт рассматривается как сущность, гораздо более широкая и информационно нагруженная, чем фрегевский смысл. Такое понимание концепта базируется на интенциональности, направленности ментальных процессов на объекты и / или ситуации, находящиеся как во внешнем мире, так и в структуре поля опыта данного индивида [Алимуратов, 2004: 52].

Ю. С. Степанов разграничил определения «понятие» и «концепт». По его мнению, концепт и понятие – термины разных наук; понятие употребляется главным образом в логике и философии, а термин «концепт», являясь термином в математической логике, в последнее время закрепился еще и в науке о культуре, в культурологии [Степанов, 1997: 43].

Ю. С. Степанов, рассматривая концепт как факт культуры, выделяет три компонента, или три «слоя» концепта:

1. Основной, актуальный признак;
2. Дополнительный, или несколько дополнительных, «пассивных» признаков, являющихся уже неактуальными, «историческими»;
3. Внутреннюю форму, обычно вовсе не осознаваемую, запечатленную во внешней, словесной форме [Степанов, 2004: 46-54].

Мы придерживаемся именно этой точки зрения на концепт, так как для нас важен аспект его рассмотрения как части культуры, поскольку именно в культуре мы можем проследить отражение различных концептов наиболее ярко: они выражены вербально в художественной литературе. На ее фоне мы можем сравнить, как концепты

репрезентованы в культуре народа, как языковая личность может формировать концепты.

Проанализировав толкование термина «страдание» в немецких и русских словарях, мы пришли к выводу, что страдание – это боль, связанная с физическим или эмоциональным воздействием на человека извне и на самого себя. Согласно словарю Дудена, «das Leiden» по первому значению – *Gebrechen, Krankheit, mit der jemand über längere Zeit oder dauernd behaftet ist* [Duden] ‘болезнь, от которой кто-либо страдает долгое время’ – то есть физическое страдание, по второму значению – *das Erleben von Leid* [там же] ‘переживание горя’ – моральное. По словарю Ожегова – это «физическая или нравственная боль, мучение» [Ожегов]. Таким образом, мы не увидели особого отличия в восприятии страдания в немецкой и русской культуре, следовательно, нам, как носителям русского языка и русской культуры, будет сравнительно нетрудно анализировать концепт «страдание» в рамках как русской, так и немецкой художественной литературы.

Существует не так много научных исследований, которые посвящены конкретно семантике слова «страдание», но те, которые были нами найдены, несомненно помогают в более глубоком и тщательном изучении данного феномена. Так, в статье «О семантике слова страдание: страдание как «физический объект»» Е. С. Пономарева постаралась извлечь максимальное количество семантических составляющих лексемы «страдание», опираясь на контексты из Национального корпуса русского языка. Ею были проанализированы словосочетания и предикативные конструкции с целью выявления сочетаемостных особенностей выбранной лексемы. Благодаря данной работе был составлен «образно онтологический портрет» слова «страдание» [Пономарева, 2011: 155].

Совершив глубокий анализ сочетаемости лексемы «страдание», автор статьи дала следующее определение: «Страдание – ощущение тяжести, боли, словно от невозможности нести собственное тело (бессилия) или от полученных ран. Эта боль заполняет собой весь организм и / или окружающий мир; она глубока и постоянна, и человек чувствует себя объатым / окруженным / связанным болью. Ощущение осмысляется в религиозном ключе: чем интенсивнее *страдание*, тем доступнее царствие небесное, *страдание* обусловлено земной жизнью, ведет к одиночеству и изоляции (поскольку человек должен нести его сам). Часто *страдание* персонифицируется. Иногда *страдание* столь зримо, слышимо и ощутимо, что человек представляет его как некий объект или препятствие на своем жизненном пути. Релевантные признаки концептуального значения: «ощущаемое органами чувств», «тяжелое», «глубокое», «разрушительное», «пребывающее в пространстве» и / или «обладающее пространственными характеристиками (заполняемое)», «заполняющее», «изолирующее», «интенсивное», «поднимающее субъекта вверх (высокое)»» [Пономарева, 2011: 158].

На наш взгляд, данное описание феномена «страдание» является максимально полным. Оно включает в себя и вопрос о том, к чему все-таки относится страдание: к чувству, состоянию или ощущению – ко всем трём аспектам, в зависимости от субъекта восприятия. В ходе дальнейшего исследования мы постараемся провести собственный подобный анализ, с целью выявления, возможно, новых сторон восприятия страдания, создания собственного определения данного феномена и концепта.

Для более глубокого погружения в исследование феномена страдания нами были тщательно отобраны эпоха и языковое пространство, а именно XVIII век в немецкоязычной и русскоязычной культуре. Идеальное германское общество виделось мыслителям XVIII века сквозь призму создания идеального гражданского общества, в основе которого было решение проблемы нравственного состояния человека. Философские же противоречия была способна решить литература как одна из составных частей искусства в целом.

Роман «Die Leiden des jungen Werther» [Goethe, 2014] / «Страдания юного Вертера» [Гёте, 2015] демонстрирует нам персонажа, чувствовавшего себя несвободным в рамках социального детерминизма. Яркое противопоставление личности главного героя, и вместе с тем автора романа, всему окружающему его миру отражает сущность произведений XVIII века немецкоязычного литературного пространства. Например, были и другие схожие по проблематике романы в выбранной нами эпохе: «Wilhelm Meisters Lehrjahre» / «Годы учений Вильгельма Мейстера» (1795-1796 гг.), «Wahlverwandschaften» / «Избирательное сродство» (1809).

Мы анализируем языковую личность авторов, в первую очередь, через лингвостилистический анализ произведения, и считаем возможным сопоставлять речь главных героев с возможной речью самих авторов книг по следующим причинам: Н. М. Карамзин сделал себя одним из героев повести (рассказчиком) и выражал явную симпатию героям, будто сам переживал эмоции, описанные в книге. А Гёте писал о том, что роман является отчасти автобиографичным, долго формирующимся в голове автора: «Это создание я, как пеликан, вскормил кровью собственного сердца и столько в него вложил из того, что таилось в моей душе, столько чувств и мыслей, что, право, их хватило бы на десяток таких томиков» [Эккерман, 1981: 466].

Роман был написан в один из этапов эпохи Просвещения, а именно в период «Бури и натиска», которому характерно «сложное диалектическое взаимодействие чувства и разума, проявляющееся в противоборстве в человеке двух начал, а именно рационального и чувственного» [Кортовенкова, 2009: 8].

Нельзя не отметить, что важной особенностью концептуального пространства

романа, по мнению Т. В. Кортюковой, является его двухмерность на текстообразующем уровне, проявляющаяся в слиянии картины мира И. В. Гёте и картины мира главного героя Вертера [Там же: 5]. Мы разделяем её точку зрения, поскольку данный подход к рассматриваемому нами роману позволяет утверждать, что характерные особенности речи и поведения Вертера указывают нам на индивидуальный стиль И. В. Гёте. Несомненно, «социальная, национальная, а также историческая детерминированность характеров литературных персонажей в первую очередь репрезентирована в языке, который также становится предметом изучения теперь уже других ученых в других исследованиях – лингвистических» [Морозова, 2015: 144].

Повесть «Бедная Лиза» [Карамзин] была привезена из заграничных поездок Н. М. Карамзина. Он много путешествовал по Европе, знакомился с творчеством, искусством, культурой тех стран и под впечатлением всего прочитанного была написана данная повесть. Она была типична для литературы Европы того времени, но стала совершенным новаторством для русского читателя. Повесть не была воспринята как что-то чужое, поскольку в персонажей автор привнес русскую культуру и мировоззрение, описал знакомые многим пейзажи и даже сделал себя самого частью повести, став одним из её главных героев.

Основными экспликаторами концепта «страдание» являются единицы лексического уровня. Говоря более конкретно о концепте «страдание» в данных произведениях, мы отмечаем, что, например, в романе «Die Leiden des jungen Werther» в качестве основных вербализаторов концепта выступают прилагательные и наречия: *traurig* ‘печальный’, *unerträglich* ‘невыносимый / невыносимо’, *düster* ‘мрачный / мрачно’, *unglücklich* ‘несчастный’, *gedrückt* ‘угнетенный’, *wehmütig* ‘грустный’, *verschlossen* ‘замкнутый’, *einsam* ‘одинокий’, *verlassen* ‘покинутый» [Анферова, Белова, 2020]. Схожие лексемы вербализуют концепт «страдание» в повести «Бедная Лиза».

Несмотря на то, что сюжетная линия романа И. В. Гёте «Die Leiden des jungen Werther» была более запутанной и хитросплетенной и отличается от простого повествования в «Бедной Лизе» Н. М. Карамзина, мы всё-таки можем сравнить их и найти сходства, которые характерны эпохе написания обоих произведений. Во-первых, оба главных героя совершили самоубийство из-за несчастной любви. Во-вторых, и Вертер у Гёте, и Лиза у Карамзина страдали от чувства любви. Эраст, конечно, признавался в любви Лизе до своего разорения, но тут же забыл о своих чувствах, как только столкнулся с риском прожить всю оставшуюся жизнь в бедственном положении. Такое поведение, конечно, трудно назвать искренней любовью, которую питала к Эрасту Лиза. В-третьих, большую роль в обоих произведениях играет природа, авторы посвящают много времени,

описывая пейзажи, что, впрочем, соответствует духу жанра.

Подробнее познакомившись с повестью и с главными её героями, несложно увидеть близость тематики произведений И. В. Гёте «Die Leiden des jungen Werther» и Н. М. Карамзина «Бедная Лиза». Данный факт позволил нам заняться сопоставлением обоих произведений для того, чтобы изучить феномен «страдание» во всевозможных аспектах, с точки зрения разных эпох, стран, языковых культур и языковых личностей.

Слова, выражающие чувства и эмоции героев, неразрывно связаны с их действиями и ситуацией (событиями) вокруг. Некоторые письма Вертера могут доносить до читателя его импульсы совершать многочисленные действия, прочтение которых облегчает и углубляет понимание [Goethe-Institut]. Вертер – это персонаж, который в большей степени зависел от своих собственных чувств, эмоций и единения с природой [Анферова, Белова, 2019: 253]. Повесть «Бедная Лиза» пропитана духом страдания, начиная от самого названия произведения, заканчивая буквально каждым персонажем книги.

Чаще всего авторы прибегают к косвенному описанию мира чувств своих героев, избегая таким образом излишней прямолинейности и давая читателю возможность самостоятельно интерпретировать сказанное. Исследуя вышеупомянутые связи, мы рассмотрели несколько пластов различных чувств, которые переживали Вертер и Лиза, чтобы проследить изменения в их эмоциональном состоянии. Нами были проанализированы произведения в рамках семи групп слов, выражающих эмоции: счастье (das Glück), любовь (die Liebe), печаль (die Traurigkeit), одиночество (die Einsamkeit), растерянность (die Betroffenheit), злость (die Bosheit) и деятельность (die Tätigkeit). Для выявления частотности каждой из них было взято путем сплошной выборки количество слов, выражающих чувства и эмоции (753 – в романе «Die Leiden des jungen Werther; 232 – в повести «Бедная Лиза»).

Преобладающими в обоих текстах оказались группы слов любви и счастья. В романе «Die Leiden des jungen Werther» любовь отразилась следующими прилагательными и, в большей мере, существительными: *das Herz* ‘сердце’ (12,3%), *die Seele* ‘душа’ (10,3%), *die Empfindung* ‘чувство, восприятие’ (3,8%), *das Gefühl* ‘чувство’ (3,5%), *die Leidenschaft* ‘страсть’ (3,1%), *die Liebe* ‘любовь’ (2,1%), *herzlich* ‘сердечный, искренний’ (2%), *gut* ‘хороший, добрый’ (1,5%), *liebenswert* ‘любезный’ (1,4%), *brav* ‘добрый, порядочный’ (1,3%), *reizend* ‘восхитительный’ (0,9%), *sehnlich* ‘страстный’ (0,4%), *feurig* ‘пылкий, вдохновенный’ (0,3%), *liebevoll* ‘преисполненный любви’ (0,3%). Для сравнения в повести «Бедная Лиза» были выбраны те же лексемы, демонстрирующие чувство любви: *сердце* – 7,3%, *хороший* – 6%, *добрый* – 6%, *любезный* – 5,7%, *чувства* – 2,1%, *душа* – 1,7%, *любовь* –

1,2%, *сердечный* – 0,9%, *страстный* – 0,9%, *искренний* – 0,4%, *восхитительный* – 0,4%. Стоит заметить, что не все лексемы повторялись в произведениях, что вполне логично, исходя из лексического разнообразия и неповторимости немецкого и русского языков. В связи с этим добавим и те лексемы, выражающие чувство любви, которые не оказались частотными в романе И. В. Гёте «Die Leiden des jungen Werther», но стали значимыми в передаче эмоционального состояния главной героини повести «Бедная Лиза»: *чистый* (о чувствах и любви) – 4,3%, *нежный* – 3,9%, *тихий* – 2,6%, *невинный* – 2,1%, *ласковый* – 1,7%, *чувствительный* – 0,9%.

Судя по частотности применения данных языковых единиц, герои действительно были счастливы какое-то время, поэтому не составляет труда подобрать соответствующие лексемы. В романе «Die Leiden des jungen Werther» счастье выразили слова: *glücklich* ‘счастливый’ (6%), *still* ‘тихий’ (3,5%), *ruhig* ‘спокойный’ (2,8%), *das Glück* ‘счастье’ (1,7%), *rasend* ‘головокружительный’ (0,8%), *entzückt* ‘восхищенный’ (0,5%), *freudig* ‘радостный’ (0,5%), *vergnügt* ‘веселый, радостный’ (0,5%), *befriedigt* ‘довольный’ (0,4%), *lustig* ‘веселый’ (0,4%), *heiter* ‘радостный’ (0,4%), *froh* ‘веселый, счастливый’ (0,3%). В повести «Бедная Лиза» с немецким романом совпадают лишь четыре лексемы: *веселый* – 4,3%, *счастлив / счастье* – 3,9%, *радость* – 2,1%, *восхищаться / восхитительный* – 1,7%; остальные стали уникальными для русскоязычной книги: *приятный* – 3,9%, *прекрасный* – 2,1%, *величественный* – 1,7%, *трепет / трепещущий* – 1,7%, *спокойно* (о счастье) – 1,7%.

Помимо любви и счастья в книгах представлены в большом количестве слова, демонстрирующие печаль, одиночество и деятельность. Печаль в исследуемом нами романе И. В. Гёте была выражена такими лексическими единицами, как *traurig* ‘печальный’ (1,9%), *arm* ‘бедный (в значении жалости)’ (1,7%), *unerträglich* ‘невыносимый’ (1,7%), *schrecklich* ‘ужасный’ (1,3%), *düster* ‘мрачный’ (1%), *unglücklich* ‘несчастный’ (0,9%), *fürchterlich* ‘страшный, ужасный’ (0,8%), *hart* ‘суровый’ (0,5%), *die Finsternis* ‘мрак, темнота’ (0,5%), *das Unglück* ‘несчастье’ (0,4%), *gedrückt* ‘угнетенный’ (0,4%), *wehmütig* ‘грустный’ (0,3%), *kraftlos* ‘бессильный’ (0,3%), *verschlossen* ‘замкнутый’ (0,3%). Менее разнообразно, но также явно печаль представлена в повести Н. М. Карамзина идентичными для сравнения словами: *бедная* – 4,7%, *страшный / страшно* – 3%, *печальный* – 2,1%, *мрачный* – 1,3%, *несчастный* – 1,3%, *мрак* – 0,9%, *печаль* – 0,4%, а также уникальными: *плакать* – 3%, *горе / горестный* – 1,7%, *унылый* – 1,3%, *жалобный* – 0,9%.

Одиночество настигло Вертера немногим позже и проявлялось менее наглядно, чем приведенные нами ранее чувства: *der Unglückliche* ‘несчастливец’ (2,1%), *kalt* ‘холодный’ (2%), *das Elend* ‘грусть, тоска’ (1,7%), *unglücklich* ‘несчастный’ (1%), *elend* ‘тоскливый’ (0,8%), *einsam* ‘одинокий’ (0,5%), *die Empfindlichkeit* ‘восприимчивость, обидчивость’ (0,5%),

verlassen ‘покинутый’ (0,1%). Стоит отметить, что слова из одного семантического поля могут попадать и в другое. Мы разделили слова именно так, поскольку в контексте они были более близки по смыслу тем группам, в которых они располагаются в данной работе. Для «бедной Лизы» чувство одиночества также наступило не сразу, а ближе к развязке повести. Несмотря на такую же сильную и глубокую опустошенность героини, как и у Вертера, её эмоции в русском произведении представлены более скудно, хотя они также важны для данного анализа: *грусть* – 0,9%, *скука* – 0,4%, *тоска* – 0,4% – это слова, присутствующие в обеих книгах; уникальным для повести стало слово *горесть / горестный* – 1,3%.

Как уже было упомянуто выше, чувства взаимосвязаны с действиями. Передача эмоций героев через поступки дает читателю возможность самостоятельно догадаться, что испытывают герои. Однако, в романе «Die Leiden des jungen Werther» можно найти гораздо больше лексических единиц, выражающих деятельность: *lebhaft* ‘оживленный’ (1,7%), *munter* ‘бодрый’ (1,2%), *schnell* ‘быстрый’ (1,1%), *die Begier* ‘стремление’ (1,1%), *stark* ‘сильный’ (1,1%), *lebendig* ‘живой’ (0,9%), *unschuldig* ‘невиновный’ (0,8%), *die Heftigkeit* ‘сила, стремительность’ (0,7%), *freudig* ‘радостный’ (0,7%), *mutig* ‘мужественный, отважный’ (0,4%), *rasch* ‘быстрый’ (0,4%), нежели в повести «Бедная Лиза»: *спокойный* – 2,6%, *слабый* – 1,4%. Помимо разницы в количестве, наблюдается и явная разница в коннотации слов, демонстрирующих деятельность героев. Если в романе И. В. Гёте выбранные нами лексемы носят в себе положительное значение, то в повести Н. М. Карамзина они явно имеют более негативный оттенок.

Слова, выражающие растерянность и злость, также важны для характеристики душевного состояния главного героя Вертера, хотя они и выражены небольшим процентом, в сравнении с другими группами слов. Злость (*böse* ‘злой’ (0,9%), *wütend* ‘яростный, взбешенный’ (0,4%), *unzufrieden* ‘недовольный’ (0,4%), *aufgebracht* ‘рассерженный’ (0,1%), *heftig* ‘вспыльчивый’ (0,1%)) и растерянность (*schwach* ‘слабый’ (2%), *ängstlich* ‘боязливый’ (1,1%), *erstaunt* ‘удивленный’ (0,4%), *verlegen* ‘смущенный’ (0,3%), *überrascht* ‘удивленный’ (0,3%), *betroffen* ‘смущенный, озадаченный’ (0,1%)) практически всегда сопутствовали друг другу, так как и в жизни зачастую мы испытываем одновременно целую гамму чувств. Слова со значением растерянности отсутствуют в русской повести, а лексем, говорящих о злости героини гораздо меньше: *жестокый* – 1,7%, *зло* – 0,4%, *слабый* – 0,4%. Мы считаем, что такая разница связана с характерами главных героев. Вертер – герой очень тонкой душевной организации – очень впечатлительный, склонный к яркому и открытому проявлению своих чувств. Лиза – это девушка, которая не привыкла выставлять свои эмоции напоказ, часто была вынуждена

прятать свои чувства от матери и других людей. Данная особенность главной героини является причиной отсутствия групп слов, демонстрирующих злость и растерянность.

Таким образом, мы можем отметить, что набор наиболее частотных слов был подобран авторами не случайно. С развитием сюжетной линии романа «Die Leiden des jungen Werther» экстравертная интенциональность главного героя преобразуется в пессимизм, рефлексивность и ощущение «нехватки» чего-то. Слова, отражающие радость, счастье преобладают в первой части, а слова печали и тревоги – во второй. Хотя есть и исключения, например, частотность таких слов, как *glücklich, ruhig, lebendig, feurig* и *schwach* практически равнозначна в обеих частях. А вот *unerträglich, schlecht* и *still* преобладают не в тех частях, где это наиболее ожидаемо. Анализ романа «Die Leiden des jungen Werther» с точки зрения выделения групп слов, выражающих чувства и эмоции, также подтверждает тот факт, что Вертер в ходе всего повествования испытал целую гамму чувств от счастья до печали. Данные группы представлены в порядке убывания, что приводит нас к выводу, что все-таки любовь и счастье сыграли в жизни героя более важную роль, но их переизбыток привел впоследствии к тоске и одиночеству.

Эмоциональное состояние Лизы было постоянно переменчиво. Самые частотные слова, демонстрирующие счастье героини, присутствуют в одинаковом количестве во всей повести, кроме её финала. Девушка была очень юной и наивной, склонной доверять людям. Именно эти качества её погубили, они же привели к тому, что Лиза испытала настоящее страдание, на что указывает большое количество слов, говорящих её о печали, одиночестве, злости.

При сопоставлении данных лингвистического анализа текстов были сделаны следующие выводы:

– слова в группах «любовь» и «счастье» преобладают и превышают в два раза количество слов других групп с негативной коннотацией. Данный факт доказывает, что интенциональное состояние «страдание» не является постоянным, а скорее склонно к изменчивости в большей или меньшей степени, или к временной смене на другое;

– синонимичный ряд различных групп слов, освещенных нами в исследовании, достаточно широкий, наиболее частотные лексемы совпадают в произведениях разного языкового пространства, демонстрирующих героев разного гендера;

– феномен «страдание» может вариативно реализовываться в художественной литературе, но независимо от социального статуса, гендера субъекта страдания, эпохи написания произведения, а также языкового пространства (немецкоязычного или русскоязычного), существует единый изоморфный вариант его концептуальной модели.

Поскольку мы не выявили колоссальной разницы в описании, а значит и ощущении

«страдания» представителями одной эпохи, но разных стран и даже разного гендера, составим обобщенное определение данному феномену, основываясь на перечисленных нами выводах. Страдание – это постоянное чувство боли, бессилия, неизбежности хода событий, выступающее зачастую как препятствие на жизненном пути человека, в преодолении которого существует два пути: борьба на пути к счастью и мгновенное прекращение страдания путём ухода из жизни (самоубийства). Страдания главных героев романа «Die Leiden des jungen Werther» и повести «Бедная Лиза» были прекращены вторым путём, что говорит, скорее всего, о их недостаточной силе духа.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алимуратов О. А. Значение, смысл, концепт и интенциональность: система корреляций // Язык. Текст. Дискурс. 2004. С. 43-56.
2. Анферова Е. С., Белова В. Ф. Концепт «страдание» в художественной литературе на немецком языке // Профессиональная коммуникация: актуальные вопросы лингвистики и методики. 2020. № 13. С. 5-17.
3. Анферова Е. С., Белова В. Ф. Психолингвистические особенности художественного текста (на материале романа «Страдания юного Вертера» Иоганна Вольфганга фон Гёте // Иностраный язык в профессиональной коммуникации. Уфа: РИЦ БашГУ, 2019. С. 253.
4. Демьянков В. З. Понятие и концепт в художественной литературе и в научном языке // Вопросы филологии. 2001. № 1. С. 35-47
5. Кортювенкова Т. В. Способы языковой репрезентации концептуального пространства в художественном дискурсе: на материале романа И. В. Гёте «Die Leiden des jungen Werther»: автореф. дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.04. Москва, 2009. 24 с.
6. Морозова М. Е. Коммуникативный тип художественного одиночки в немецкой литературе // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2015. № 9 (51): в 2-х ч. Ч. II. С. 144-148.
7. Пономарева Е. С. О семантике слова страдание: страдание как «физический объект» // Сибирский филологический журнал. 2011. № 3. Доступ: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-semantike-slova-stradanie-stradanie-1-kak-fizicheskiy-obekt>. (дата обращения: 04.11.2020).
8. Степанов Ю. С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. Москва: Школа «Языки русской культуры», 1997. 824 с. Доступ: <http://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=212939>. (дата обращения: 19.12.2020).
9. Степанов Ю. С. Константы: Словарь русской культуры. 3-е изд., испр. и доп. Москва: Академический Проект, 2004. 902 с.
10. Телия В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. Москва: Школа «Языки русской культуры», 1996. 286 с.
11. Фреге Г. Избранные работы. Москва: Дом интеллектуальной книги, 1997. 160 с.
12. Эккерман И. П. Разговоры с Гёте в последние годы его жизни. Москва: Художественная литература, 1981. 518 с.
13. Goethe-Institut // Die Leiden des jungen Werthers – zum Umgang mit einem Klassiker. Доступ: <https://www.goethe.de/de/spr/mag/21454648.html>. (дата обращения: 14.11.2020).
14. Manerko L. Concept understanding in cognitive linguistics and cognitive terminology science // Languages for Special Purposes in a Multilingual, Transcultural World, Proceedings of the 19th European Symposium on Languages for Special Purposes, 8-10 July 2013, Vienna, Austria / G. Budin & V. Lušický (eds.). Vienna: University of Vienna, P. 471-483. Доступ:

https://www.academia.edu/11710460/Concept_understanding_in_cognitive_linguistics_and_cognitive_terminology_science. (дата обращения: 09.11.2020).

СПИСОК ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ

1. Лингвистический энциклопедический словарь. Доступ: <http://lingvisticheskiyslovar.ru>. (дата обращения: 22.12.2020). [ЛЭС].
2. Страдание // Словари и энциклопедии. Толковый словарь Ожегова. Доступ: <http://endic.ru/ozhegov/Stradanie-34287.html>. (дата обращения: 10.11.2020). [Ожегов].
3. Leiden // Duden Wörterbuch. Доступ: https://www.duden.de/rechtschreibung/Leiden_Erkrankung_Schmerz (дата обращения: 10.11.2020). [Duden].

СПИСОК ИЛЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРИАЛА

1. Гёте И. В. Страдания юного Вертера: роман. Санкт-Петербург: Изд-во АЗБУКА, 2015. 188 с.
2. Карамзин Н. М. Бедная Лиза: повести. Москва: Сов. Россия, 1985. 61 с.
3. Goethe J. W. Die Leiden des jungen Werther. Der Roman auf Deutsch. Moscow, 2014. 164 s.

REFERENCES

1. Alimuradov, O. A. (2004). *Znachenie, smysl, kontsept i intentsionalnost: sistema korrelyatsii* [Meaning, denotation, concept and intentionality: correlation system]. In *Yazyk. Tekst. Diskurs*. Pp. 43-56. (In Russ.).
2. Anferova, E. S., Belova, V. F. (2020). *Kontsept «stradanie» v khudozhestvennoy literature na nemetskom yazyke* [The concept of «suffering» in literature in the German language]. In *Professionalnaya kommunikatsiya: aktualnye voprosy lingvistiki i metodiki*. No. 13. Pp. 5-17. (In Russ.).
3. Anferova, E. S., Belova, V. F. (2019). *Psicholingvisticheskie osobennosti khudozhestvennogo teksta (na materiale romana «Stradaniya yunogo Vertera» Ioganna Volfganga fon Gete* [Psycholinguistic features of a literary text (based on the novel «The Suffering of Young Werther» by Johann Wolfgang von Goethe)]. In *Inostranny yazyk v professionalnoy kommunikatsii*. Ufa: RITs BashGU. P. 253. (In Russ.).
4. Demyankov, V. Z. (2001). *Ponyatie i kontsept v khudozhestvennoy literature i v nauchnom yazyke* [Notion and concept in literature and in scientific language]. In *Voprosy filologii*. No. 1. Pp. 35-47. (In Russ.).
5. Kortovenkova, T. V. (2009). *Sposoby yazykovoy reprezentatsii kontseptualnogo prostranstva v khudozhestvennom diskurse: na materiale romana I. V. Gete «Die Leiden des jungen Werther»* [Methods of linguistic representation of conceptual space in artistic discourse: based on the novel «Die Leiden des jungen Werther» by I. V. Goethe]: avtoref. diss. ... kand. filol. nauk: 10.02.04. Moskva. (In Russ.).
6. Morozova, M. E. (2015). *Kommunikativnyy tip khudozhestvennogo odinochki v nemetskoj literature* [Communicative type of artistic loner in German literature]. In *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. Tambov: Gramota. No. 9 (51): v 2-kh ch. Ch. II. Pp. 144-148. (In Russ.).
7. Ponomareva, E. S. (2011). *O semantike slova stradanie: stradanie kak «fizicheskiy obekt»* [About the semantics of the word *suffering*: suffering as a «physical object»]. In *Sibirskiy filologicheskiy zhurnal*. No. 3. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-semantike-slova-stradanie-stradanie-1-kak-fizicheskiy-obekt>. (accessed: 04.11.2020). (In Russ.).
8. Stepanov, Yu. S. (1997). *Konstanty. Slovar russkoy kultury. Opyt issledovaniya* [Constant. Vocabulary of Russian culture. First effort of research]. Moskva: Shkola «Yazyki russkoy kultury». Available at: <http://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=212939>. (accessed: 19.12.2020). (In Russ.).

9. Stepanov, Yu. S. (2004). *Konstanty: Slovar russkoy kultury* [Constant. Vocabulary of Russian culture]. 3-e izd., ispr. i dop. Moskva: Akademicheskij Proekt. (In Russ.).
10. Teliya, V. N. (1996). *Russkaya frazeologiya. Semanticheskij, pragmaticheskij i lingvokulturologicheskij aspekty* [Russian Phraseologie. Semantic, pragmatic, and linguocultural aspects]. Moskva: Shkola «Yazyki russkoy kultury». (In Russ.).
11. Frege, G. (1997). *Izbrannye raboty* [Selected texts]. Moskva: Dom intellektualnoy knigi. (In Russ.).
12. Ekkerman, I. P. (1981). *Razgovory s Gete v poslednie gody ego zhizni* [Conversations with Goethe in the last years of his life]. Moskva: Khudozhestvennaya literatura. (In Russ.).
13. Goethe-Institut. In *Die Leiden des jungen Werthers – zum Umgang mit einem Klassiker*. Available at: <https://www.goethe.de/de/spr/mag/21454648.html>. (accessed: 14.11.2020).
14. Manerko, L. (2013). Concept understanding in cognitive linguistics and cognitive terminology science. In G. Budin & V. Lušicky (eds.), *Languages for Special Purposes in a Multilingual, Transcultural World, Proceedings of the 19th European Symposium on Languages for Special Purposes, 8-10 July 2013, Vienna, Austria*. Vienna: University of Vienna, Pp. 471-483. Available at: https://www.academia.edu/11710460/Concept_understanding_in_cognitive_linguistics_and_cognitive_terminology_science. (accessed: 09.11.2020).

LEXICOGRAPHICAL SOURCES

1. *Lingvisticheskiy entsiklopedicheskij slovar* [Linguistic Encyclopedic Dictionary]. Available at: <http://lingvisticheskiyslovar.ru>. (accessed: 22.12.2020). (In Russ.).
2. Stradanie [Suffering]. In *Slovari i entsiklopedii. Tolkovyy slovar Ozhegova*. Available at: <http://endic.ru/ozhegov/Stradanie-34287.html>. (accessed: 11.10.2020). (In Russ.).
3. Leiden. In *Duden Wörterbuch*. Available at: https://www.duden.de/rechtschreibung/Leiden_Erkrankung_Schmerz. (accessed: 10.11.2020).

SOURCES OF ILLUSTRATIVE MATERIAL

1. Goethe, I. V. (2015). *Stradaniya yunogo Vertera* [The Sorrows of Young Werther]: roman. Sankt-Peterburg: Izd-vo AZBUKA. (In Russ.).
2. Karamzin, N. M. (1985). *Bednaya Liza* [Poor Liza]: povesti. Moskva: Sov. Rossiya. (In Russ.).
3. Goethe, J. W. (2014). *Die Leiden des jungen Werther. Der Roman auf Deutsch*. Moscow.

Белова Валентина Федоровна – кандидат филологических наук, профессор кафедры германистики и межкультурной коммуникации (e-mail: belovav2008@yandex.ru)
Государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Пятигорский государственный университет»
357532, г. Пятигорск, пр. Калинина, 9

Belova Valentina F. - Candidate of Philology, Professor of Germanic Studies and Intercultural Communication Department (e-mail: belovav2008@yandex.ru)
State Educational Institution of Higher Professional Education «Pyatigorsk State University»
9 Kalinina, Pyatigorsk, 357532

Аскярова Екатерина Сергеевна – студент 2 курса магистратуры кафедры германистики и межкультурной коммуникации (e-mail: anphyorova97@mail.ru)
Государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Пятигорский государственный университет»
357532, г. Пятигорск, пр. Калинина, 9

Askyarova Ekaterina S. – 2-nd year student of the Master's Degree of German Studies and Intercultural Communication Department (e-mail: anphyorova97@mail.ru)
State Educational Institution of Higher Professional Education «Pyatigorsk State University»
9 Kalinina, Pyatigorsk, 357532

Поступила в редакцию 29 декабря 2020 г.

УДК 81'37: 811.111: 811.161.1

© 2021 А. В. Воеводина

«ГОВОРЯЩИЕ» ИМЕНА СОБСТВЕННЫЕ В АНГЛИЙСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ (НА МАТЕРИАЛЕ ПЕРЕВОДА САТИРИЧЕСКИХ РАССКАЗОВ ЭДГАРА АЛЛАНА ПО)

Настоящая статья посвящена анализу переводов на русский язык «говорящих» имен собственных в сатирических рассказах классика американской литературы XIX в. Эдгара По. Устанавливаются семантические признаки поэтонимов, описывается их внутреннее значение, а также выявляются приемы перевода и передачи внутреннего содержания, используемые переводчиками.

Ключевые слова: Эдгар По, сатирические рассказы, антропонимы, онимы, топонимы, ономастическое пространство.

© 2021 A. V. Voyevodina

CHARACTONYMS IN THE ENGLISH AND RUSSIAN LANGUAGES (BASED ON TRANSLATIONS OF SATIRIC STORIES BY EDGAR ALLAN POE)

The paper concentrates on the analysis of translations of charactonyms in the satirical stories by Edgar Poe, the canonic writer of American literature of the 19th century. The article defines semantic features of poetonyms, describes their internal meaning and identifies the methods of translation and transmission of internal content used by translators.

Key words: Edgar Poe, satirical stories, anthroponyms, onyms, toponyms, onomastic space.

Художественный текст представляет собой замкнутую систему эстетически организованных языковых средств. Наполняя и организовывая структуру текста, авторы используют лексический материал, наиболее полно раскрывающий их замысел и предоставляющий читателю всю необходимую информацию.

Важное место в этом процессе занимают имена собственные. В «Лингвистическом энциклопедическом словаре» дается следующее определение имени собственного: «Собственное имя (оним) – слово, словосочетание или предложение, которое служит для выделения именуемого им объекта из ряда подобных, индивидуализируя и идентифицируя данный объект [Ярцева, 1990]. Изучением истории, развития и функционирования имен собственных занимались учёные-ономасты А. А. Белецкий [Белецкий, 1972], В. Д. Бондалетов [Бондалетов, 2012], В. М. Калинин [Калинкин, 1999; 2000; 2002], Е. Ю. Карпенко [Карпенко, 2006], Ю.А. Карпенко [Карпенко, 1986] А. В. Суперанская [Суперанская 1973], Н. В. Усова [Усова, 2018] и др.

За всю историю изучения имен собственных выдвигались разнообразные гипотезы: Джон Стюарт Милль и Алан Хендерсон Гардинер придерживались теории, что имя

собственное выполняет только номинативную функцию и не несет смысловой нагрузки; позже онимы рассматривались лингвистами как языковое явление, обладающее формой и содержанием, но обладающее полноценным значением только в контексте, тексте либо дискурсе. Согласно третьей точке зрения, имена собственные обладают языковым значением и проявляют семантику как в речи, так и в языке. Они выполняют номинативную, дифференцирующую и идентифицирующую функции.

Среди онимов выделяется особая подгруппа имен собственных, функционирующих в художественном тексте. Они имеют особую смысловую нагрузку и, помимо номинативной, дифференцирующей и идентифицирующей функции, выполняют характеризующую, стилистическую и идеологическую функции. Термином, объединяющим все имена собственные, функционирующие в художественном тексте, является термин «поэтоним» [Подольская, 1988: 44].

С. М. Мезенин, выполняя классификацию на основе произведений Шекспира, выделяет следующие группы поэтонимов [Мезенин, 1975]:

1. Реальные имена исторических лиц;
2. Обычные имена (английские, французские и др.);
3. Стилизованные имена (определяются жанрово-стилистическими особенностями произведения);
4. «Говорящие» имена (в основном прозвища).

В. С. Виноградов в работе «Введение в переводоведение» пишет, что «говорящие» онимы имеют характеристики как имени собственного, так и имени нарицательного. Их главное отличие от обычных онимов заключается в том, что они характеризуют объект мысли с сатирической либо иронической точки зрения, а не только называют его, то есть выполняют функции и называющего, и означающего знака [Виноградов, 2001: 84].

Учёный классифицирует «говорящие» имена собственные по 8 семантическим признакам:

1. Обстоятельства рождения и семейные отношения: *Подкидыш, Горе*.
2. Внешний вид: *Лысак, Беззуб*.
3. Особенности и черты характера: *Моргун, Болван*.
4. Социально-экономическое положение: *Селянин, Попович*.
5. Занятие и профессия: *Корабельщик, Бондарь*.
6. Происхождение: *Ненаш, Грек*.
7. Фауна и флора: *Волк, Дуб*.
8. Вещи и предметы: *Базар, Алмаз* [Виноградов, 2001: 86].

Для надлежащего перевода «говорящих» онимов переводчику требуется подобрать такие переводческие приемы, которые бы сохраняли и отображали семантическое наполнение имени, внутреннее содержание, описывающее особенности героя или местности.

Многие теоретики перевода относят «говорящие» имена собственные к безэквивалентной лексике, то есть такой, что не имеет ни полных, ни частичных эквивалентов в лексике другого языка. Для перевода такой лексики используются следующие приемы:

Транскрипция – прием «беспереводного заимствования», передача звукового облика (произношения) единицы. Возможно сочетание с другими приемами перевода.

Транслитерация – прием «беспереводного заимствования», передача графического облика иноязычной лексемы. Возможны отклонения от «чистого» приема транслитерации: ряд немотивированных адаптаций, необоснованная подмена графем.

Калькирование – составляющие части лексической единицы заменяются их словарными соответствиями на языке перевода, с возможностью формально-структурных преобразований. Возможно сочетание с другими приемами перевода.

Описательно-разъяснительный перевод – интерпретация сущности языковых реалий, разъяснение и / или описание реалий, помещаемое в скобках либо в форме сноски внизу страницы или ссылки в конце книги, либо сжатое описание реалии, заменяющее ее в тексте.

Аналоговая замена (уподобляющий или приближенный перевод) – поиск «аналога», наиболее соответствующего по значению языковой единице исходного языка в переводящем языке.

Синонимическая замена – использование имеющихся в ПЯ языковых единиц с тем же значением, как и в ИЯ.

Переводческие новообразования – номинации, создаваемые переводчиками в качестве аналога номинациям оригинала.

1. Создание новых слов из корней уже существующих лексем;
2. Перенос готовых наименований на новые денотаты, создание нового значения слова («семантические неологизмы»);
3. Заимствование на основе транскрипции, транслитерации или калькирования.

Творчество выдающегося американского романтика Эдгара Аллана По (1809 –1849) вызывает практически неугасающий интерес критиков и исследователей. Э. По известен как новатор в области прозы и стихосложения, родоначальник детективного жанра англоязычной литературы и едкий сатирик. В его рассказах тонкий психологизм, эстетика

ужасного и таинственного смешиваются с логическим анализом и пугающей шуткой, нередко возводимой в степень фарса.

В качестве материала для анализа были выбраны следующие сатирические произведения Эдгара По: *Diddling Considered as One of the Exact Sciences* [Пое, 1985] в переводе И. Бернштейна «Надувательство как точная наука» [По, 1970] и М. Энгельгардта «Жульничество как одна из точных наук» [По, 1970], *The Literary Life of Thingum Bob, Esq.* [Пое, 1985] «Литературная жизнь Каквас Тама, Эсквайра» [По, 1970], пер. М. Урнова, *Some Words with Mummy* [Пое, 1985] в переводе И. Бернштейна «Разговор с мумией» и *The Devil in the Belfry* [Пое, 1985] «Черт на колокольне» [По, 1970] в переводе В. Рогова. Именуя своих персонажей, называя место, где происходят события рассказа, Эдгар По опирается на внутреннюю форму тех слов, что заложены в основу этих онимов, и дает выразительные имена-характеристики (см. табл.).

Переводчик, занимающийся передачей английских антропонимов и топонимов в сатирических произведениях американского писателя Э. По на русский язык, сталкивается с двумя трудностями: разгадкой приемов, лежащих в основе номинации, и выявлении в переводимых аналогах своеобразной «сцепки» с говорящими номинациями.

Наиболее часто Эдгар По использует для номинации своих персонажей и мест такой семантический признак, как особенности и черты характера: *Mrs. Fibalittle, Allmistakeo, Vondervotteimittis, city of Smug*. Переводчики же для передачи «внутренней формы» англоязычного имени прибегают к синонимической и аналоговой замене наряду с переводческим новообразованием: *миссис Фальшивочка, Бестолковео, Школькофременн, Фат-сити*. Нельзя не упомянуть переводческие новообразования с соответствующими или просто рифмующимися между собой смешно звучащими онимами: *Bogs, Hogs, Logs, Frogs* – *Кошкью, Вошкью, Печкью, Лавочкью или Босу, Косу, Носу, Штосу*.

Таблица. Классификация «говорящих» имен собственных по семантическим признакам и приемам перевода

Позоним	Буквальный перевод	Семантический признак	Перевод	Семантический признак	Прием перевода
1	2	3	4	5	6
<i>Diddling Considered as One of the Exact Sciences</i>					
«Надувательство как точная наука», пер. И. Бернштейна [По, 1970]					
<i>Mrs. Trotter</i>	англ. <i>trotter</i> 'посыльный'	занятие и профессия	Миссис Гротгер	занятие и профессия	транслитерация
<i>Bogs</i>	англ. <i>bog</i> 'болото'	фауна и флора	<i>Койкью</i>	фауна и флора	переводческое новообразование
<i>Hogs</i>	англ. <i>hog</i> 'свинья'	фауна и флора	<i>Воикью</i>	фауна и флора	переводческое новообразование
<i>Logs</i>	англ. <i>log</i> 'бревно'	вещи и предметы	<i>Печкью</i>	вещи и предметы	переводческое новообразование
<i>Frogs</i>	англ. <i>frog</i> 'лягушка'	фауна и флора	<i>Лавачкью</i>	вещи и предметы	переводческое новообразование
<i>Dog-Street</i>	англ. <i>dog street</i> 'собачья улица'	фауна и флора	<i>Сучкью-стрип</i>	фауна и флора	переводческое новообразование + транскрипция
«Жульничество как одна из точных наук», пер. М. Энгельгардта [По, 1998]					
<i>Mrs. Trotter</i>	англ. <i>trotter</i> 'посыльный'	занятие и профессия	Миссис Гротгер	занятие и профессия	транслитерация
<i>Bogs</i>	англ. <i>bog</i> 'болото'	фауна и флора	<i>Босу</i>	внешний вид	переводческое новообразование
<i>Hogs</i>	англ. <i>hog</i> 'свинья'	фауна и флора	<i>Косу</i>	внешний вид	переводческое новообразование
<i>Logs</i>	англ. <i>log</i> 'бревно'	вещи и предметы	<i>Носу</i>	внешний вид	переводческое новообразование
<i>Frogs</i>	англ. <i>frog</i> 'лягушка'	фауна и флора	<i>Штосу</i>	занятие и профессия	переводческое новообразование
<i>Dog-Street</i>	англ. <i>dog street</i> 'собачья улица'	фауна и флора	<i>Дог-стрип</i>	фауна и флора	транскрипция

Продолжение табл.

1	2	3	4	5	6
<i>The Literary Life of Thingum Bob, Esq.</i>					
«Литературная жизнь Каквас Там. эсквайра», пер. М. Юрновой [По, 1970]					
<i>Mr. Thingum Bob</i>	англ. <i>thingum</i> 'слово вместо имени, которое не можешь вспомнить', приближительно равное выражению <i>Как бить его?</i>	особенности и черты характера	<i>Каквас Там</i>	особенности и черты характера	аналоговая замена + переводческое новообразование
<i>city of Smug</i>	англ. <i>city of Smug</i> 'город самодовольства'	особенности и черты характера	<i>Фат-сити</i>	особенности и черты характера	аналоговая замена + транскрипция
<i>Only Genuine Oil-of-Bob</i>	англ. <i>Only Genuine Oil</i> 'единственно подлинное масло'	вещи и предметы	<i>Настоящий Брильянтин Там</i>	вещи и предметы	синонимическая замена
<i>Oppodeldoc</i>	англ. <i>opodeldoc</i> 'мазь для втирания при ревматических болях'	вещи и предметы	<i>Опodelьдок</i>	вещи и предметы	аналоговая замена
<i>Gad-Fly</i>	англ. <i>gad-fly</i> 'слепень'	флора и фауна	<i>Слепень</i>	флора и фауна	аналоговая замена
<i>Hum-Drum</i>	англ. <i>humdrum</i> 'монотонный, скучный'	особенности и черты характера	<i>Трамтарарам</i>	особенности и черты характера	синонимическая замена
<i>Rowdy Dow</i>	англ. <i>rowdy dow</i> 'хулиган'	особенности и черты характера	<i>Горлодер</i>	особенности и черты характера	аналоговая замена
<i>Lollipop</i>	англ. <i>lollipop</i> 'леденец'	особенности и черты характера	<i>Сластена</i>	особенности и черты характера	синонимическая замена
<i>Goosetherumfuddle</i>	англ. <i>goose</i> 'простофиля', <i>rum</i> 'странный', искаж. <i>foote</i> 'абсурд'	особенности и черты характера	<i>Абракадабра</i>	особенности и черты характера	аналоговая замена
<i>Snob</i>	англ. <i>snob</i> 'сноб'	особенности и черты характера	<i>Сноб</i>	особенности и черты характера	аналоговая замена
<i>Shyass</i>	англ. <i>shy</i> 'хитрец', <i>ass</i> – 'осел'	особенности и черты характера	<i>Плутосел</i>	особенности и черты характера	калькирование
<i>Mumblethumb</i>	англ. <i>mumble</i> 'бормотать', <i>thumb</i> 'неуклюже делать'	особенности и черты характера	<i>Пустомеля</i>	особенности и черты характера	синонимическая замена
<i>mademoiselle Cribalittle</i>	англ. <i>crib</i> 'списывать тайком', <i>a little</i> 'по мелочам'	особенности и черты характера	<i>мадемуазель Плагиатон</i>	особенности и черты характера	синонимическая замена

Продолжение табл.

1	2	3	4	5	6
<i>Mrs. Fibalittle</i>	англ. <i>fib</i> 'неправда, выдумка, ложь', <i>a little</i> 'по мелочам'	особенности и черты характера	миссис <i>Фальшивочка</i>	особенности и черты характера	синонимическая замена
<i>Mrs. Squibalittle</i>	англ. <i>squib</i> 'клеветническое сочинение с оскорбительными нападками', <i>a little</i> 'по мелочам'	особенности и черты характера	миссис <i>Пасквильянтка</i>	особенности и черты характера	синонимическая замена
<i>Some Words with Mummu</i>					
«Разговор с мумией», пер. И. Бернштейна [По, 1970]					
<i>Pomponner</i>	искаж. англ. <i>pron honoour</i> 'клянусь честью'	особенности и черты характера	<i>Ейбогус</i>	особенности и черты характера	переводческое новообразование
<i>Allamistakeo</i>	англ. <i>all</i> 'всецело, совершенно', <i>mistake</i> 'ошибка, заблуждение'	особенности и черты характера	<i>Бестолковоо</i>	особенности и черты характера	переводческое новообразование
<i>Arthur Sabretash</i>	англ. <i>sabretache</i> 'ташка, гусарская сумка'	вещи и предметы	<i>Артур Менник</i> «менник» – верхняя куртка, часть обмундирования гусар	вещи и предметы	переводческое новообразование
<i>Mr. Glidder</i>	англ. <i>glidder</i> 'скользящий'	особенности и черты характера	<i>Мистер Глиддон</i>	особенности и черты характера	транслитерация
<i>Mr. Silk Buckingham</i>	англ. <i>silk</i> 'шелк'	вещи и предметы	<i>Мистер Силк Букингем</i>	вещи и предметы	транскрипция
<i>The Devil in the Belfry</i>					
«Черт на колокольне», пер. В. Рогова [По, 1970]					
<i>Vondervotteimitris</i>	<i>Vonder</i> искаженное английское <i>wonder</i> 'хотелось бы знать', <i>Votteimitris</i> 'онемеченное', <i>what time it is?</i> 'какой час?'	особенности и черты характера	<i>Школькофремен</i> – искаженное «Сколко времени»	особенности и черты характера	переводческое новообразование

Окончание табл.

1	2	3	4	5	6
<i>Grogswig</i>	<i>wig</i> – окончание немецкого имени (ср. <i>Ludwig</i>), англ. <i>grog</i> ‘напиток из рома или коньяка и горячей воды с сахаром’	вещи и предметы	<i>Шпанс-принкен</i> – производное от немецких слов <i>Schnaps</i> ‘шнапс’ и <i>trinken</i> ‘пить’	вещи и предметы	переводческое новообразование
<i>Kroutripenty</i>	<i>Krouit</i> – искаженная форма английского существительного <i>kraut</i> – пейоративное прозвище выходца из Германии. Англ. <i>plenty</i> – нечто, представленное в большом количестве	происхождение	<i>Лугофумм</i>	особенности и черты характера	аналоговая замена + переводческое новообразование
<i>Stuffumpuff</i>	англ. <i>stuff</i> ‘хлам, чулуха’ и <i>puff</i> ‘дутая реклама, незаслуженная похвала’, соединенных немецким <i>und</i> (союз «и»)	вещи и предметы	<i>Сорундэзор</i> Сор-и-взор	особенности и черты характера	переводческое новообразование
<i>Grunital-guzzel</i>	англ. <i>grunt</i> ‘хрюканье, хрюкать’, <i>al</i> – буквосочетание, выступающее соединительным элементом, <i>guzzle</i> ‘жадно глотать’	особенности и черты характера	<i>Тшафкенхрюккен</i> (от англ. <i>stuff</i> ‘материал’, ‘наполнитель некой емкости’). Хрюккен – хрюкать	особенности и черты характера	переводческое новообразование
<i>Dunderguts</i>	<i>Dunder</i> (ср. с англ. <i>thunder</i> ‘гром’) и <i>guts</i> ‘кишки’	особенности и черты характера	<i>Брюхенеромм</i> брюхо + гром	особенности и черты характера	аналоговая замена, переводческое новообразование
<i>Blunderbizzard</i>	англ. <i>bizzard</i> ‘стервятник’, <i>blunder</i> производное от <i>blind</i> ‘бесстрастный’	особенности и черты характера	<i>Вандерстервен</i> , <i>blunder</i> – производное от <i>blind</i> ‘бесстрастный’, остается не переведенным	особенности и черты характера	аналоговая замена, переводческое новообразование

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бабушкин А. П. Имена собственные: первичное и вторичное словотворчество // Вестник Волгоградского государственного университета. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2019. № 4. С. 61-65.
2. Безрукова Л. Г. «Говорящие имена» собственные в немецком художественном тексте и их передача на русский язык // Вестник Московского лингвистического университета. 2009. № 561. С. 20-30.
3. Белецкий А. А. Лексикология и теория языкознания: (ономастика). Киев: Изд-во Киев. ун-та, 1972. 209 с.
4. Бондалетов В. Д. Русская ономастика. 2-е изд., доп. Москва: Книжный дом ЛИБРОКОМ, 2012. 312 с.
5. Виноградов В. С. Введение в переводоведение. Общие и лексические вопросы. Москва: Издательство института общего среднего образования РАО, 2001. 224 с.
6. Илюшкина М. Ю. Теория перевода: основные понятия и проблемы. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2015. 80 с.
7. Калинин В. М. «Тайный смысл их царственных имен» // Восточнославянский лингвистический сборник. Донецк: Донеччина, 2002. Вып. 8. С. 3-19.
8. Калинин В. М. Поэтика онима. Донецк, 1999. 408 с.
9. Калинин В. М. Теоретичні основи поетичної ономастики: дисс. ... д-ра філол. наук: 10.02.02; 10.02.15. Донецьк, 2000. 465 с.
10. Карпенко О. Ю. Проблематика когнітивної ономастики. Одеса: Астропринт, 2006. 326 с.
11. Карпенко Ю. А. Специфика имени собственного в художественной литературе // *Onomastica* (Warszawa). 1986. Т. 31. С. 6-22.
12. Мезенин С. М. Стилистическая функция личных имен в драматических произведениях Шекспира // Вопросы теории английского языка. Москва, 1975. С. 39-52.
13. Суперанская А. В. Общая теория имени собственного. Москва: Наука, 1973. 366 с.
14. Усова Н. В. Имя собственное в синхронии и диахронии языка и культуры. Донецк: ДонНУ, 2018. 385 с. (Типологические, сопоставительные, диахронические исследования; Т. 16).

СПИСОК ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ

1. Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. Москва: Советская энциклопедия, 1990. 685 с.
2. Подольская Н. В. Словарь русской ономастической терминологии. Москва: Наука, 1988. 192 с.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРИАЛА

1. По Э. Жутьничество как одна из точных наук // Рассказы / пер. М. Энгельгардта. Москва: Мир книги, 1998. С. 273-281.
2. По Э. Литературная жизнь Какваса Тама, Экскайера // Полное собрание рассказов / пер. М. Урнова. Москва: Наука, 1970. С. 567-582.
3. По Э. Надувательство как точная наука // Полное собрание рассказов / пер. И. Бернштейн. Москва: Наука, 1970. С. 459-467.
4. По Э. Разговор с мумией // Полное собрание рассказов / пер. И. Бернштейн. Москва: Наука, 1970. С. 600-612.
5. По Э. Черт на колокольне // Полное собрание рассказов / пер. В. Рогова. Москва: Наука, 1970. С. 172-177.
6. Poe Edgar Allan. Diddling Considered as One of the Exact Sciences // *Selected Works*. N. Y.: Gramercy, 1985. P. 338-394.

7. Poe Edgar Allan. Some Words with a Mummy // Selected Works. N. Y.: Gramercy, 1985. P. 503-515.
8. Poe Edgar Allan. The Devil in the Belfry // Selected Works. N.Y.: Gramercy, 1985. P. 186-191.
9. Poe Edgar Allan. The Literary Life of Thingum Bob, Esq // Selected Works. N.Y.: Gramercy, 1985. P. 465-477.

REFERENCES

1. Babushkin, A. P. (2019). Imena sobstvennye: pervichnoe i vtorichnoe slovtvorchestvo [Proper names: primary and secondary word-creation]. In *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Lingvistika i mezhkulturnaya kommunikatsiya*. No. 4. Pp. 61-65. (In Russ.).
2. Beletskiy, A. A. (1972). *Leksikologiya i teoriya yazykoznanija: (onomastika)* [Lexicology and theory of linguistics: (onomastics)]. Kiev: Izd-vo Kiev. un-ta. (In Russ.).
3. Bezrukova, L. G. (2009). «Govoryashchie imena» sobstvennye v nemetskom khudozhestvennom tekste i ikh peredacha na russkiy yazyk [Proper «speaking names» in German literary text and their translation into Russian]. In *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta*. No. 561. Pp. 20-30 (In Russ.).
4. Bondaletov, V. D. (2012). *Russkaya onomastika* [Russian onomastics]. 2-e izd., dop. Moskva: Knizhnyy dom LIBROKOM. (In Russ.).
5. Vinogradov, V. S. (2001). *Vvedenie v perevodovedenie. Obshchie i leksicheskie voprosy* [Introduction to Translation Studies. General and lexical questions]. Moskva: Izdatelstvo instituta obshhego srednego obrazovaniya RAO. (In Russ.).
6. Ilyushkina, M. Yu. (2015). *Teoriya perevoda: osnovnye ponyatiya i problemy* [Translation theory: basic concepts and problems]. Ekaterinburg: Izdatelstvo Uralskogo universiteta. (In Russ.).
7. Kalinkin, V. M. (1999). *Poetika onima* [Onym poetics]. Donetsk. (In Russ.).
8. Kalinkin, V. M. (2002). «Taynyy smysl ikh tsarstvennykh imen» [«The secret meaning of their royal names»]. In *Vostochnoslavjanskiy lingvisticheskiy sbornik*. Donetsk: Donechchina. Vyp. 8. Pp. 3-19. (In Russ.).
9. Kalinkin, V. M. (2000). *Teoretychni osnovy poetichnoyi onomastyky* [Theoretical foundations of poetical onomastics]: diss. ... d-ra filol. nauk: 10.02.02; 10.02.15. Donetsk. (In Ukr.).
10. Karpenko, O. Yu. (2006). *Problematyka kognityvnoyi onomastyky* [Problems of cognitive onomastics]. Odesa: Astroprint. (In Ukr.).
11. Karpenko, Yu. A. (1986). Spetsifika imeni sobstvennogo v khudozhestvennoy literature [Specificity of a proper name in fiction]. In *Onomastica (Warszawa)*. T. 31. Pp. 6-22. (In Russ.).
12. Mezenin, S. M. (1975). Stilisticheskaya funktsiya lichnykh imen v dramaticheskikh proizvedeniyakh Shekspira [Stylistic function of personal names in the dramatic works of Shakespeare]. In *Voprosy teorii angliyskogo yazyka*. Moskva. Pp. 39-52. (In Russ.).
13. Superanskaya, A. V. (1973). *Obshchaya teoriya imeni sobstvennogo* [General Theory of a Proper Name]. Moskva: Nauka. (In Russ.).
14. Usova, N. V. (2018). *Imya sobstvennoe v sinkhronii i diakhronii yazyka i kultury* [Proper name in synchronicity and diachrony of language and culture]. Donetsk: DonNU. (Tipologicheskie, sopostavitelnye, diakhronicheskie issledovaniya; T. 16). (In Russ.).

LEXICOGRAPHICAL SOURCES

1. *Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar* [Linguistic Encyclopedic Dictionary]. In V. N. Yartseva (ed.). Moskva: Sovetskaya entsiklopediya, 1990. (In Russ.).

2. Podolskaya, N. V. (1988). *Slovar russkoy onomasticheskoy terminologii* [Dictionary of Russian onomastic terminology]. 2-e izd., pererab. i dop. Moskva: Nauka. (In Russ.).

SOURCES OF ILLUSTRATIVE MATERIAL

1. Poe, E. A. (1998). Zhulnichestvo kak odna iz tochnykh nauk [Scam as one of the exact sciences]. In *Rasskazy*. Moskva: Mir knigi. Pp. 273-281. (In Russ.).

2. Poe, E. A. (1970). Literaturnaya zhizn Kakvasa Tama, Ekskvayera [The literary life of Kakwas Tama, Exquier]. In *Polnoe sobranie rasskazov*. Moskva: Nauka. Pp. 567-582. (In Russ.).

3. Poe, E. A. (1970). Naduvatelstvo kak tochnaya nauka [Swindle as an exact science]. In *Polnoe sobranie rasskazov*. Moskva: Nauka. Pp. 459-467. (In Russ.).

4. Poe, E. A. (1970). Razgovor s mumiey [Conversation with the mummy]. In *Polnoe sobranie rasskazov*. Moskva: Nauka. Pp. 600-612. (In Russ.).

5. Poe, E. A. (1970). Chert na kolokolne [Devil in the bell tower]. In *Polnoe sobranie rasskazov*. Moskva: Nauka. Pp. 172-177. (In Russ.).

6. Poe, Edgar Allan (1985). Diddling Considered as One of the Exact Sciences. In *Selected Works*. N.Y.: Gramercy. Pp. 338-394.

7. Poe, Edgar Allan (1985). Some Words with a Mummy. In *Selected Works*. N.Y.: Gramercy. Pp. 503-515.

8. Poe, Edgar Allan (1985). The Devil in the Belfry. In *Selected Works*. N.Y.: Gramercy. 1985. Pp. 186-191.

9. Poe, Edgar Allan (1985). The Literary Life of Thingum Bob, Esq. In *Selected Works*. N.Y.: Gramercy. Pp. 465-477.

Воеводина Ангелина Васильевна – кандидат филологических наук, заведующий кафедрой лингвистики (e-mail: avvoyevodina@mail.ru), Государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Донбасская юридическая академия» 283049, Донецк, ул. Лебединского, 9

Voyevodina Angelina V. – Candidate of Philology, Head of Linguistics Department (e-mail: avvoyevodina@mail.ru), State Educational Establishment of Higher Professional Education «Donbass Law Academy» 9, Lebedinsskogo str., Donetsk 283049

Поступила в редакцию 13 апреля 2021 г.

УДК 81'373.7:17:811

© 2021 Д. А. Гармаш

МОРАЛЬНО-НРАВСТВЕННЫЕ ЦЕННОСТИ ВО ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ КАРТИНАХ МИРА РАЗНОСТРУКТУРНЫХ ЯЗЫКОВ

Статья посвящена сопоставительному исследованию вербализации морально-нравственных ценностей в английском и испанском языках. Определяется понятие «ценность», изучаются классификации ценностей в междисциплинарном аспекте, устанавливается перечень анализируемых морально-нравственных ценностей, исследуется семантический объем ценностного понятия «любовь» и его фразеологическая репрезентация в английском и испанском языках.

Ключевые слова: *ценность, оценка, мораль, фразеологизм, картина мира.*

© 2021 D. A. Garmash

MORAL VALUES IN PHRASEOLOGICAL WORLDVIEWS OF MULTI-STRUCTURAL LANGUAGES

The present research deals with a comparative study of moral values verbalization in English and Spanish. The paper studies the concept of «value», classifications of values in an interdisciplinary aspect, specifies a range of analyzed moral values, examines the semantic value of the «love» concept and its phraseological representation in the English and Spanish languages.

Key words: *value, evaluation, morality, phraseological unit, worldview.*

1. Вводные замечания

Статья посвящена сопоставительному изучению особенностей фразеологической вербализации морально-нравственных ценностей в англоязычной и испаноязычной картинах мира. Средствами языковой объективации могут послужить такие фразеологические единицы, как: англ. *steal somebody's heart* 'похитить чье-либо сердце', *find favour in somebody's eyes* 'снискать расположение, заслужить любовь кого-либо'; исп. *hacer perder la chaveta a uno* 'свести кого-либо с ума, вскружить голову', *querer a uno más que a sus entrañas* 'любить кого-либо всей душой, души не чаять в ком-либо'.

В последнее время ценностная картина мира все чаще привлекает внимание ученых, при этом рассматриваются как общечеловеческие ценности (В. И. Ефимов, В. М. Таланов, В. П. Синячкин, В. В. Ильин), так и этнокультурные (Н. Д. Арутюнова, В. И. Карасик, С. Г. Тер-Минасова и др.). Все чаще отмечается связь ценностей с социальными нормами, правилами и стереотипами поведения (Н. Ф. Алефиренко, В. И. Карасик, И. А. Стернин, А. Wierzbicka).

В современных лингвистических исследованиях наблюдается значительный интерес к изучению объективации ценностей как на материале отдельных языков, в частности

английского (Б. А. Душкова, В. В. Кочеткова, В. Г. Крысько, А. В. Павловской, Р. Лакоффа, G. Hofstede, Н. Triandis, F. Jandt, J. Paxman, К. Fox и др.), испанского (Н. Г. Мед, J. Gonzáles, M. Blanco & Н. А. Basilio, Dios Luque, Pamies Bertran, Manjon, Ruiz Gurillo), так и в сопоставительном плане на материале русского и английского (А. В. Аммер, Т. А. Светоносова), английского и испанского (Т. Р. Копылова), русского и французского (Н. Ю. Нелюбова), английского, русского и татарского (Г. К. Гизатова), русского, украинского, английского и немецкого (Ж. В. Краснобаева-Черная) языков.

Анализ литературы по проблеме исследования показал, что особое место в изучении языка в русле антропоцентрической парадигмы принадлежит фразеологии, в которой отражены национально-специфические представления о мире, веками накопленный опыт, мировоззрение определенного лингвосоциума («Отражение культурных кодов во фразеологической картине мира» [Бессонова, 2017], «Teaching idioms: challenges and approaches» [Byessonova, 2017], «Оценочная семантика фразеологических единиц, выражающих отрицательные эмоции в английском языке» [Трофимова, 2019], Национально-культурная семантика топонимической фразеологии в английском и украинском языках [Хохлова, 2014]).

Актуальность данного исследования обуславливается сопоставительным подходом к изучению фразеологических единиц, вербализующих морально-нравственные ценности в английском и испанском языках. Сопоставительный анализ особенностей фразеологизмов в предложенных языках позволяет проследить универсальные и национально-культурные особенности ценностных картин мира разных лингвосообществ.

Объектом исследования являются фразеологические единицы, вербализующие морально-нравственные ценности (*love / amor* 'любовь', *good / bien* 'добро', *conscience / conciencia* 'совесть', *duty / obligación* 'долг', *honour / honor* 'честь', *honesty / honestidad* 'честность', *faith / confianza* 'доверие', *justice / justicia* 'справедливость', *friendship / amistad* 'дружба'), зафиксированные во фразеологическом фонде английского и испанского языков. Предметом исследования выступают особенности фразеологической репрезентации морально-нравственных ценностей в картинах мира исследуемых языков на примере такого ценностного понятия, как «любовь». Целью исследования является уточнение определения понятия «ценность», изучение классификаций ценностей в междисциплинарном аспекте, установление перечня морально-нравственных ценностей, исследование семантического объема ценностного понятия «любовь», особенностей его фразеологической репрезентации в английском и испанском языках.

2. Определение понятия «ценность». Соотношение понятий «ценность» и «оценка»

Понятие *ценность* относится к числу таких общенаучных понятий, методологическое значение которых особенно актуально в современном стремительно меняющемся мире. Будучи одним из ключевых понятий современной общественной мысли, оно используется в философии, социологии, психологии и педагогике для обозначения объектов и явлений, их свойств, а также абстрактных идей, воплощающих в себе нравственные идеалы и выступающих в качестве эталонов должного.

Целесообразным представляется рассмотрение толкований ценностей представителями разных наук. Например, В. А. Василенко утверждает, что категория ценности раскрывает один из существенных моментов универсальной взаимозависимости явлений, а именно момент значимости одного явления для бытия другого [Василенко, 1966: 42]. В трактовке А. А. Ивина ценности исследуются через соотношение сущего и должного: «Ценность – отношение между представлением субъекта о том, каким должен быть оцениваемый объект, и самим объектом. Если объект соответствует предъявляемым к нему требованиям (является таким, каким он должен быть), он считается хорошим, или позитивно ценным; объект, не удовлетворяющий требованиям, относится к плохим, или негативно ценным; объект, не представляющийся ни хорошим, ни плохим, считается безразличным, или ценностно нейтральным» [Ивин, 2006: 7]. К. Клакхон понимает ценности как осознанное или неосознанное, характерное для индивида или для группы индивидов представление о желаемом, которое определяет выбор целей (индивидуальных или групповых) с учетом возможных средств и способов действия» [Kluckhohn, 1951: 395]. Ценности, таким образом, выступают звеном, связывающим человека и общество.

Анализ определения «ценность» в междисциплинарном аспекте позволяет выделить специфические черты этого понятия, которые не только не противоречат друг другу, но и органично взаимодополняют друг друга. Таким образом, для дальнейшего исследования можно предложить следующее определение: *ценность* – компонент культуры человека, представленный нормами и принципами, определяющими отношение человека к окружающему миру, служащие ему ценностными ориентирами; *value* – the principles or moral standards of a person or social group; the generally accepted or personally held judgement of what is valuable and important in life [NSOED]; *valor* – cualidad que poseen algunas realidades, consideradas bienes, por lo cual son estimables [RAE].

Ценность и оценка являются центральными, но различными понятиями в картине мира. Ценность объективируется в оценке, а оценочные значения языковых структур

сводятся к двум противоположным признакам: «хорошо»-«плохо» [Вольф, 1986: 98]. Ценность и оценка – это два полюса в системе объектно-субъектных отношений: ценность характеризует объект в его отношениях к объекту, а оценка – отношение субъекта к объекту. В самом общем определении под ценностью принято понимать все, что является объектом желания, нужды, любопытства и тому подобное. Другими словами, ценность воспринимается как нечто положительное и в то же время нормативное и эталонное, а оценка выступает результатом сравнения с эталоном.

3. Классификация ценностей в междисциплинарном аспекте

Следует отметить, что ценности неравномерно распределяются по шкале значений, поэтому ученые предлагают различные классификации и модели иерархии ценностей.

В классической философии одними из первых пытались построить иерархию ценностей Платон, И. Кант, а вслед за ними – У. Штерн, Н. Гартман, М. Шелер и др.

В иерархии ценностей немецкого философа и социолога М. Шелера на первом уровне расположены гедонистические ценности, на втором – этикетные, на третьем – эстетические, на четвертом – нравственные, а на пятом, высшем уровне, размещаются ценности абсолютного блага, превышающие любые другие ценности, так как они вечны, неделимы, независимы от других. «Ценности тем выше, чем они долговечнее и чем выше удовлетворение, которое мы от них получаем. В этом смысле наименее долговечными являются ценности, связанные с удовлетворением чувственных желаний и с материальными благами. Более высокие ценности – это ценности «прекрасного» и «познавательные» ценности. Высшей ценностью является идея «святого», идея Бога, а любовь к Богу рассматривается как высшая форма любви» [Лавриненко, 2004: 343].

В. П. Тугаринов выделяет три основные сферы человеческой деятельности, классифицирует ценности согласно этим областям: материальные, социально-политические, духовно-культурные. Последние распределяются по формам общественного сознания: ценности знания, эстетические, моральные и др. [Тугаринов, 1988: 29].

Системный подход к классификации ценностей предпринял Б. С. Ерасов, выделяя следующие типы ценностей:

- витальные: жизнь, здоровье, безопасность, благосостояние, сила, выносливость, качество жизни, комфорт, уровень потребления и т. д.;
- социальные: социальное положение, статус, трудолюбие, богатство, труд, профессия, семья, патриотизм;
- политические: свобода слова, гражданские свободы, государственность;

– моральные: добро, благо, любовь, дружба, долг, честь, честность, бескорыстие, порядочность, верность, взаимопомощь, справедливость, уважение к старшим и любовь к детям;

– религиозные: Бог, божественный закон, вера, спасение, ритуал, Священное Писание и Предание, церковь;

– эстетические: красота, идеал, стиль, гармония [Ерасов, 2000: 115-116].

Согласно Е. Ф. Серебренниковой, традиционно выделяют пять областей бытования и выведения ценностей:

– область Истины, где ценность выводится в терминах (операторах) «истинно / ложно»;

– область Прекрасного – эстетическая область, где ценность определяется в терминах «прекрасное / уродливое»;

– область Этики, где ценность определяется в терминах «хорошо / плохо», «добро / зло»;

– область Удовольствия – область гедонистическая, в которой ценность определяется в терминах «приятное / отвратительное»;

– область Практической пользы – область прагматическая, где ценность определяется в терминах «полезно / бесполезно / вредно» [Серебренникова, 2011: 29].

В. И. Карасик выделяет витальные (жить хорошо, болеть плохо, отдыхать хорошо и т. д.), утилитарные (гулять на свежем воздухе полезно, дразнить собак опасно, слушать комплименты приятно и др.), моральные (следует помогать слабым, следует уважать старших, нельзя жадничать и т. д.), духовные, или основополагающие (нельзя предавать своих, жизнь имеет смысл, Создатель благ и др.) ценности по качеству [Карасик, 2015: 26].

Изучение различных подходов к классификации ценностей показало, что во всех классификациях присутствует группа моральных или этических ценностей.

4. Характеристика материала исследования и методика его анализа

Материал исследования составляют 203 ФЕ (103 ФЕ – в английском языке и 100 – в испанском языке), полученные методом сплошной выборки из современных фразеологических и толковых словарей английского и испанского языков. При анализе материала исследования применялся метод компонентного анализа, с помощью которого устанавливался семантический объем исследуемых единиц. Для семного описания значения использовалась методика анализа словарных дефиниций [Стернин, 2013: 9], в результате чего были выявлены ядерные и периферийные признаки актуализируемого

понятия. Также для определения семантического объема понятия анализировался синонимический ряд данного понятия, исследовалась семантика фразеологических единиц-репрезентантов понятия.

5. Результаты исследования

5.1. Морально-нравственные ценности как объект лингвистического исследования и их фразеологическая вербализация в разноструктурных языках

Этическая аксиология выделяет мораль именно в качестве приоритетно-значимого структурного элемента человеческой духовности. С. Ф. Анисимов считает, что мораль является первоценностью, первоосновой личностной и общественной духовности. «Мораль абсолютно необходимое условие духовности, более того, она единственное абсолютное условие духовности. На ее роль не может претендовать никакой другой структурный элемент духовности – ни научное познание, ни эстетическое, политическое, правовое сознание и т. п.» [Анисимов, 2001: 113-114]. По мнению М. С. Кагана, общечеловеческие нравственные ценности «вера, надежда, любовь», «дружба», «честность», «взаимопомощь», «бескорыстие» – существенно меняют свое конкретное содержание у каждого народа, у разных его социальных слоев, поколений, наконец, у каждой уникальной личности, поэтому представляют особый интерес для изучения в русле лингвокультурологии [Каган, 1997: 172]. Таким образом, в фокусе дальнейшего исследования актуальным и значимым представляется изучение этических или *морально-нравственных ценностей*.

5.2. Выделение морально-нравственных ценностей представляет проблему, так как в разных классификациях предложены разные списки ценностей. Изначально для данного исследования был составлен перечень всех морально-нравственных ценностей, затем был проведен анализ словарных дефиниций понятий, включенных в список. Проверка показала, что согласно выделенным когнитивным признакам к морально-нравственным ценностям можно отнести следующие понятия:

– *love / amor* ‘любовь’ (англ. *be over head and ears in love* ‘быть влюбленным по уши’, *unrequited love* ‘любовь без взаимности’; исп. *entrar en amores con* ‘влюбиться в кого-либо’, *quererle a uno más que a las telas de su corazón* ‘любить всем сердцем, души не чаять’);

– *good / bien* ‘добро’ (англ. *do good* ‘делать добро’, *it’s an ill wind that blows nobody* ‘нет худа без добра’; исп. *devolver bien por mal* ‘платить добром за зло’, *hacer un bien* ‘сделать доброе дело, оказать благодеяние’);

– *conscience / conciencia* ‘совесть’ (англ. *a guilty conscience* ‘нечистая совесть’, *make smth. a matter of conscience* ‘поступать по совести’; исп. *acusarle a uno la conciencia* ‘испытывать угрызения совести’, *manchar uno la conciencia* ‘запятнать свою совесть’);

– **duty / obligación** ‘долг’ (англ. *in bounden duty* ‘из чувства долга’, *one’s bounden duty* ‘священный долг’; исп. *correr obligación a uno* ‘быть на чьей-л. ответственности’, *echarse obligaciones encima* ‘взвалить на себя дела, обязанности’);

– **honour / honor** ‘честь’ (англ. *be bound in honour to do smth* ‘считать своим моральным долгом сделать что-либо’, *honour and profit lie not in one sack* ‘трудом праведным не наживешь палат каменных’; исп. *hacer honor a uno* ‘отдавать должное кому-либо’, *volver uno por su honor* ‘защищать, отстаивать свою честь’);

– **honesty / honestidad** ‘честность’ (англ. *fair play* ‘честная игра, порядочность, честность’, *fair and square* ‘честный, справедливый, прямой’; исп. *buena fe* ‘1. честность, порядочность; 2. искренность, чистосердечие’, *limpieza de manos* ‘честность, порядочность, бескорыстие’);

– **faith / confianza** ‘доверие’ (англ. *place one’s faith in* ‘верить, доверять’, *on the faith of* ‘полагаясь на ...’; исп. *de (toda) confianza* ‘надежный; на него можно положиться’, *poner su confianza en* ‘поверить кому-л., чему-л.’);

– **justice / justicia** ‘справедливость’ (англ. *poetic justice* ‘идеальная справедливость’, *Jeddard justice* ‘суд после расправы’; исп. *de justicia* ‘справедливо, должным образом’, *hacer justicia a uno* ‘воздать должное, воздать по заслугам кому-л.’);

– **friendship / amistad** ‘дружба’ (англ. *a bosom friend* ‘закадычный друг’, *friends are thieves of time* ‘вор крадет деньги, а друг – время’; исп. *amigo del asa* ‘близкий друг’, *amigo de pelillo* ‘корыстный друг’).

5.3. Любовь как ценностное понятие и её вербализация в английской и испанской фразеологических картинах мира

5.3.1. Любовь – это смысложизненная ценность, сочетающая в себе различные культурные смыслы (социальный, этический, эстетический, биологический). В этическом смысле любовь является вершиной нравственного отношения к человеку, основой человеческого бытия, высоким гуманистическим принципом. Любовь также понимается как активная и действенная сила в борьбе со злом, как добродетельная жизнь, как исполнение нравственно-этических норм [Базарова, 2008: 7].

По данным NSEOD, лексема *love* ‘любовь’ имеет древнегерманское происхождение (*lufu* = Old Frisian *luve*, Old High German *luba*, Gothic (*brōþru*) *lubō* (brotherly) *love*, from Germanic, from weak grade of base repr. also by Old Saxon *lubig* loving, Old High German *gilob* precious, Old English, Old Saxon, Old Norse *lof*, Old High German *lob* praise) с индоевропейской основой (from Indo-European base also of Latin *lubet* it is pleasing, *lubido* desire, Old Church Slavonic *ljubŭ* dear, *ljubiti* love, Sanskrit *lubhyati* desires. Rel. also to *lief*, leave noun).

Для уточнения семантического объема понятия *love* были проанализированы дефиниции понятия в 4 толковых словарях английского языка (The New Shorter Oxford English Dictionary on Historical Principles [NSOED], Oxford Advanced Learner's Dictionary [OALD], Longman Dictionary of Contemporary English [LDCE], Collins COBUILD Dictionary [CollinsC]) и 4 толковых словарях испанского языка (Diccionario de la lengua española de la Real Academia Española [RAE], Diccionario Salamanca de la Lengua Española [DSLE], WordReference [WordReference], Diccionarios [Diccionarios]).

Анализ словарных дефиниций лексемы *love*, а также изучение семантических особенностей позволил выделить ядерные и периферийные признаки актуализируемого понятия в английской лингвокультуре. К ядерным относятся те признаки, которые зафиксированы во всех исследуемых лексикографических источниках, к периферийным – те, которые обнаружены в отдельных словарях (см. табл. 1):

Таблица 1. *Ядерные признаки понятия love*

Признак	NSEOD	LDCE	Collins COBUILD	OALD
1. <i>Сердечная любовь</i> – отношения, подразумевающие кровное или духовное родство.	That state of feeling with regard to a person, which manifests itself in concern for the person's welfare, pleasure in his or her presence, and often also desire for his or her approval; deep affection, strong emotional attachment.	a strong feeling of caring about someone, especially a member of your family or a close friend.	the feeling that a person's happiness is very important to you, and the way you show this feeling in your behaviour towards them.	a very strong feeling of liking and caring for somebody / something, especially a member of your family or a friend.
2. <i>Романтическая любовь</i> – романтические чувства к лицу противоположного пола, основывающиеся как на ментальном, так и на физическом притяжении.	that feeling of attachment which is based on sexual qualities; sexual passion combined with liking and concern for the other.	a strong feeling of liking someone a lot combined with sexual attraction.	a very strong feeling of affection towards someone who you are romantically or sexually attracted to.	a strong feeling of romantic attraction for somebody.
3. <i>Любовь-склонность</i> – чувство удовольствия от определенного объекта действительности.	strong predilection, liking, or fondness for, or devotion to something.	a strong feeling of pleasure and enjoyment that something gives you.	is a strong liking for something, or a belief that it is important.	the strong feeling of pleasure that something gives you.
4. <i>Объект любви</i> – наименование лица, к которому адресовано чувство любви.	a beloved person; esp. one's sweetheart.	someone that you feel a strong romantic and sexual attraction to.	some people use love as an affectionate way of addressing someone.	a person, a thing or an activity that you like very much.

В ходе анализа были выявлены следующие периферийные признаки понятия *love*: *любовь к Богу* (In Christian use: the benevolence and affection of God; the affectionate devotion due to God; regard and consideration prompted by a sense of a common relationship to God), *сексуальная привязанность, отождествляемая с Эросом, Купидоном* (The personification of sexual affection, usu. masculine and more or less identified with Eros, Amor, or Cupid of classic mythology), *половые отношения* (Amorous sexual activity, sexual intercourse) [NSOED].

По данным DECEL, лексема *amor* ‘любовь’ имеет латинское происхождение (viene del latín *amor*, образована от индоевропейского корня *amta*). Для уточнения семантического объема понятия *amor* были проанализированы дефиниции понятия в 4 толковых словарях испанского языка (Diccionario de la lengua española de la Real Academia Española [RAE], Diccionario Salamanca de la Lengua Española [DSLE], WordReference [WordReference], Diccionarios [Diccionarios]) и были установлены следующие ядерные признаки понятия *amor* (см. табл. 2):

Таблица 2. Ядерные признаки понятия *amor*

Признак	Diccionario de la lengua española de la Real Academia Española	Diccionario Salamanca de la Lengua Española	WordReference	Diccionarios
1. <i>Сердечная любовь</i>	Sentimiento intenso del ser humano que, partiendo de su propia insuficiencia, necesita y busca el encuentro y unión con otro ser.	Conjunto de fenómenos afectivos, emocionales y de conocimiento que ligan una persona a otra, o bien a una obra, objeto o idea: amor de hermano, amor a la vida, amor a la pintura.	Conjunto de sentimientos que ligan una persona a otra, o bien a las cosas, ideas, etc.	Sentimiento de afecto y pasión experimentado por una persona hacia otra.
2. <i>Мягкость, нежность</i>	Blandura, suavidad.	Suavidad, ternura.	Ternura, suavidad.	Suavidad y delicadeza con que se trata a una persona o a una cosa.
3. <i>Объект любви</i>	Persona amada.	Persona amada o aquello que es especialmente querido por alguien.	Persona amada, y p. ext., aquello que es especialmente querido.	Persona amada.
4. <i>Тщательность, старательность</i>	Esmero con que se trabaja una obra deleitándose en ella.	Esmero, cuidado.	Esmero con que se hace algo.	Esmero, cuidado.
5. <i>Любовные отношения</i>	Relaciones amorosas.	Relaciones amorosas.	Relaciones amorosas.	Relaciones amorosas.

К периферийным признакам, зафиксированным в Diccionario de la lengua española de la Real Academia Española, можно отнести следующие: *любовь-склонность* (Sentimiento de afecto, inclinación y entrega a alguien o algo), *половые отношения* (Tendencia a la unión sexual), *выражение любви* (Expresiones de amor, caricias, requiebros) [RAE].

В результате анализа словарных дефиниций был определен семантический объем понятия *любовь* (англ. *love*, исп. *amor*) в английской и испаноязычной лингвокультурах. Более широкий объем характерен для данного понятия в испанском языке (8 признаков), в английском языке зафиксировано 7 признаков. Универсальными признаками, то есть теми, которые зарегистрированы во всех лексикографических источниках анализируемых языков, являются *любовь сердечная, объект любви, романтическая любовь (любовные отношения)*. Данный результат свидетельствует о том, что именно эти признаки обуславливают широкое значение понятия *любовь* (англ. *love*, исп. *amor*).

К специфичным признакам, то есть тем, которые были обнаружены только в определенных языках, можно отнести следующие: *любовь к Богу, сексуальная привязанность, отождествляемая с Эросом, Купидоном* (английский язык); *мягкость, нежность; тщательность, старательность* (испанский язык). Признак *любовь к Богу* возник в древнеанглийском, и в религиозном аспекте *любовь* отождествляется с Богом (OE). Согласно античной мифологии, Купидон – бог любви, покровитель влюбленных (ME), поэтому признак *сексуальная привязанность, отождествляемая с Эросом, Купидоном* также находит свое отражение в лексикографическом источнике английского языка.

5.3.2. Анализ семантического объема понятия *love / amor* ‘любовь’ позволяет классифицировать корпус материала согласно выявленным признакам (см. табл. 3):

Таблица 3. Количественная характеристика ФЕ, вербализующих ядерные признаки понятия *love / amor* ‘любовь’

Семантический признак	Английские ФЕ		Испанские ФЕ	
	Кол-во ФЕ	%	Кол-во ФЕ	%
1. <i>Любовь романтическая</i>	49	48	52	52
2. <i>Выражение любви</i>	16	15	22	22
3. <i>Любовь сердечная</i>	12	12	14	14
4. <i>Любовь-склонность</i>	17	16	4	4
5. <i>Объект любви</i>	8	8	2	2
6. <i>Любовные отношения</i>	1	1	6	6
Всего	103	100	100	100

Согласно результатам анализа, сходство фразеологической репрезентации понятия *love / amor* ‘любовь’ в исследуемых языках состоит в том, что наибольшей плотностью характеризуется семантический признак *романтическая любовь*, который

объективирован 49 ФЕ английского языка и 52 ФЕ испанского языка. К примеру, англ. *to steal somebody's heart* – *to cause someone to feel love or affection* [CollinsCobuild], исп. *ser/tener un flechazo* – *enamorarse súbita y rápidamente* [DDFH]. Семантический признак **выражение любви** представлен примерно одинаковым количеством ФЕ (16 ФЕ в английском и 22 ФЕ в испанском: англ. *to make love to somebody* – *to speak romantically and give attention to someone*, especially in order to make them love you [CED], исп. *hacer una declaración de amor* – *hacer una declaración amorosa* [DDFH]). Межъязыковые отличия заключаются в превалировании в английском языке ФЕ, вербализующих признак **любовь-склонность** (17 ФЕ английского языка: англ. *close to one's heart* – if something such as a subject or project is close to your heart or near to your heart, *it is very important to you* and you are very interested in it and concerned about it [CollinsCobuild]). В испанском языке подобные единицы малочисленны (4 ФЕ испанского языка: исп. *hacerle a alguien tilín* – *gustar una persona o una cosa a otra* [DDFH]). Наименее многочисленным и актуальным в обоих языках выступает такой семантический признак как **любвные отношения** (1 ФЕ английского языка и 6 ФЕ испанского: англ. *love affair* – a romantic and sexual relationship between two people who are not married to each other [CED], исп. *estar en plan* – *ser una relación amorosa* [DDFH]).

В английском языке семантический признак **сердечная любовь** репрезентирован меньшим количеством ФЕ чем признак **любовь-склонность** (12 ФЕ: англ. *Platonic love* – an intimate companionship or relationship, esp. between two persons of the opposite sex, that is characterized by the absence of sexual involvement; *a spiritual affection* [CollinsCobuild]). В испанском языке наименьшим количеством ФЕ объективирован **признак объект любви** (2 ФЕ: исп. *Mi (tu, su) dulce sueño* – *una persona amada* [DDFH]).

6. Выводы

В ходе исследования было установлено, что понятие *ценность* является неотъемлемой составляющей любой лингвокультуры, поскольку ценности представлены нормами и принципами, определяющими отношение человека к окружающему миру, служащие ему ценностными ориентирами. Изучение ценностей представляется особенно актуальным в современном мире, так как кардинальная ломка всех ценностей, предпринятая в последние годы, ставит каждого перед ценностным выбором. Человеку не диктуется, как это бывало раньше, та или иная ценность, он сам определяет свои ценностные приоритеты. Однако этот процесс сложен, потому что перед человеком становится выбор, который определяет его дальнейшую судьбу: либо путь, основной

ценностью которого является ориентация на все возрастающее материальное производство и потребление, либо путь, основанный на приоритете духовных ценностей. Это диктует необходимость изучения, анализа и сопоставления устойчивых и универсальных ценностей, выработанных многовековым человеческим опытом.

Анализ различных классификаций ценностей позволил определить объект исследования, а именно морально-нравственные ценности (*love / amor* 'любовь', *good / bien* 'добро', *conscience / conciencia* 'совесть', *duty / obligación* 'долг', *honour / honor* 'честь', *honesty / honestidad* 'честность', *faith / confianza* 'доверие', *justice / justicia* 'справедливость', *friendship / amistad* 'дружба'). Характеристика материала исследования и методика его анализа проиллюстрирована на материале такого ценностного понятия, как *любовь*, семантический объем которого был установлен в ходе изучения английских и испанских лексикографических источников. В ходе анализа фразеологической вербализации понятия *love / amor* 'любовь' было выявлено, что наибольшим количеством ФЕ представлена семантическая группа *любовь романтическая* (48% в английском и 51% в испанском языке). Во фразеологическом фонде исследуемых языков наименее представлена семантическая группа *любвные отношения* (1% в английском и 6% в испанском языке).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Анисимов С. Ф. Введение в аксиологию. Москва: Современные тетради, 2001. 128 с.
2. Базарова М. В. Любовь как смысложизненная ценность: автореф. дисс. ... канд. филос. наук: 09.00.13. Ставрополь, 2008. 21 с.
3. Бессонова О. Л. Отражение культурных кодов во фразеологической картине мира // Multilingual education: theories and practices: international forum proceedings / editors: Seitbek Bekenovich Kuanyshbayev, Eva Smetanová; reviewers: Eva Smetanová, Zhamilya Bakirova. 1. vyd. Arkalyk: Arkalyk State Pedagogical Institute, 2017. С. 13-23.
4. Василенко А. В. Ценность и ценностные отношения. Проблемы ценности в философии. Ленинград: Наука, АН СССР, 1966. 262 с.
5. Вольф Е. М. Оценочное значение и соотношение признаков «хорошо»-«плохо» // Вопросы языкознания. 1986. № 5. С. 98-106.
6. Ерасов Б. С. Социальная культурология. 3-е изд., доп. и перераб. Москва: Аспект Пресс, 2000. 591 с.
7. Ивин А. А. Аксиология. Москва: Высш. шк., 2006. 390 с.
8. Каган М. С. Философская теория ценности. Санкт-Петербург: ТОО ТК «Петрополис», 1997. 205 с.
9. Карасик В. И. Лингвокультурные ценности в дискурсе. Рязань: Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина, 2015. С. 25-35.
10. Серебренникова Е. Ф. Аспекты аксиологического лингвистического анализа // Лингвистика и аксиология: этносемиотрия ценностных смыслов: коллективная монография / под ред. Л. Г. Викуловой. Москва: ТЕЗАУРУС, 2011. С. 7-48.
11. Стернин И. А. Методы исследования семантики слова. Ярославль: Истоки, 2013. 34 с.

12. Трофимова Е. В. Оценочная семантика фразеологических единиц, выражающих отрицательные эмоции в английском языке // Мир. Человек. Язык. Владимир: Изд-во ВлГУ, 2019. С. 225-233.

13. Тугаринов В. П. Избранные философские труды. Ленинград: Издательство Ленинградского университета, 1988. 343 с.

14. Философия / под ред. проф. В. Н. Лавриненко. 2-е изд., испр. и доп. Москва: Юристъ, 2004. 520 с.

15. Хохлова В. А. Национально-культурная семантика топонимической фразеологии в английском и украинском языках // Science and Education a New Dimension. Philology. Будапешт, 2014. II (4). Issue 24. P. 63-66.

16. Byessonova Olga. Teaching idioms: challenges and approaches. Current Higher Education Environment: Views and Perspectives: non-conference proceedings / editors: Seitbek Bekenovich Kuanysbayev, Eva Smetanova; reviewers: Olga Byessonova, Svitlana Shandruk. 1. vyd. Arkalyk: Arkalyk State Pedagogical Institute, 2017. P. 36-42.

17. Kluckhohn C. Values and Value Orientations in the Theory of Action // Towards a General Theory of Action / Ed. by T. Parsons, E. Shils. Cambridge: Harvard UP, 1951. P. 388-433.

СПИСОК ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ

1. Brown L. The New Shorter Oxford English Dictionary on Historical Principles. Michigan: Clarendon Press, 1993. 3801 p. [NSOED].

2. Buitrago A. Diccionario de dichos y frases hechas. Madrid: Espasa, 2002. 1038 p.

3. Cambridge English Dictionary. Доступ: <https://dictionary.cambridge.org/>. (дата обращения: 03.02.2021).

4. Collins COBUILD Dictionary. 9th edition. London: Glasgow: Harper Collins Publishers, 2018. 1904 p. [CollinsC].

5. Diccionario Etimológico Castellano en Línea. Доступ: <http://etimologias.dechile.net/>. (дата обращения: 06.02.2021). [DECEL].

6. Diccionarios. Доступ: <https://www.diccionarios.com/>. (дата обращения 12.01.2021).

7. Diccionario Salamanca de la Lengua Española. Доступ: <https://sal.es.es-academic.com/>. (дата обращения: 12.01.2021). [DSLE].

8. Hornby A. S. Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English. Oxford: Oxford University Press, 2010. 1796 p. [OALD].

9. Longman Dictionary of Contemporary English: The compl. guide to written a. spoken English. 3. ed. Harlow (Essex): Longman, 1995. 1668 p. [LDCE].

10. Real Academia Española. Diccionario de la lengua española. Доступ: <https://www.rae.es/>. (дата обращения: 12.01.2021). [RAE].

11. WordReference. Доступ: <https://www.wordreference.com/>. (дата обращения: 12.01.2021).

REFERENCES

1. Anisimov, S. F. (2001). *Vvedenie v aksiologiyu* [Introduction to axiology]. Moskva: Sovremennye tetrad. (In Russ.).

2. Bazarova, M. V. (2008). *Lyubov kak smyslozhiznennaya tsennost* [Love as a Meaningful Value]: avtoref. diss ... kand. filos. nauk: 09.00.13. Stavropol. (In Russ.).

3. Bessonova, O. L. (2017). Otrazhenie kulturnykh kodov vo frazeologicheskoy kartine mira [Reflection of cultural codes in the phraseological picture of the world]. In *Multilingual education: theories and practices: international forum proceedings* 1. vyd. Arkalyk: Arkalyk State Pedagogical Institute. Pp. 13-23. (In Russ.).

4. Vasilenko, A. V. (1966). *Tsenkost i tsennostnye otnosheniya. Problemy tsennosti v filosofii* [Values and value relationships. Issues of value in philosophy]. Leningrad: Nauka, AN SSSR.
5. Volf, E. M. (1986). Otsenochnoe znachenie i sootnoshenie priznakov «khorosho»-«plokho» [Estimated value and ratio of «good» to «bad»]. In *Voprosy yazykoznaniiya*. No. 5. Pp. 98-106. (In Russ.).
6. Erasov, B. S. (2000). *Sotsialnaya kulturologiya* [Social culturology]. 3-e izd., dop. i pererab. Moskva: Aspekt Press. (In Russ.).
7. Ivin, A. A. (2006). *Aksiologiya* [Axiology]. Moskva: Vyssh. shk. (In Russ.).
8. Kagan, M. S. (1997). *Filosofskaya teoriya tsennosti* [Philosophical theory of value]. Sankt-Peterburg: TOO TK «Petropolis». (In Russ.).
9. Karasik, V. I. (2015). *Lingvokulturnye tsennosti v diskurse* [Linguistic and cultural values in discourse]. Ryazan: Ryazanskiy gosudarstvennyy universitet imeni S. A. Esenina. Pp. 25-35. (In Russ.).
10. Serebrennikova, E. F. (2011). Aspekty aksiologicheskogo lingvisticheskogo analiza [Aspects of Axiological Linguistic Analysis]. In *Lingvistika i aksiologiya: etnosemiometriya tsennostnykh smyslov: kollektivnaya monografiya / pod red. L. G. Vikulovoy*. Moskva: TEZAVURUS. Pp. 7-48. (In Russ.).
11. Sternin, I. A. (2013). *Metody issledovaniya semantiki slova* [Methods for the study of word semantics]. Yaroslavl: Istoki. (In Russ.).
12. Trofimova, E. V. (2019). Otsenochnaya semantika frazeologicheskikh edinit, vyrazhayushchikh otritsatelnye emotsii v angliyskom yazyke [Evaluation semantics of phraseological units expressing negative emotions in English]. In *Mir. Chelovek. Yazyk*. Vladimir: Izd-vo VIGU. Pp. 225-233. (In Russ.).
13. Tugarinov, V. P. (1988). *Izbrannye filosofskie trudy* [Selected philosophical works]. Leningrad: Izdatelstvo Leningradskogo universiteta. (In Russ.).
14. *Filosofiya* [Philosophy] / pod red. prof. V. N. Lavrinenko. 2-e izd., ispr. i dop. Moskva: Yurist, 2004. (In Russ.).
15. Khokhlova, V. A. (2014). Natsionalno-kulturnaya semantika toponimicheskoy frazeologii v angliyskom i ukrainskom yazykakh [National-cultural semantics of toponymic phraseology in English and Ukrainian]. In *Science and Education a New Dimension. Philology*. Budapesht. II (4), Issue 24. Pp.63-66. (In Russ.).
16. Byessonova, Olga. (2017). Teaching idioms: challenges and approaches. In *Current Higher Education Environment: Views and Perspectives: non-conference proceedings / editors: Seitbek Bekenovich Kuanyshbayev, Eva Smetanova ; reviewers: Olga Byessonova, Svitlana Shandruk*. 1. vyd. Arkalyk: Arkalyk State Pedagogical Institute. Pp. 36-42.
17. Kluckhohn, S. (1951). Values and Value Orientations in the Theory of Action. In *Towards a General Theory of Action / Ed. by T. Parsons, E. Shils*. Cambridge: Harvard UP. Pp. 388-433.

LEXICOGRAPHICAL SOURCES

1. Brown, L. (1993). *The New Shorter Oxford English Dictionary on Historical Principles*. Michigan: Clarendon Press.
2. Buitrago, A. (2002). *Diccionario de dichos y frases hechas*. Madrid: Espasa.
3. *Cambridge English Dictionary*. Available at: <https://dictionary.cambridge.org/>. (accessed: 03.02.2021).
4. *Collins COBUILD Dictionary*. 9th edition. London: Glasgow: Harper Collins Publishers, 2018.
5. *Diccionario Etimológico Castellano en Línea*. Available at: <http://etimologias.dechile.net/>. (accessed: 06.02.2021).

6. *Diccionarios*. Available at: <https://www.diccionarios.com/>. (accessed: 12.01.2021).
7. *Diccionario Salamanca de la Lengua Española*. Available at: https://sal_es.es-academic.com/. (accessed: 12.01.2021).
8. Hornby, A. S. (2000). *Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English*. Oxford: Oxford University Press.
9. *Longman Dictionary of Contemporary English: The compl. guide to written a. spoken English*. ed. Harlow (Essex): Longman, 1995.
10. *Real Academia Española. Diccionario de la lengua española*. Available at: <https://www.rae.es/>. (accessed: 12.01.2021).
11. *WordReference*. Available at: <https://www.wordreference.com/>. (accessed: 12.01.2021).

*Гармаш Дарья Алексеевна – аспирант
кафедры английской филологии
(email: d.garmash@donnu.ru),
Государственное образовательное
учреждение высшего профессионального
образования «Донецкий национальный
университет»
283001, Донецк, Университетская, 24*

*Garmash Darya A. – Postgraduate Student of
English Philology Department
(e-mail: d.garmash@donnu.ru),
State Educational Institution of Higher
Professional Education «Donetsk National
University»
24 Universitetskaya, Donetsk, 283001*

Поступила в редакцию 03 февраля 2021 г.

УДК 81'27:81'374

© 2021 В. П. Джиоева

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ И МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКИ В ОСЕТИНСКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ

В данной статье рассматриваются лексико-семантические и морфологические характеристики общественно-политической лексики в осетинском языке Республики Южная Осетия и английском языке Государства Гибралтар. Материалом для настоящего исследования послужил корпус текстов, включающий речевые произведения участников общественно-политической коммуникации. Осуществляется анализ структурных типов изученной общественно-политической лексики в двух языках.

***Ключевые слова:** Республика Южная Осетия, Государство Гибралтар, общественно-политическая сфера, структурный тип, лексико-семантические особенности, морфологические характеристики.*

© 2021 V. P. Dzhioeva

LEXICO-SEMANTIC AND MORPHOLOGICAL CHARACTERISTICS OF SOCIO-POLITICAL VOCABULARY IN OSSETIAN AND ENGLISH

Lexico-semantic and morphological characteristics of socio-political vocabulary in the Ossetian language of the Republic of South Ossetia and the English language in Gibraltar are under study in the present paper. The material for the study was selected from texts of speech works of the agents of socio-political communication. The analysis of structural types of socio-political vocabulary in the two languages has been carried out.

***Key words:** Republic of South Ossetia, Gibraltar, socio-political sphere, structural type, lexico-semantic peculiarities, morphological characteristics.*

Введение. Настоящая статья посвящена исследованию структурных, лексико-семантических и морфологических особенностей лексики общественно-политической сферы в осетинском языке Республики Южная Осетия и английском языке Государства Гибралтар на основе корпуса общественно-политических текстов, включающих речевые произведения агентов общественно-политической коммуникации.

Язык политики представляет собой совокупность знаков, обладающих оценочностью, полисемией, стилистической и смысловой неизолированностью, а также особой изменчивостью, способностью к трансформациям и поддается влиянию всех значимых событий в жизни общества [Загоровская, Есмаеел, 2008: 74].

Кроме того, язык представляет собой инструмент манипуляции сознанием людей. Это способствует производству все новых исследований манипулятивного характера воздействия политического языка на общественное сознание как в отечественной,

так и зарубежной лингвистической литературе, а также взаимовлиянию языка и политики и т. п. [Маник, 2014: 7].

Актуальность работы обусловлена значимостью исследования корпуса общественно-политической лексики в осетинском и английском языках с точки зрения структуры, морфологических и лексико-семантических особенностей в сопоставительном аспекте.

Цель исследования – выявить структурные особенности, лексико-семантическое наполнение и морфологические характеристики лексики общественно-политической сферы в двух языках – осетинском и английском.

Материалом для исследования послужили 454 общественно-политические лексические единицы, используемые в средствах массовой информации Республики Южная Осетия и Государства Гибралтар.

Теоретической базой данной работы выступают труды по сопоставительному изучению языков (В. Д. Аракин, Л. С. Бархударов, Ш. Р. Басыров, В. Г. Гак, М. М. Гухман, Ю. Н. Караулов, Г. В. Колшанский, Е. С. Кубрякова, А. А. Леонтьев, Ю. С. Маслов, В. П. Недеяков, В. З. Панфилов, А. А. Реформатский, Ю. В. Рождественский, Б. А. Серебренников, А. И. Смирницкий, Ю. С. Степанов, И. П. Сусов, А. Д. Швейцер, Л. В. Щерба, В. Н. Ярцева и др.). У истоков теории современного терминоведения стоят такие исследователи, как К. Я. Авербух, Л. М. Алексеева, С. В. Гринев-Гриневич, В. П. Даниленко, В. М. Лейчик, Р. Ю. Кобрин, А. В. Суперанская, В. А. Татаринов и др. Исследование непосредственно политического языка предпринимали А. А. Бурячок, Т. С. Коготкова, Т. Б. Крючкова, С. А. Маник, Е. В. Розен, И. В. Токарева, Т. А. Широкова и другие.

Общественно-политическая коммуникация охарактеризована исследователями как способность обмениваться политической информацией, передавая эту информацию от одного звена политической системы к другому, а также взаимодействие между политической и социальной сферами. Информация передается не только от одного агента общественно-политического дискурса к другому, но и от представителей власти к электорату с целью достижения взаимного согласия [Шварценберг, 1992: 306].

Согласно точке зрения В. Гумбольдта, в результате исторических событий и социальных особенностей в той или иной этнической общности язык приобретает определенные отличительные характеристики, способные отражать события и явления окружающего мира. Формирование языка является результатом долгого процесса познания мира и социализации людей [Гумбольдт, 1984: 223]. Благодаря влиянию средств массовой

информации многие политические термины используются широким кругом граждан той или иной страны и приобретают статус общепринятых [Резникова, 2005: 49-54].

Что касается основных тенденций пополнения общественно-политического словаря, то следует отметить, что существуют две основные тенденции: а) производство многокомпонентных устойчивых терминологических сочетаний, калькирование иностранных специальных терминов; б) появление новых наименований, замена общеизвестных терминов менее официальными и более общеизвестными [Муравлева, 1980: 72-79].

По мнению исследователя А. А. Бурячок, общественно-политическая лексика – это отдельная часть терминосистемы, представляющая собой промежуточное звено между узкоспециальной лексикой и единицами общелитературного языка, находящимися в тесной связи [Бурячок, 1983: 22]. Д. С. Лотте оперирует понятием «терминоэлемент» при рассмотрении структуры терминологических сочетаний. По его мнению, большая часть многословных терминов состоит из лексических единиц, образующих в совокупности с соблюдением норм грамматики простые и сложные термины, становясь, таким образом, терминоэлементами. Любой сложный термин имеет в составе несколько терминоэлементов – слов, обладающих самостоятельным значением [Лотте, 1936: 869].

Общественно-политическая лексика и общественно-политическая терминология рассматриваются такими лингвистами, как С. А. Маник и А. А. Козьмик в качестве равноценных понятий, являющихся частью одной лексико-семантической подсистемы языка, используемой как средство массовой коммуникации [Козьмик, 2002: 66-70]. В состав лексики общественно-политической сферы входят единицы терминологии не только политической, но и военной, экономической, сферы бизнеса, а также общепринятые наименования, приобретающие новое значение в общественно-политическом тексте. Вследствие такого взаимопроникновения лексики из разных областей, общественно-политический словарь обогащается и приобретает более социально значимый характер [Розен, 1976: 95-96].

В изученном эмпирическом материале выявлены однословные лексические единицы, выраженные существительными. Существительные в узкоспециальном контексте могут функционировать как самостоятельные единицы, в отличие от прилагательных, числительных, причастий, наречий, употребляющихся только в структуре составных единиц [Авербух, 2006: 136].

1. Типы единиц англоязычной общественно-политической лексики. Типы единиц англоязычной общественно-политической лексики, выделяемые на основе числа

компонентов: простые (однокомпонентные), двухкомпонентные, трехкомпонентные, многокомпонентные рассмотрим на примерах.

Простые (однокомпонентные) единицы ОПЛ: *statement* ‘заявление’; *pandemic* ‘пандемия’; *locum* ‘временный сотрудник’:

New members of staff that are to be employed by the Care Agency to replace fixed term contracts (locums) have a much higher chance of retention with many opportunities <...> ‘Новые сотрудники, которые будут приняты на работу на замену срочных контрактов (временных сотрудников), имеют гораздо более высокие шансы **задержаться** и имеют множество возможностей’ [HM Government of Gibraltar, June 04, 2021].

Двухкомпонентные единицы ОПЛ: *Care Agency* ‘Агентство по уходу’; *Disability Society* ‘Общество инвалидов’:

The Care Agency was in close consultation with the Disability Society throughout this process <...> ‘Агентство по уходу в течение всего этого процесса тесно консультировалось с **Обществом инвалидов <...>**’ [HM Government of Gibraltar, June 04, 2021].

Трехкомпонентные единицы ОПЛ: *full time capacity* ‘полная ставка’; *part time position* ‘частичная занятость’:

For instance, new members of staff are fulfilling a previous part time position in a full time capacity ‘Например, новые сотрудники выполняют прежние обязанности с **частичной занятостью на полной ставке**’ [HM Government of Gibraltar, June 04, 2021].

Многокомпонентные единицы ОПЛ: *Learning Disability Services service users* ‘пользователи услуг по обучению лиц с ограниченными возможностями’:

<...> the Government would like to make abundantly clear that it will always prioritise Learning Disability Services service users ‘<...> правительство хотело бы со всей ответственностью заявить, что оно всегда будет уделять приоритетное внимание **пользователям услуг по обучению лиц с ограниченными возможностями**’ [HM Government of Gibraltar, June 04, 2021].

2. Структурные типы единиц ОПЛ

Исходя из словообразовательных особенностей, англоязычный корпус изученной общественно-политической лексики распределен на следующие типы единиц: корневые, аффиксальные, сложные, словосочетания и сокращения, т. е. акронимы и аббревиатуры, представленные в следующих примерах.

Корневые единицы ОПЛ: *claim* ‘заявление’:

This is absolutely not the case and Ms Hassan Nahon should not make such claims ‘Это

абсолютно не так, и госпожа Хассан Нахон не должна делать таких **заявлений**' [HM Government of Gibraltar, June 04, 2021].

Аффиксальные единицы ОПЛ: *dis-abili-ty* 'нетрудоспособность, неправопособность':

*Additionally, many of the new staff members are highly qualified in areas that specifically relate to Learning **Dis-abili-ties*** 'Кроме того, многие из новых сотрудников обладают высокой квалификацией в областях, которые непосредственно связаны с **неспособностью** обучаться' [HM Government of Gibraltar, June 04, 2021].

Сложные единицы ОПЛ: *feed-back* 'обратная связь'; *tax-pay-er* 'налогоплательщик':

*The Government will always welcome constructive **feed-back** to decisions that are made <...>* 'Правительство будет всегда приветствовать конструктивную **обратную связь** по принимаемым решениям <...>' [HM Government of Gibraltar, June 04, 2021].

*Long term retention and minimalised recruitment drives will reduce the cost on **tax-pay-ers*** 'Долгосрочное удержание и минимизированный набор кадров снизят расходы **налогоплательщиков**' [HM Government of Gibraltar, June 04, 2021].

Единицы ОПЛ – словосочетания: *Disability Society* 'Общество инвалидов':

*<...> is carefully planned out and is done in full consultation with specialised professionals and the **Disability Society*** '<...> тщательно спланировано и принимается после всесторонних консультаций с обученными специалистами и **Обществом инвалидов**' [HM Government of Gibraltar, June 04, 2021].

Сокращения (акронимы и аббревиатуры): *Brexit* 'Брексит'; *Covid-19* 'Covid-19':

*The meeting was an excellent opportunity to discuss Port matters especially with **Brexit** and **Covid-19** in the background* 'Встреча была замечательной возможностью обсудить проблемы Порта, особенно в условиях **Брексита** и **Covid-19**' [HM Government of Gibraltar, June 04, 2021].

3. Сопоставительный анализ структурных осетино- и англоязычной общественно-политической лексики. Типы изученной общественно-политической лексики (ОПЛ) в двух языках представлены в табл. 1.

Таблица 1. Типы ОПЛ, выделяемые в осетинском и английском языках на основе числа компонентов

Типы единиц ОПЛ	Осетинский язык	Кол-во	Английский язык	Кол-во
1. Простые (однокомпонентные)	<i>Тыхгæнджытæ</i> 'каратели'	138 (57,8%)	<i>statement</i> 'заявление'	45 (20,7%)
2. Двухкомпонентные	<i>фæсарæйнаг паддзахад</i> 'иностранное государство'	70 (29,5%)	<i>Disability Society</i> 'Общество инвалидов'	115 (53,5%)
3. Трехкомпонентные	<i>Фæсарæйнаг хъуыддæгты министрæд</i> 'Министерство иностранных дел'	12 (4,7%)	<i>personal cash accounts</i> 'личные банковские счета'	39 (18,3%)
4. Многокомпонентные	<i>ирон адамы ныхмæ геноцид</i> 'геноцид осетин'	16 (7%)	<i>Learning Disability Services service users</i> 'пользователи услуг по обучению лиц с ограниченными возможностями'	12 (5,7%)
Всего:		239 (100%)		215 (100%)

В таблице 2 представлены словообразовательные типы и количественные данные общественно-политической лексики в осетинском и английском языках.

Таблица 2. Структурная классификация единиц ОПЛ в осетинском и английском языках

Типы единиц	Осетинский язык	Кол-во	Английский язык	Кол-во
1. Корневые	<i>ныстуан</i> 'обращение'; <i>бар</i> 'право'	59 (24,6%)	<i>claim</i> 'заявление'; <i>staff</i> 'персонал, штат'	14 (6,6%)
2. Аффиксальные	префиксы: <i>æнæ-, æ-, æм-, æд-, ба-, ны-, (ы)с-, ра-, а-, æрдæг-, анти-, дæл-</i> ; суффиксы: <i>-аг, -ад, -д, -æг, -дзинад, -æн, -ын, -джын, -он, -гæ, -гонд, -дон, -ыд, -изм, -ист, -ци, -ция</i>	65 (27,2%)	префиксы: <i>re-, anti-, up-, out-, extra-, un-, dis-, multi-</i> ; суффиксы: <i>-er, -or, -ee, -ist, -ism, -ing, -tion, -sion, -age, -ment, -ship</i>	22 (10,2%)
3. Сложные	<i>С+Г; П+С; С+С; Н+Г; П+П</i>	14 (6%)	<i>С+С; П+С; Г+С; Г+предлог; Ч+С; Г+Г</i>	9 (3,9%)
4. Сочетания терминов	<i>ирон минæварад</i> 'осетинское посольство'	98 (41,2%)	<i>Disability Society</i> 'Общество инвалидов'	166 (77,5%)
5. Сокращения (акронимы и аббревиатуры)	<i>ИНО (Иугонд Нациты Организаци)</i> 'ООН'	3 (1%)	<i>Brexit (Britain exit)</i> 'Брексит'; <i>Covid-19</i> 'Covid-19'	4 (1,8%)
Всего:		239 (100%)		215 (100%)

4. Выводы. В результате исследования сформулированы следующие выводы и обобщения.

4.1. В корпусе общественно-политической лексики можно выделить единицы следующих структурных типов: простые (однокомпонентные), двухкомпонентные, трехкомпонентные, многокомпонентные.

4.2. Согласно морфологическим и лексико-семантическим признакам, в осетинском и английском языках общественно-политическая лексика разделена на группы следующим образом: аффиксальные, корневые, сложные, термины, словосочетания, сокращения (акронимы и аббревиатуры).

4.3. В осетиноязычном лексическом материале ОПЛ преобладают однокомпонентные корневые и производные лексические единицы, в англоязычном сегменте – словосочетания.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абаев В. И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Ленинград: Наука, 1973. Т. 2. 448 с.
2. Авербух К. Я. Общая теория термина. Москва: Изд-во МГОУ, 2006. 252 с.
3. Бурячок А. А. Формирование общего фонда социально-политической лексики восточнославянских языков: дисс. ... д-ра филол. наук: 10.02.03. Киев, 1983. 436 с.
4. Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию. Москва: Прогресс, 1984. 400 с.
5. Загоровская О. В., Есмаеел С. А. Об иноязычных заимствованиях в политической лексике русского языка // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2008. № 3. С. 74-82.
6. Козьмик А. А. Некоторые аспекты формирования и функционирования общественно-политической терминологии английского языка // Вестник Гуманитарного университета «ЗИГМУ». 2002. № 1. С. 66-70.
7. Лейчик В. М. Некоторые вопросы упорядочения, стандартизации и использования научно-технической терминологии // Термин и слово. Горький: Изд-во Горьк. гос. ун-та, 1981. С. 121-128.
8. Лотте Д. С. Немецко-русский словарь. Москва, Ленинград, 1936. 264 с.
9. Маник С. А. Современные техники интерпретации английской общественно-политической терминологии. Москва: ИИУ МГОУ, 2014. 278 с.
10. Муравлева Н. В. Инновации в лексико-семантической системе политической лексики ФРГ // Структурносемантические исследования в немецкой лексике. Калинин, 1980. С. 72-79.
11. Резникова Н. А. Семантический анализ политической лексики // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2005. Вып. 4 (48). С. 49-54.
12. Розен Е. В. Лексика немецкого языка сегодня. Москва: Высш. школа, 1976. 128 с.
13. Шварценберг Р.-Ж. Политическая социология: в 3-х ч. Москва: Луна, 1992. 456 с.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРИАЛА

1. Республика Хуссар Ирыстоны Фæсарæйнаг хъуыддæгты министрады пресс-службæйы хъусынгæнинаг // Республика Хуссар Ирыстоны Фæсарæйнаг хъуыддæгты

министрад. 22.08.2014. Доступ: <http://www.mfa-rso.su/os/node/3203>. (дата обращения: 05.05.2021).

2. Government will always prioritise service users – 437/2021 // HM Government of Gibraltar. June 04, 2021. Доступ: <https://www.gibraltar.gov.gi>. (дата обращения: 06.05.2021).

3. Minister Daryanani meets with the Port Advisory Council – 435/2021 // HM Government of Gibraltar. June 04, 2021. Доступ: <https://www.gibraltar.gov.gi>. (дата обращения: 06.05.2021).

4. First case of Delta Variant detected in Gibraltar and Portugal immediately added to Gibraltar Amber List – 440/2021 // HM Government of Gibraltar. June 04, 2021. Доступ: <https://www.gibraltar.gov.gi>. (дата обращения: 06.05.2021).

REFERENCES

1. Abaev, V. I. (1973). *Istoriko-etimologicheskij slovar osetinskogo yazyka* [Historical-etymological dictionary of ossetian language]. Leningrad: Nauka. T. 2. (In Russ.).

2. Averbukh, K. Ya. (2006). *Obshchaya teoriya termina* [The theory of a term]. Moskva: Izd-vo MGOU. (In Russ.).

3. Buryachok, A. A. (1983). *Formirovanie obshchego fonda sotsialno-politicheskoy leksiki vostochnoslavjanskikh yazykov* [The formation of general fund of socio-political terms of eastern slavonic languages]: diss. ... d-ra filol. nauk: 10.02.03. Kiev. (In Russ.).

4. Gumboldt, V. (1984). *Izbrannye trudy po yazykoznaniju* [Selected works in language study]. Moskva: Progress. (In Russ.).

5. Zagorovskaya, O. V., Esmaeel, S. A. (2008). Ob inoyazychnykh zaimstvovaniyakh v politicheskoy leksike russkogo yazyka [Foreign language borrowings in the Russian language of politics]. In *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i mezhkulturnaya kommunikatsiya*. No. 3. Pp. 74-82. (In Russ.).

6. Kozmik, A. A. (2002). Nekotorye aspekty formirovaniya i funkcionirovaniya obshchestvenno-politicheskoy terminologii angliyskogo yazyka [Some aspects of formation and functioning of socio-political terminology of the English language]. In *Vestnik Gumanitarnogo universiteta «ZIGMU»*. No. 1. Pp. 66-70. (In Russ.).

7. Leychik, V. M. (1981). Nekotorye voprosy uporyadocheniya, standartizatsii i ispolzovaniya nauchno-tekhnicheskoy terminologii [Some problems of regulation, standardization and use of scientific-technical terminology]. In *Termin i slovo*. Gorkiy: Izd-vo Gork. gos. un-ta. Pp. 121-128. (In Russ.).

8. Lotte, D. S. (1936). *Nemetsko-russkiy slovar* [German-Russian dictionary]. Moskva, Leningrad. (In Russ.).

9. Manik, S. A. (2014). *Sovremennye tekhniki interpretatsii angliyskoy obshchestvenno-politicheskoy terminologii* [Contemporary techniques of interpretation of socio-political terminology of the English language]. Moskva: IIU MGOU. (In Russ.).

10. Muravleva, N. V. (1980). Innovatsii v leksiko-semanticheskoy sisteme politicheskoy leksiki FRG [Innovations in lexical-semantic system of political vocabulary of FRG]. In *Strukturnosemanticheskie issledovaniya v nemetskoj leksike*. Kalinin. Pp. 72-79. (In Russ.).

11. Reznikova, N. A. (2005). Semanticheskij analiz politicheskoy leksiki [Semantic analysis of political language]. In *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. Vyp. 4 (48). Pp. 49-54. (In Russ.).

12. Rozen, E. V. (1976). *Leksika nemetskogo yazyka segodnya* [The vocabulary of German language today]. Moskva: Vyssh. Shkola. (In Russ.).

13. Shvartsenberg, R.-Zh. (1992). *Politicheskaya sotsiologiya* [Political sociology]: v 3-kh ch. Moskva: Luna. (In Russ.).

SOURCES OF ILLUSTRATIVE MATERIAL

1. Respublikæ Hussar Irystony Fæsaræjnag Huyddægty Ministrady press-sluzhbæjy husyngæninag [The announcement by the press office of the Ministry of Foreign Affairs of the Republic of South Ossetia]. In *Respublikæ Hussar Irystony Fæsaræjnag Huyddægty Ministrad*. 22.08.2014. Available at: <http://www.mfa-rso.su/os/node/3203>. (accessed: 05.05.2021). (In Osset.).

2. Government will always prioritise service users – 437/2021. In *HM Government of Gibraltar*. June 04, 2021. Available at: <https://www.gibraltar.gov.gi>. (accessed: 06.05.2021).

3. Minister Daryanani meets with the Port Advisory Council – 435/2021. In *HM Government of Gibraltar*. June 04, 2021. Available at: <https://www.gibraltar.gov.gi>. (accessed: 06.05.2021).

4. First case of Delta Variant detected in Gibraltar and Portugal immediately added to Gibraltar Amber List – 440/2021. In *HM Government of Gibraltar*. June 04, 2021. Available at: <https://www.gibraltar.gov.gi>. (accessed: 06.05.2021).

*Джисоева Варвилена Павловна – доцент
кафедры английского языка
(e-mail: jio.varvilina@mail.ru),
Юго-Осетинский государственный
университет имени А. А. Тибилова.
100001 Республика Южная Осетия
г. Цхинвал ул. Путина, 8*

*Dzhioeva Varvilina P. – Associate Professor of
English Language Department
(e-mail: jio.varvilina@mail.ru),
South Ossetia State University named after
A. A. Tibilov
100001 The Republic of South Ossetia
8 Putin, Tskhinval*

Поступила в редакцию 14 мая 2021 г.

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ПУТИ РАЗВИТИЯ ЗАИМСТВОВАНИЙ-ИСТОРИЗМОВ В КАРИБСКИХ КРЕОЛЯХ НА АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ОСНОВЕ

В статье рассматриваются семантические пути развития заимствований-историзмов в ямайском, багамском и тринидадо-тобагском креолях. Установлены следующие системные семантические пути развития лексических заимствований-историзмов: специализация и генерализация значения, метафоризация и метонимизация.

Ключевые слова: историзмы, заимствования, развитие, креоли, метафора, метонимия.

SEMANTIC DEVELOPMENT WAYS OF BORROWED HISTORISMS IN THE ENGLISH-BASED CARIBBEAN CREOLES

The article considers semantic development ways of lexical borrowed historisms in the English-based Jamaican, Bahamian and Trinidado-Tobogonian Caribbean creoles. We have established the following semantic development ways of borrowed historisms: specialization and generalization of meaning, metaphor and metonymy.

Key words: historism, borrowing, development, creoles, metaphor, metonymy.

1. Введение. На современном этапе развития лингвистики наблюдается рост интереса к таким проблемам, как диглоссия и двуязычие, языковые контакты и смешение языков. **Актуальность темы исследования** определяется, во-первых, ростом интереса лингвистов к проблемам пространственной вариативности языка, недостаточным изучением территориального варьирования английского языка в странах Карибского бассейна и механизмов формирования вариантных языковых систем, во-вторых, необходимостью теоретического обобщения системных изменений в лексической системе карибских креолей на англоязычной основе под влиянием лексических заимствований. **Объектом** исследования являются заимствованные имена существительные ямайского, багамского и тринидадо-тобагского креолей конца XX – начала XXI века. **Предметом** исследования являются семантические пути развития лексических заимствований-историзмов вышеназванных карибских креолей на англоязычной основе (далее ККАО). Для работы отбирались и рассматривались заимствования-историзмы ККАО, созданные в соответствии с семантическими способами вторичной номинации. **Цель** исследования – выявить специфические черты ККАО, опираясь на лексические историзмы, представленные заимствованиями из западноафриканских, европейских, азиатских языков, а также американского и британского вариантов английского языков и их

диалектов. Для достижения поставленной цели необходимо решение следующих **задач**: 1) выявить семантические и лексические особенности иностранных заимствований-историзмов в трех ККАО; 2) рассмотреть семантические пути развития лексических заимствований-историзмов в трех ККАО; 3) выявить алломорфные и изоморфные признаки заимствований-историзмов в трех исследуемых ККАО. В качестве **материала исследования** были использованы лексемы различных словарей карибских креолей на англоязычной основе. Общий объем проанализированных языковых явлений составляет 2485 лексических единиц (из них 1610 инноваций, 650 архаизмов, 225 историзмов), отобранных методом сплошной выборки из словарей карибских креолей на англоязычной основе. По проблеме историзмов и заимствований имеются **следующие новейшие публикации**: Л. С. Алпеева [Алпеева, 2019: 188], Х. Лэй [Лэй, 2018: 387], А. Д. Осипова [Осипова, 2020: 280-281], А. М. Николаева [Николаева, 2019: 393], Д. Н. Шмелёв [Шмелёв, 2002: 608], Тичи Ондрей [Tichú, 2018: 3], М. А. Коломбет [Colombet, 2019: 150-152], Вине Мари-Терез [Vinet, 1996: 177], Чиру Костин Габриэл [Chiru, 2018: 4], Fouad Seridj [Fouad, 2019: 199].

2. Семантическое развитие заимствований-историзмов в карибских креолях на англоязычной основе. Историзмы – слова, вышедшие из употребления в связи с исчезновением понятий, которые ими обозначались [Филин, 1979: 360] (см. табл. 1).

Таблица 1. *Семантические пути развития историзмов в ямайском, багамском и тринидадо-тобагском креолях*

Тип семантического развития	Креольский язык					
	Ямайский		Багамский		Тринидадо-тобагский	
	К-во	%	К-во	%	К-во	%
1. Метонимия и синекдоха	325	45,01	161	38,52	85	15,51
2. Метафора	212	29,36	98	23,44	164	29,93
3. Расширение значения	94	13,02	36	8,61	15	2,74
4. Сужение значения	75	10,39	57	13,64	99	18,07
5. Улучшение значения	10	1,39	21	5,02	110	20,07
6. Ухудшение значения	4	0,55	42	10,05	73	13,32
7. Каламбур	2	0,28	3	0,72	2	0,36
Всего:	722	100	418	100	548	100

Как свидетельствуют данные, приведенные в таблице 1, первое место в иерархии типов семантического переноса в ямайском и багамском креолях принадлежит метонимии. В ямайском и багамском креолях метонимия составляет соответственно 45,01% и 38,52% от общей выборки. Вторую позицию в иерархии типов семантического переноса занимает

метафора. В ямайском и тринидадском креолях ее употребительность составляет 29,36% и 29,93% выборки соответственно. В багамском креоле метафора встречается в 23,45% выборки. Наименьшее количество примеров семантического развития связано с каламбурами во всех трех креолях: в ямайском – 0,28%, в тринидадо-тобагском креоле – 0,36% и в багамском креоле – 0,72%. Это можно объяснить тем, что для историзмов нетипично соединение в одном контексте различных значений одного слова или сходных в звучании слов – омонимов или паронимов.

2.1. ЛСГ «Корабельное братство». Важную роль в жизни негров Вест-Индии играли новые социальные связи, возникшие на вест-индской почве. Одним из примеров может послужить «братство по кораблю», объединявшее рабов, которые пересекли океан в одном и том же невольничьем судне.

В ямайском креоле лексема *shipmate* выступает в роли историзма в значении 'раб-соплеменник, привезенный из Африки на том же корабле, что и его товарищ' [Cassidy, 1967: 406]. Семантическое развитие производного значения *shipmate* в ямайском креоле происходит от английского слова *shipmate* 'товарищ по плаванию на корабле' путем сужения значения: англ. *shipmate* 'товарищ по плаванию на корабле' → специализация значения → ЯмКр *shipmate* (ист.) 'корабельный брат; раб-соплеменник, привезенный из Африки на том же корабле, что и его товарищ'.

В словаре ямайского креоля отмечается, что слово *shipmate* относится к пассивному словарному составу. Живым синонимом слова *shipmate* является *pasiero, pasayro*. В ЯмКр слово *pasiero* (< исп. *pasajero* → порт. *passajeiro*) обозначает 'путешественник, пассажир'. Вероятно, исходное значение у лексической единицы *pasiero* то же, что и у слова *shipmate* 'товарищ по плаванию на корабле; корабельный брат', но сейчас оно обозначает: *A good friend or companion* [Cassidy, 1967: 341] 'хороший друг или товарищ'.

Семантическое развитие ямайского заимствования ЯмКр *pasiero* происходит от исходного испанско-португальского заимствования и может быть представлено в виде следующей модели: исп.-порт. *pasajero* 'товарищ по плаванию на корабле' → расширение значения → ЯмКр *pasiero, pasiera, passeiro* 'путешественник, пассажир'.

На основании вышесказанного можно заключить, что слово *shipmate* – историзм. Слово ЯмКр *pasiero* является синонимом слова *shipmate* в значении «хороший друг или товарищ», но не в значении *shipmate* «раб-соплеменник, привезенный из Африки на том же корабле, что и его товарищ».

В тринидадо-тобагском креоле слово *jahaji, jehaji* обозначает ‘тот, кто плыл из Индии в Тринидад на одном и том же корабле с кем-то’ и имеет синоним *shipmate* ‘товарищ / брат по кораблю’.

В хинди словосочетание *jahaji bhai* обозначает *a shipmate friend* ‘брат по кораблю’. Например: *They come on the same boat from India. They was «jahaji bhai» – brothers in the journey. They was more than brothers* [Winer, 2009: 459]. ‘Они приехали из Индии на одном и том же корабле. Они – корабельные братья. Они – более, чем братья по крови’.

Таким образом, в тринидадо-тобагском креоле слова *shipmate, jahaji bahin* ‘корабельная сестра или подруга’ образуют синонимическую пару, а слова *shipmate, jehaji, jahaji bhai* ‘корабельный брат’ образуют один синонимический ряд, выступая в функции историзмов.

2.2. ЛСГ «Жилище и постройки рабов». Семантическое развитие тринидадо-тобагского историзма *logie* от фр. *logis* ‘жилье’ можно представить в виде следующей записи: фр. *logis* ‘жилье’ → сужение значения → ТрТКр *logie* ‘a long tenement building constructed flat on the ground, comprising ten to twenty rooms, originally designed to house slav families and later, indentured labour on sugar estates, each room housing one family’ [Winer, 2009: 538] ‘многоквартирный дом, сдаваемый в аренду, построенный без фундамента, предназначенный для размещения семей рабов, а позже – законтрактованных работников на плантациях сахарной свеклы’.

В ямайском креоле историзм *Negro house* (ист.) обозначает Any of the houses in which the slaves were housed on an estate [Cassidy, 1967: 318] ‘любой из домов, в котором жили рабы на территории поместья рабовладельца’. Семантическое развитие *Negro house* (ист.) происходит путем расширением значения. Например: 1839 г. *Buckra constant punish we, only for saying prayers in negro-house* [Cassidy, 1967: 318]. ‘Белые постоянно нас наказывают только за то, что мы молимся в доме’.

В багамском креоле историзм *solitaire* имеет значение a building for keeping slaves in solitary confinement [Holm, 1982: 189] ‘постройка, в которой содержались рабы в одиночных камерах’. Например: 1888 г. *Near his house is still standing what is called a solitaire, where the slaves used to be locked up in solitary confinement* [Holm, 1982: 189]. ‘Возле его дома все еще стоит постройка, в которой содержались рабы в одиночных камерах’. Данное багамское значение происходит от английского значения *solitaire* ‘человек, живущий в уединении; отшельник’.

Семантическое развитие багамского историзма *solitaire* ‘постройка, в которой содержались рабы в одиночных камерах’ от англ. *solitaire* ‘человек, живущий в уединении; отшельник’ происходит путем метонимизации.

2.3. Историзмы ЛСГ «Одежда рабов». В Вест-Индии в тринидадо-тобагском креоле для одежды рабов использовалась ткань под названием *salampore*. *Salempore* 1) A blue cotton cloth formerly made at Nellore in India [Winer, 2009: 779] ‘хлопковая ткань синего цвета, которую производили в индийском г. Неллоре’. *Salempore* 2) A blue cotton cloth largely exported to the West Indies, where it was the usual slave cloth [Winer, 2009: 779]. ‘Хлопковая ткань синего цвета, которую в больших количествах экспортировали в Вест-Индию, где ее использовали как ткань для одежды рабов’.

Семантическое развитие тринидадо-тобагского историзма *salampore* от исходной индийской лексической единицы происходит путем метонимизации и может быть представлено в виде следующей метонимической модели: инд. *salampore* ‘хлопковая ткань синего цвета, которую в былые времена производили в индийском г. Неллоре’ → метонимия → ТрТКр *salampore* ‘хлопковая ткань синего цвета, которую в больших количествах экспортировали в Вест-Индию, где ее использовали как ткань для одежды рабов’.

В ямайском креоле имеется историзм *Osnaburg*. ЛСВ-1 *Osnaburg*. A town and district in North Germany, noted for its manufacture of linen [Allsopp, 1996: 419]. ‘Город и район в Северной Германии, известный производством льняного полотна’. ЛСВ-2 *osnaburg*. Thick coarse cloth, such as is used for prisoners’ clothes and for the clothing of slaves [Cassidy, 1967: 332-333]. ‘Плотная, грубая ткань, из которой шили одежду для заключенных и рабов’.

Семантическое развитие производного заимствования-историзма ЯмКр ЛСВ-2 *osnaburg* ‘плотная, грубая ткань, из которой шили одежду для заключенных’ от нем. ЛСВ-1 *Osnaburg* ‘наименование г. Оснабург в Германии’ можно представить в виде следующей метонимической модели: нем. *Osnaburg* ‘наименование г. Оснабург в Германии, где эта ткань производилась’ → метонимия → ЯмКр *osnaburg* ‘плотная, грубая ткань, из которой шили одежду для заключенных и рабов’.

В багамском креоле семантическое развитие заимствования-историзма *osnaburg* [Holm, 1982: 148]. ‘Грубая, бесформенная одежда, изготовленная из мешковины’ происходит путем метонимизации и может быть представлена в виде метонимической модели: нем. *Osnaburg* ‘наименование города Оснабург в Германии’ → метонимия → БагамКр *osnaburg* ‘грубая, бесформенная одежда, изготовленная из мешковины’. В основе данной модели – метонимическая формула «место → изделие».

2.4. ЛСГ «Праздники рабов». В багамском креоле встречается наименование праздника Джанкану. Праздник *Junkanoo*, *John Canoe* [язык эве *kuni* ‘похоронная

церемония»; *jaangkunu* – formerly a dance performed at a memorial feast for the dead, later at Christmas [Holm, 1982:117]; креоль побережья Мискито *jaangkunu* ‘в прошлом это был танец, исполняемый на поминках по усопшим, а затем в Рождество’]. ЛСВ-1 *Junkanoo, John Canoe*. A festival between Christmas and New Year with groups of participants in fantastic crepe-paper costumes dancing in rhythm to their drummer, blowing whistles [Holm, 1982: 117]. ‘Праздник в период между Рождеством и Новым годом, когда группы участников в маскарадных костюмах из гофрированной бумаги танцуют под бой барабана и свистят в свистки’.

Семантическое развитие производного значения в багамском креоле в соответствии с метонимией может быть представлено в виде следующей метонимической модели: креоль побережья Мискито *jaangkunu* – ‘(в прошлом) танец, исполняемый на поминках по усопшим, а затем в Рождество’ → метонимия → БагамКр *Junkanoo* ‘праздник в период между Рождеством и Новым годом, когда группы участников в маскарадных костюмах из гофрированной бумаги танцуют под бой барабана и свистят в свистки’.

В ямайском креоле также известен праздник под названием *John Canoe* (название праздника происходит от слова в языке эве: ‘*dzono* ‘колдун’ + *ko+nu* ‘причина смерти’ или *dzonko* ‘колдун’+*nu* ‘человек’ = ‘шаман’). Например: 1818 г. *Junkanoo* ЛСВ-2 *The house or houseboat carried by the John Canoe dancer* [Cassidy, 1967: 249]. ‘Дом или плавучий дом, макет которого носит танцор праздника Джанкану’.

Семантическое развитие производного ямайского значения из западноафриканского ЛСВ может быть представлено в соответствии со следующей метонимической моделью: язык эве *Junkanoo* ‘шаман’ → ЯмКр *Junkanoo* ‘главный танцор с макетом плавучего дома’ → метонимия → ЯмКр *Junkanoo* ‘(плавучий) дом, макет которого носит танцор праздника Джанкану’.

В тринидадо-тобагском креоле известно наименование праздника XIX века *Canboulay, Camboulay, Cannes Brulees* [Winer, 2009: 163]. ‘Празднование освобождения от рабства (1 авг. 1838 г.)’. Семантическое развитие ТрТКр *Cannes Brulees* ‘празднование освобождения от рабства’, происходящее от ФрКр *Cannes Brulees* ‘сожженный тростник’ («часть») и его перенос на весь праздник («целое») происходит при помощи синекдохи и может быть представлено в виде следующей синекдохической модели: фр. *Cannes Brulees* ‘сожженный тростник’ → ФрКр *Cannes Brulees* ‘тростник горит’ → синекдоха → ТрТКр *Canboulay, Camboulay, Cannes Brulees* ‘празднование освобождения от рабства’.

2.5. В багамском креоле историзм *driver* образован от *slave driver*. *Driver* ЛСВ-1 *a slave driver* [Holm, 1982: 117]. ‘Надсмотрщик рабов’; *driver* ЛСВ-2 *head of a work gang*

[Holm, 1982: 117]. ‘Десятник рабочей бригады’. Благодаря эллипсу словосочетания *slave driver* ‘надсмотрщик рабов’ возникает историзм БагамКр *driver* ‘надсмотрщик рабов’, образованный путем метонимизации.

В тринидадо-тобагском креоле историзм *boatswain* имеет значение: *usine foreman in charge of grinding sugar cane* [Winer, 2009: 101]. ‘Начальник цеха на фабрике по очистке сахара, который руководит работами по перемалыванию сахарного тростника’. Например: *Her accomplice was the Captain of the mill (or Boatswain as a man in charge of the grinding of the cane was sometimes called)*. [Winer, 2009: 101]. ‘Ее сообщником был руководитель фабрики (или начальник – так иногда называли ответственного за перемалывание тростника)’.

В ямайском креоле историзм *boatswain* имеет следующие значения. *Boatswain* ЛСВ-1 *One of the officers on a sugar estate formerly in charge of a slave gang or overseeing the work of the sugar mill* [Cassidy, 1967: 57]. ‘Один из ‘чиновников’ поместья при сахарной фабрике, который в былые времена возглавлял бригаду рабов или был надсмотрщиком на сахарном заводе’. Например: 1839 г. *He then called the boatswain of the yard, to punish all hands in the boiling-house* [Cassidy, 1967:57]. ‘Затем он позвал начальника поместья, чтобы тот наказал всех работников цеха по выпариванию тростникового сока’.

В качестве «морского» термина *boatswain* обозначает: *An officer in a ship who has charge of the sails, rigging, etc., and whose duty it is to summon the men to their duties with a whistle* [COED, 1993: 152/345]. ‘Офицер корабля, который отвечает за паруса, оснастку корабля и т. д. и в обязанности которого входит созывать моряков для выполнения служебных обязанностей при помощи свистка’. Например: 1685 г. *The merry Boson from his Side His whistle takes* [COED, 1993: 152/345]. ‘Веселый боцман из кармана достает свисток’.

Семантическое развитие ямайского и тринидадо-тобагского значения от исходного английского ЛСВ путем функционального переноса можно представить в виде следующей модели: англ. *boatswain* ‘офицер, который отвечает за оснастку корабля, и который созывает моряков при помощи свистка для выполнения служебных обязанностей’ → функциональный перенос → ЯмКр *boatswain* (ист.) ‘один из ‘чиновников’ поместья при сахарной фабрике, который в былые времена возглавлял бригаду рабов или был надсмотрщиком на фабрике’.

2.6. ЛСГ «Наименования видов обуви». В ямайском креоле историзм *done-promote* (шутливое) обозначает *sandals made from worn-out automobile tyres* [Cassidy, 1967: 156]. ‘Сандалии, изготовленные из резины изношенных автомобильных покрышек’. В словаре

COED отмечается, что перфектные формы с «Причастием II *done* + Инфинитив» наблюдались на севере Англии и у шотландских поэтов XVI века. Например: 1578 г. *And many other false abusion the Paip has done invent* [COED, 1993: 461/906]. 'Много других вероломных обвинений придумал Папа Римский'.

Семантическое развитие производного значения историзма ЯмКр *done-promotes* 'сандалии, изготовленные из резины изношенных автомобильных шин' можно представить в виде следующей метафорической модели: англ. архаичный перфект XVI века «*done + promote*» → субстантивация → ЯмКр *done-promotes* → метафора → ЯмКр *done-promotes* 'сандалии, изготовленные из резины изношенных автомобильных покрышек'.

В тринидадо-тобагском креоле в ЛСГ «Наименования видов обуви» (далее НВО) входит вид обуви *alpargatas*. Семантическое развитие заимствования ТрТКр *alpargat(a)*: A kind of flat leather or rubber-soled sandal (originally with a woven rope sole), with a woven (usually patterned), or canvas top-strap [Winer, 2009: 101]. 'Сандалии на кожаной или резиновой подошве с плетеным или парусиновым ремешком' от испанского ЛСВ *alpargata* 'сандалия с подошвой из конопли' происходит в соответствии с сужением значения.

В багамском креоле НВО представлены историзмом *wumpers* – the sandal made from the rubber of a car tyre [Holm, 1982: 225]. 'Сандалии, изготовленные из твердой резины автомобильных покрышек'. Например: *The wumpus is cut of the hard casing of the tyre. It is held on by a cord.* 'Этот вид обуви вырезают из твердых покрышек. Он крепится к ноге шнуром'.

3. Выводы

3.1. В работе исследованы лексико-семантические особенности багамского, тринидадо-тобагского и ямайского карибских креолов на англоязычной основе. В каждом креоле исследовались заимствования-историзмы.

3.2. Каждый из исследованных креолов обслуживает полиэтническое многонациональное государство, в котором существование большого количества разных этносов становится фактором, влияющим на этнолингвистическую ситуацию.

Особенностью заимствований ККАО является то, что Ямайка, Тринидад и Тобаго, Багамские острова – полиэтнические многонациональные государства. Разными этносами внутри каждой из вышеназванных карибских стран используются азиатские, европейские языки, а также слова и выражения из африканских языков. Поэтому чужеродная лексика этих языков легко проникает в каждый из исследуемых креолов в качестве заимствований.

3.3. В системе карибских креолов на англоязычной основе обнаружены изоморфные черты. К изоморфным чертам багамского, тринидадо-тобагского и ямайского креолов на англоязычной основе относятся пройденные ими процессы пиджинизации и креолизации.

3.4. Карибским креолям на англоязычной основе – багамскому, тринидадо-тобагскому и ямайскому присуща особая форма диглоссии – посткреольский континуум. Жителей карибских островов, разговаривающих на данных креолях в быту, обучают в системе среднего и высшего образования с помощью эталонного английского языка, с которым названные креоли имеют родственные связи. Это означает, что на Ямайке, Багамских островах, в Тринидаде и Тобаго сосуществуют две формы речи, т. е. в этих странах языковая ситуация характеризуется наличием диглоссии. При этом английский язык (в качестве акролекта) используется как официальный. Жители среднего класса разговаривают на мезолекте – подъязыке среднего класса. Люди с низким уровнем образования и низким социальным статусом используют базилект, называемый ломанным английским языком или патуа. Переход в каждом креоле с акролекта на мезолект или базилект – типичный пример диглоссии или посткреольского континуума в исследуемых ККАО.

3.5. В работе были выявлены системные пути развития заимствований-историзмов. Для заимствований-историзмов характерны различные способы семантической деривации, такие, как метафора, метонимия, синекдоха.

3.6. Случаи, когда в заимствующем креольском языке слово получает значение, которого оно не имело в языке, из которого пришло, объясняются дальнейшим развитием значения в креольском языке.

3.7. В рассматриваемых креолях доля заимствований из западно-африканских языков наиболее высокая в багамском креоле. Африканский субстрат в багамском креоле ярко выражен и присутствует более, чем в половине вокабуляра. Это объясняется тем, что 9/10 населения Багам составляют мулаты и чернокожие, потомки африканских рабов, привезенных на острова в XVIII–XIX веках. В их речи – высокий процент заимствований из западноафриканских языков. Доля заимствований из азиатских языков является наибольшей в тринидадо-тобагском креоле. Вокабуляр тринидадо-тобагского креоля включает половину лексики из хинди. Это объясняется тем, что половину населения в Тринидаде и Тобаго составляют индусы. Доля заимствований из европейских языков наиболее высокая в ямайском креоле. Пятую часть населения страны составляют европейцы, представляющие различные группы буржуазии. В их руках сосредоточивается значительная часть богатств страны. В большинстве своем это выходцы из Англии.

3.8. Для трех креолей моделями метафорического переноса наименований заимствований-историзмов являются: 1) по сходству формы, внешнего вида; 2) по сходству функции; 3) по характерному признаку; 4) по сходству местоположения;

5) по сходству структуры действия; б) модель «животное → человек».

Для трех креолов универсальными моделями метонимического переноса заимствований-историзмов являются: а) место; населенный пункт → изделие из него; б) материал → изделие из него; в) человек → помещение его проживания; г) танец (в прошлом) → мероприятие, праздник; д) растение → пищевой продукт из этого растения; е) помещение → то, что в нем содержится; ж) вещество → болезнь, вызванная данным веществом; з) действие → результат действия; и) емкость → количество входящего в нее вещества; к) имя открывателя → его изобретение; л) цвет → человек с данным цветом кожи; м) приметы внешности → человек с этими приметам; н) черты характера человека → человек определенной расы с этими чертами характера; о) помещение → то, что в нём содержится; п) имя открывателя → его изобретение.

Моделью синекдохического переноса наименований заимствований-историзмов является: *Cannebrulee* (часть) праздника «сжигание тростника» → *Cannebrulee* (целое) «праздник освобождения от рабства» (с символическим сжиганием тростника).

3.9. Уникальными представляются следующие модели метафорического переноса заимствований-историзмов: английская субстантивированная «модель архаичного перфекта с вспомогательным *done*» способствовала созданию историзмов со значением «вид обуви из автомобильных покрышек». Эта модель представляет собой зону алломорфных признаков.

Данное исследование не исчерпывает рассматриваемой проблематики. Перспективу дальнейшего исследования представляет сопоставительный анализ семантических особенностей заимствований-инноваций и заимствований-архаизмов других креольских языков.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алпеева Л. С. Художественные функции архаизмов и историзмов в произведениях В.М. Шукшина // Научно-электронный журнал «Концепт». 2019. № 7. С. 187-196.
2. Гуревич В. В. «Новое» и «старое» и их отношение к «началу» // Логический анализ языка. Семантика начала и конца. Москва: Индрик, 2002. С. 56-60.
3. Лэй Х. Лексический и культурологический аспекты описания историзмов (на материале русского и китайского языков) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2018. № 1 (79). Ч. 2. С. 387-389.
4. Николаева А. М. Устаревшая лексика в якутском историческом романе В. С. Яковлева-Далана «Тыгын Дархан» // Мир науки, культуры, образования. 2019. № 1 (74). С. 393-401.
5. Осипова А. Д. Устаревшая лексика в русском современном языке (на материале толковых словарей) // Молодой ученый. Февраль, 2020. № 7 (297). С. 280-281.

6. Чжан Кэ. Понимание термина заимствованное слово в русской и китайской лингвистике // Вестник РУДН. Серия: Теория языка, семиотика, семантика. 2017. Т. 8. № 3. С. 724-734.

7. Шмелёв Д. Н. Архаические формы в современном русском языке // Избранные труды по русскому языку. Москва: Языки славянской культуры, 2002. С. 531-650.

8. Chiru Costin Gabriel, Rebedea Traian. Archaisms, historicisms and neologisms identification in texts. Bucharest: PUB. Romania, Sept. 2018. Available at: https://www.academia.edu/17228418/Archaisms_and_neologisms_identification_in_texts. (accessed: 10.03.2021).

9. Colombet M. A. Archaism as a Lexical Unit of the English Language // Молодой ученый. 2019. № 10 (248). С. 150-152. Available at: <https://moluch.ru/archive/248/56982/>. (accessed: 10.03.2021).

10. Tichý Ondřej. Lexical obsolescence and loss in English: 1700-2000 // Applications of Pattern-driven Methods in Corpus Linguistics. John Benjamins Publishing Co, 2018. P. 81-103. Available at: <https://doi.org/10.1075/scl.82.04tic>. (accessed: 10.03.2021).

11. Vinet Marie-Thérèse. Lexique, emprunts et invariants: une analyse theorique des anglicismes en Francais du Quebec // Revue québécoise de linguistique. 1996. Vol. 24. Issue°2. P. 165-181.

12. Fouad Seridj. De l'intégration des emprunts français à l'anglais // Synergies Algérie. 2019. No.°19. P. 197-213.

СПИСОК ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ

1. Филин Ф. П. Русский язык. Энциклопедия. Москва: Советская Энциклопедия, 1979. 432 с.

2. Allsopp R. Dictionary of Caribbean English Usage. Oxford University Press, 1996. 697 p.

3. Cassidy F. G. Dictionary of Jamaican English. Cambridge at the Univesity Press, 1967. 487 p.

4. Compact Oxford English Dictionary. Complete text reproduced micrographically. Second edition. Oxford: Published in the USA by Oxford University Press, Inc.; New York, 1993. 2572 p. [COED].

5. Holm A. John. Dictionary of Bahamian English. New York, 1982. 228 p.

6. Winer L. Dictionary of the English / Creole of Trinidad and Tobago on historical principles. London, 2009. 1041 p.

REFERENCES

1. Alpeeva, L. S. (2019). Khudozhestvennyye funktsii arkhazimov i istorizmov v proizvedeniyakh V. M. Shukshina [Artistic functions of archaisms and historisms in V. M. Shukshin's works]. In *Nauchno-elektronnyy zhurnal «Kontsept»*. No. 7. Pp. 187-196. (In Russ.).

2. Gurevich, V. V. (2002). «Novoe» i «staroe» i ikh otnoshenie k «nachalu» [«The new» and «the old» and their relation to the «beginning»]. In *Logicheskii analiz yazyka. Semantika nachala i kontsa*. Moskva: Indrik. Pp. 56-60. (In Russ.).

3. Lai, H. (2018). Leksicheskiy i kulturologicheskiy aspekty opisaniya istorizmov (na materiale russkogo i kitayskogo yazikov) [Lexical and cultural aspects of historisms (on the material of Russian and Chinese)]. In *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. Tambov. Gramota. No. 1 (79). Ch. 2. Pp. 387-389. (In Russ.).

4. Nikolayeva, A. M. (2019). Ustarevshaya leksika v yakutskom istoricheskom romane V. S. Yakovleva-Dalana «Tygyn Darkhan» [Obsolescent words in the Yakut historical novel «Tygyn Darkhan» by V. S. Yakovleva-Dalan]. In *Mir nauki, kultury, obrazovaniya*. No. 1 (74). Pp. 393-401. (In Russ.).

5. Osipova, A. D. (2020). Ustarevshaya leksika v russkom sovremennom yazyke (na materiale tolkovykh slovarey) [Obsolescent words in Modern Russian (on the material of explanatory dictionaries)]. In *Molodoy uchonyy*. No. 7 (297). Pp. 280-281. (In Russ.).
6. Chian, Kai. (2017). Ponimanie termina zaimstvovannoe slovo v russkoy i kitayskoy lingvistike [Explanation of the term “borrowing” in Russian and Chinese linguistics]. In *Vestnik RUDN. Teoriya yazyka, semiotika, semantika*. T. 8. No. 3. Pp. 724-734. (In Russ.).
7. Shmelev, D. N. (2002). Arkhaicheskie formy v sovremennom russkom yazyke [Archaic forms in Modern Russian]. In *Izbrannyye trudy po russkomu yazyku*. Moskva: Yazyki slavyanskoy kultury. Pp. 531-650. (In Russ.).
8. Chiru, Costin Gabriel, Rebedea, Traian. (2018). *Archaisms, historicisms and neologisms identification in texts*. Bucharest: PUB. Romania, Sept. Available at: https://www.academia.edu/17228418/Archaisms_and_neologisms_identification_in_texts. (accessed: 10.03.2021).
9. Colombet, M. A. (2019). Archaism as a Lexical Unit of the English Language. In *Molodoy uchenyy*. No. 10 (248). Pp. 150-152. Available at: <https://moluch.ru/archive/248/56982/>. (accessed:10.03.2021).
10. Tichý, Ondřej. (2018). Lexical obsolescence and loss in English: 1700-2000. In *Applications of Pattern-driven Methods in Corpus Linguistics*. John Benjamins Publishing Co. Pp. 81-103. Available at: <https://doi.org/10.1075/scl.82.04tic>. (accessed: 10.03.2021).
11. Vinet, Marie-Thérèse. (1996). Lexique, emprunts et invariants: une analyse theorique des anglicismes en Francais du Quebec. In *Revue québécoise de linguistique*. Vol. 24. Issue^o2. Pp. 165-181.
12. Fouad, Seridj. (2019). De l'intégration des emprunts français à l'anglais. In *Synergies Algérie*. No.^o19. Pp. 197-213.

LEXICOGRAPHIC SOURCES

1. Filin, F. P. (1979). *Russkiy yazyk. Entsiklopediya* [Russian Language. Encyclopedia]. Moskva: Sovetskaya Entsiklopedia. (In Russ.).
2. Allsopp, R. (1996). *Dictionary of Caribbean English Usage*. Oxford University Press.
3. Cassidy, F. G. (1967). *Dictionary of Jamaican English*. Cambridge at the Univesity Press.
4. *Compact Oxford English Dictionary*. Complete text reproduced micrographically. Second edition. Oxford: Published in the USA by Oxford University Press, Inc.; New York.
5. Holm, A. John. (1982). *Dictionary of Bahamian English*. New York.
6. Winer, L. (2009). *Dictionary of the English / Creole of Trinidad and Tobago on historical principles*. London.

Дроздов Владимир Александрович – доктор филологических наук, доцент, доцент кафедры теории и практики перевода (v.drozdov@donnu.ru), Государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Донецкий национальный университет» 283001, Донецк, Университетская, 24.

Drozdov Vladimir A. – Doctor of Philology, Associate Professor, Associate Professor of Translation Studies Department (v.drozdov@donnu.ru), State Educational Institution of Higher Professional Education «Donetsk National University» 24 Universitetskaya Str., Donetsk, 283001.

Поступила в редакцию 05 мая 2021 г.

СЕМАНТИКА ГЛАГОЛОВ «УДАЛЕНИЯ» В АНГЛИЙСКОМ, НЕМЕЦКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

Данная статья посвящена описанию семантики одного из типов локативных глаголов, а именно глаголов «удаления», в английском, немецком и русском языках. В работе осуществлена семантическая классификация глаголов «удаления» на основании их дифференциальных признаков: характер субъекта, движения и исходной точки, способ передвижения, скорость удаления и т. д. Определена степень продуктивности, выделенных семантических групп.

Ключевые слова: глагол удаления, семантика, классификация, продуктивность.

©2021 А. Э. Исаева

‘VERBS OF LEAVING’ SEMANTICS IN ENGLISH, GERMAN AND RUSSIAN

This article deals with the semantics description of one of the types of locative verbs, the so called verbs of leaving in English, German and Russian. Verbs of leaving have been classified on the basis of their differential semantic features: the subject, movement and starting point character, manner of movement, speed of leaving, etc. The productivity degree of the semantic groups under study has been analyzed.

Key words: verbs of leaving, semantics, classification, productivity.

1. В работе рассматриваются глаголы «удаления» (далее ГУ), то есть глаголы типа: (1) англ. *to run away* ‘убегать’, *to clear off* ‘уходить прочь’; (2) нем. *loslaufen* ‘убегать’, *abstinken* ‘уходить’; (3) рус. *убегать*, *уходить*.

Категория локативности связана с человеческим восприятием окружающего мира, пространственных характеристик и отражением их в речи, что предопределяет интерес к изучению форм проявления локативности [Бондарко, 1996; Падучева, 1999; Смирницкий, 1953]. Локативные глаголы составляют ядро речевых средств, отражающих пространственные отношения.

Локативность как семантическая категория находит выражение как на грамматическом, так и на лексическом уровне. Она выражается падежными формами имён существительных, предложными конструкциями, существительными с семантикой локативности, глаголами, наречиями, предлогами и т. д. [Бондарко, 1978].

С точки зрения исследования локативных глаголов немецкий, английский и русский языки несколько различаются. Глагольная локативность рассматривается в исследованиях лингвистов с позиции словообразования [Егорочкина, 2011; Замошина, 2010; Морозова, 1981; Неद्याлков, 1969; Юханов, 1971; Fillmore, 1989; Fleischer, 1995; Kaliuščenko, 2000].

В английском и немецком языках локативные глаголы изучаются с позиции семантической структуры [Плунгян, 2002; Смирницкий, 1953], анализируются их валентные и синтаксические особенности [Ибрагимова, 1975; Hess, 2007; Wunderlich, 1985], локативные глаголы с точки зрения типологии исследуются в работах [Майсак, 2005; Плунгян, 2002; Шамне, 2000; Hess, 2007].

С другой стороны, рассматриваемые глаголы «удаления» представляют собой один из разрядов глаголов движения. Таким образом, они объединяют в себе признаки двух характеристик: изменение местоположения относительно начальной точки и выраженный характер движения от исходной точки.

Актуальность данной работы обусловлена необходимостью сопоставительного изучения различных типов локативных глаголов, в том числе установления набора признаков семантики, определения степени продуктивности типов и подтипов локативных глаголов.

Объектом исследования выступают ГУ со значением «покидать начальное место» в английском, немецком и русском языках.

Материал получен путём сплошной выборки из толковых словарей английского [Collins Cobuild Dictionary of Phrasal Verbs, 1996; Dictionary of English Phrasal Verbs and their Idioms, 1974], немецкого [Pons-Wörterbuch der deutschen Umgangssprache, 1977] и русского [Толковый словарь русских глаголов: Идеографическое описание. Английские эквиваленты. Синонимы. Антонимы, 1999] языков. Общий объём словарной выборки составил 279 ГУ, из них в английском языке – 78 единиц, в немецком – 123 единицы; в русском – 78 единиц.

2. К локативным глаголам относятся глаголы движения, позиционные и глаголы перемещения [Майсак, 2005: 102]. В работе В.Д. Калиущенко «От лингвистической типологии к исторической лингвистике» локативные глаголы выражены шестью основными типами:

1. « S_1 есть (находится) в/у/на (месте) S_m »;
2. « S_1 не есть в/у/на S_m »;
3. « S_1 начинает быть в/у/на S_m »;
4. « S_1 начинает не быть в/у/на S_m »;
5. « S_1 каузирует S_2 быть в/у/на S_m »;
6. « S_1 каузирует S_2 не быть в/у/на S_m » [Калиущенко, 2016: 195].

Существуют подходы, разграничивающие понятия движения и перемещения [Плунгян, 2002: 60; Никитин, 1997: 121-122; Wunderlich, 1985: 68-72]. Так, к глаголам движения (Obergruppe Der Bewegungsverben) относят глаголы, указывающие на способ

изменения расположения и обозначают «хаотичное» движение, например, *идти*, *ползть*, а глаголы перемещения (Fortbewegungsverben) указывают на определённое направление движения относительно фиксированной точки, например, *оставлять*, *уходить* [Maierborn, 1992: 135].

3. Глаголы «удаления» могут быть описаны формулой толкования (далее ФТ) «S₁ покидает Loc» или иначе «S₁ начинает не быть в/у/на S_m» [Калиущенко, 2016: 195].

Ситуация, выражаемая ГУ, включает следующие семантические актаны: субъект (S), исходная точка (Loc), дистанция пути (T), а также объекты, в том числе препятствия на дистанции пути (O).

Семантика ГУ может содержать семы или семантические признаки:

1. Характер субъекта (одушевлённый / неодушевлённый; лицо / не-лицо; единичный / множественный);

2. Характер исходной точки (помещение, из или от которого осуществляется движение; местоположение; исходная точка, от которой осуществляется движение на вертикальной или на горизонтальной поверхности);

3. Характер движения (пешком, бегом и т. д.);

4. Способ передвижения (с / без использования транспортного средства);

5. Скорость передвижения (медленно, быстро и т. д.);

6. Причина (цель) удаления (путешествие, эмиграция, опасность и т. д.);

7. Конечная точка и её характер.

4. Семантика глаголов моделируется с помощью ФТ. ГУ обнаруживают большое количество семантических групп, выделяемых на основе семантических характеристик глагола, по способу удаления, среде и т. д. В данной статье представлены описания наиболее продуктивных семантических групп ГУ в английском, немецком и русском языках, которыми выступают ГУ с ФТ: «S быстро покидает Loc», «S, спасаясь бегством, покидает Loc», «S незаметно покидает Loc», «S покидает Loc и двигается пешком, бегом / на транспорте наружу».

4.1. ГУ с ФТ «S быстро покидает Loc»

Особенностью ГУ данной семантической группы является наличие в их семантической структуре семы «быстро / hurriedly / rasch». Субъект данных ГУ покидает начальное место в пространстве либо автономно (т. е. быстрым шагом, бегом), либо неавтономно, т. е. на определенном виде транспорта. Субъектом движения выступает чаще единичное лицо (человек) или не-лицо (животное, транспорт), реже – множественный субъект.

Так, ГУ *to scurry away* в своём толковании <(of a person or small animal) move hurriedly with short quick steps ‘(о человеке или маленьком животном) быстро перемещаться короткими быстрыми шагами’> содержит сему *hurriedly* ‘быстро, поспешно’, которая указывает на скорость передвижения субъекта, а послелог *away* указывает на то, что субъект удаляется прочь от исходной точки, что подчёркивается в примере (4) *He scurried away as fast as his legs would carry him* ‘Он убежал так быстро, как только мог унести ноги’.

В немецком языке ГУ *abfegen* образован от глагола *fegen* ‘мчаться’ и с присоединением к нему приставки *ab-* получил толкование <*rasch davonlaufen, -fahren* ‘быстро убежать, уезжать’> и содержит в своей семантике сему «*rasch* ‘быстро, стремительно’»: (5) *Er ist mit dem Motorrad abgefegt* ‘Он умчался на мотоцикле’.

Глагол удаления в русском языке *бежать* в своём словарном толковании <двигаться, удаляться откуда-л. быстро, поспешно, беспорядочно> также имеет семантическую характеристику «быстро»: (6) *Торопясь к чаю с вареньем, Андрюша бежит сломя голову из песочницы на веранду.*

Немецкие ГУ данной группы насчитывают 27 единиц и являются более продуктивными по сравнению с английскими ГУ (19 единиц) и русскими ГУ (17 единиц).

4.2. ГУ с ФТ «S, спасаясь бегством от чего-л., покидает Loc»

ГУ с данной ФТ описывают ситуацию, в которой обычно одушевлённый субъект (лицо) быстро покидает определённое место (Loc), пытаясь избежать какой-либо опасности (стихии, катастрофы, ареста и т. п.), спасая т.о. свою жизнь и т. п. Глаголов с данной семантикой в английском языке насчитывается 16 единиц, в немецком языке – 12 единиц и в русском языке – 4 единицы.

В английском языке глагол *to break away* выражает в своём толковании <escape from someone's hold ‘убежать из чьего-л. заточения’> удаление из какого-либо нежелательного места синонимичным глаголом *to escape*, что показано в примере (7) *The criminal broke away from the policemen who were holding him* ‘Преступник вырвался из рук полицейских, которые держали его’.

В немецком языке данная группа представлена, в частности, глаголом *fliehen*, который имеет семантическую характеристику *vor Gefahr in Sicherheit* ‘от опасности в безопасность’ в толковании <*sich eilig entfernen, um sich vor einer Gefahr in Sicherheit zu bringen, davonlaufen* ‘спешить, чтобы уйти от опасности, убежать’>, что указано в примере (8) *Er hetzte seine Kitawala-Freunde auf, mich keinesfalls davonkommen zu lassen. Aber ich*

schaffte es, zu fliehen, bevor ich ihnen in die Hände fiel 'Он подстрекал своих китавальских друзей не дать мне уйти, но мне удалось убежать и не попасть в их руки'.

В русском языке глагол *бежать* имеет толкование <в панике отступить, покидать поле боя>. В примере указана причина удаления – «спасение жизни от какого-либо бедствия»:
(9) *Так громче, музыка, играй победу, // Мы победили, и враг бежит, бежит, бежит!*

4.3. ГУ с ФТ «S незаметно / тайком покидает Лос»

При выделении данной смысловой группы существенным является наличие одушевлённого субъекта (лицо) и способ его удаления («незаметно / тайно»). В немецком языке насчитывается 17 ГУ, в то время как в русском языке – 5 ГУ, а в английском – 7 ГУ.

В английском языке глагол *to slip away* имеет в своём толковании <leave quietly or surreptitiously 'уйти тихо или тайно'> имеет сему *surreptitiously* 'тайно', которая указывает на характер передвижения, что продемонстрировано в примере (10) *I'd like to slip away before the end of the meeting* 'Я хочу улизнуть до конца собрания'.

В немецком языке у рефлексивного глагола *sich verdrücken* в толковании <*sich unauffällig, heimlich davonmachen, entfernen* 'незаметно, скрытно удаляться'> основной характеристикой передвижения является сема *heimlich* 'скрытно', что и выражено в примере (11) *Er hat sich feige verdrückt* 'Он незаметно трусливо улизнул'.

ГУ *улизнуть* в русском языке в своём толковании <удалиться откуда-л. потихоньку, незаметно, тайно, скрываясь и прячась от кого-л.> также основной характеристикой движения имеет сему «незаметно, тайно», что можно наблюдать в примере (12) *В конце завтрака маленький Коля незаметно улизнул из-за стола.*

4.4. ГУ с ФТ «S покидает Лос и двигается изнутри»

Отличительной особенностью ГУ данной семантической группы является то, что S, представленный лицом или не-лицом в единственном или множественном числе, покидает определённое место в пространстве пешком, бегом или на транспорте, двигаясь наружу или из определённой точки в пространстве. Передача движения происходит за счёт послелогов в английском языке, префиксов и окружения ГУ. ГУ в немецком языке насчитывают 15 единиц, в русском языке – 10 единиц, в то время как в английском всего 3 ГУ.

В английском языке глагол *to exit from* толкуется как <go out of or leave a place 'выходить из какого-л. места наружу'> и эксплицирует удаление посредством послелога *out*, который передаёт значение «из». В примере (13) *He exited from the changing rooms* 'Он вышел из раздевалки' указан также характер исходной точки – закрытое помещение.

Так же, как и в английском языке, в немецком языке особенностью данной группы глаголов выступает предлог *aus*, который также передает значение «из». Одним из примеров ГУ данной группы выступает глагол *herauskommen* с толкованием <aus dem Inneren von etw. nach außen [zum Sprechenden] kommen ‘выходить изнутри наружу’>. У глаголов названной группы явно выражен характер исходной точки – наружу: (14) *Sie kommen aus dem Zimmer heraus* ‘Они выходят из комнаты’.

В русском языке глагол *выходить* имеет в своём словарном толковании <удаляться (удалиться) откуда-л., за пределы чего-л., покидая место пребывания, делая шаги (о человеке, животных) или при помощи двигателей (о средствах передвижения)> семантическую характеристику удаления «за пределы чего-л.». Данный тип удаления продемонстрирован в примере (15) *Тихонов докурил трубку и, гремя ружьем и тисками, вышел из сторожки*.

5. Проведенное исследование семантики ГУ в английском, немецком и русском языках позволяет сделать следующие выводы:

1. Семантическая классификация ГУ включает 4 основные группы (отмеченные во всех трёх языках, глаголы других семантических групп присущи двум или одному из рассматриваемых языках) с ФТ: «S быстро покидает Loc», «S, спасаясь бегством, покидает Loc», «S незаметно покидает Loc» и «S покидает Loc и двигается изнутри».

2. Семантическая структура ГУ может включать в себя набор сем, в которые входят кроме основной семы «движение от исходной точки» такие семы как «быстро», «тайно», «спасаясь от чего-либо», «наружу» и др.

3. Наиболее продуктивными ГУ среди всех названных групп являются ГУ с семой «быстро».

4. Число единиц в корпусе ГУ немецкого языка включает значительно больше единиц, чем в английском и русском языках, что объясняется большим количеством немецких префиксов с пространственной семантикой.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бондарко А. В. Вступительные замечания // Теория функциональной грамматики. Локативность. Бытийность. Поссесивность. Обусловленность. Санкт-Петербург, 1996. С. 5-6.
2. Бондарко А. В. Грамматическое значение и смысл. Ленинград: Наука, 1978. 175 с.
3. Егорочкина Л. В. Основные пути развития словарного состава немецкого языка и способы словообразования в немецком языке с точки зрения их продуктивности. // Вестник Башкирского университета. 2011. Т. 16. № 1. С. 130-133.
4. Замощина Н. О. Похідні іменники з локативним значенням (на матеріалі німецької, російської, французької і турецької мов) : дис. ... канд. філол. наук: 10.02.17. Донецьк, 2010. 243 с.

5. Ибрагимова В. Л. Семантическое поле глаголов движения в современном русском языке : автореф. дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.01. Уфа, 1975. 25 с.
6. Калиущенко В. Д. От лингвистической типологии к исторической лингвистике: Избранные труды. Донецк: ДонНУ, 2016. 281 с. (Типологические, сопоставительные, диахронические исследования, Т. 12).
7. Майсак Т. А. Типология грамматикализации конструкций с глаголами движения и глаголами позиции. Москва: Языки славянских культур, 2005. 480 с.
8. Морозова Т. С. Структура словообразовательных парадигм глагола и ступенчатый характер русского словообразования // Проблемы структурной лингвистики. Москва, 1981. С. 162-174.
9. Недялков В. П. Некоторые вероятностные универсалии в глагольном словообразовании // Языковые универсалии и лингвистическая типология. Москва: Наука, 1969. С. 106-114.
10. Никитин М. В. Основа лингвистической теории значений. Москва, 1997. 168 с.
11. Падучева Е. В. Глаголы движения и их стативные дериваты (в связи с так называемым движением времени). Москва, 1999. 186 с.
12. Плуныян В. А. О специфике выражения именных пространственных характеристик в глаголе: категория глагольной ориентации // Исследования по теории грамматики. Грамматикализация пространственных значений в языках мира. Москва, 2002. Вып. 2. С. 57-98.
13. Смирницкий А. И. Об особенностях обозначения направления движения в отдельных языках (к методике сопоставительного изучения языков) // Иностранный язык в школе. 1953. № 2. С. 2-14.
14. Шамне Н. Л. Семантика немецких глаголов движения и их русских эквивалентов в лингвокультурологическом освещении. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2000. 392 с.
15. Юханов А. С. К вопросу о словообразовательной синонимии (на материале немецкого языка) // Вопросы семантики. Москва: АН СССР, Ин-т Востоковедения, 1971. С. 236-237.
16. Fillmore Ch.-J. Grammatical Construction Theory and the familiar dichotomies // Language processing in social context. Amsterdam: North-Holland/Elsevier, 1989. P. 17-38.
17. Fleischer W., Barz I. Wortbildung der deutschen Gegenwartssprache. Tübingen: Niemeyer, 1995. 382 S.
18. Hess K. Verb und Direktivum. Ein Beitrag zum Deutsch-Spanischen und Spanisch-Deutschen Sprachvergleich. Frankfurt am Main: Peter Lang GmbH, 2007. 474 S. (Bonner Romanische Arbeiten, Bd. 97).
19. Kaliuščenko Vladimir D. Typologie denominaler Verben. Tübingen: Niemeyer, 2000. 264 S.
20. Maienborn C. Position und Bewegung: Zur Semantik lokaler Verben // IWBS Report 138. 1992. S. 120-143.
21. Wunderlich D. Raum, Zeit und das Lexikon // Sprache und Raum. Psychologische und linguistische Aspekte der Aneignung und Verarbeitung von Räumlichkeit. Ein Arbeitsbuch für Lehren und Forschung. Stuttgart: Metzler, 1985. S. 66-89.

СПИСОК ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ

1. Толковый словарь русских глаголов: Идеографическое описание. Английские эквиваленты. Синонимы. Антонимы / под. ред. проф. Л. Г. Бабенко. Москва: АСТ-ПРЕСС, 1999. 698 с.
2. Collins Cobuild Dictionary of Phrasal Verbs. London: Harper Collins Publishers, 1996. 492 p.

3. Dictionary of English Phrasal Verbs and their Idioms / by Mc. Arthur T. Atkins B. London and Glasgo: Collins, 1974. 256 p.
4. Küpper Heinz. Pons-Wörterbuch der deutschen Umgangssprache. 1. Aufl., 6. Nachdr. Stuttgart; München; Düsseldorf; Leipzig: Klett, 1977. 959 S.

REFERENCES

1. Bondarko, A. V. (1996). Vstupitelnye zamechaniya [Introductory remarks]. In *Teoriya funktsionalnoy grammatiki. Lokativnost. Bytiynost. Possessivnost. Obuslovlennost*. Sankt-Peterburg. Pp. 5-6. (In Russ.).
2. Bondarko, A. V. (1978). *Grammaticheskoye znachenije i smysl* [Grammatical meaning and sense]. Leningrad: Nauka. (In Russ.).
3. Egorochkina, L. V. (2011). Osnovnye puti razvitiya slovarnogo sostava nemetskogo yazyka i sposoby slovoobrazovaniya v nemetskom yazyke s tochki zreniya ikh produktivnosti [The main ways of developing the vocabulary of the German language and the ways of word formation in the German language from their productivity prospect]. In *Vestnik Bashkirskogo universiteta*. T. 16. No. 1. Pp. 130-133. (In Russ.).
4. Zamoshchina, N. O. (2010). *Pokhidni imennyky z lokatyvnyym znachennyam (na materialy nimetskoyi, rosiyskoyi, frantsuzskoyi i turetskoyi mov)* [Derived nouns with a locative meaning (based on German, Russian, French, and Turkish)]: dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.17. Donetsk. (In Ukr.).
5. Ibragimova, V. L. (1975). *Semanticheskoye pole glagolov dvizheniya v sovremennom russkom yazyke* [The semantic field of verbs of movement in the modern Russian language]: avtoref. diss. ... kand. filol. nauk: 10.02.01. Ufa. (In Russ.).
6. Kaliuščenko, V. D. (2016). *Ot lingvisticheskoy tipologii k istoricheskoy lingvistike: Izbrannye trudy* [From linguistic typology to historical linguistics: Selectas]. Donetsk: DonNU. (T. 12. Tipologicheskie, sopostavitelnye, diakhronicheskie issledovaniya). (In Russ.).
7. Maysak, T. A. (2005). *Tipologiya grammatikalizatsii konstruktivnykh s glagolami dvizheniya i glagolami pozitsii* [Typology of grammaticalization of constructions with verbs of movement and verbs of position]. Moskva: Yazyki slavyanskikh kultur. (In Russ.).
8. Morozova, T. S. (1981). Struktura slovoobrazovatelnykh paradigm glagola i stupenchatyy kharakter russkogo slovoobrazovaniya [The structure of the verb's word-formation paradigms and the step-by-step nature of Russian word formation]. In *Problemy strukturnoy lingvistiki*. Moskva. Pp. 162-174. (In Russ.).
9. Nedyalkov, V. P. (1969). Nekotoryye veroyatnostnye universalii v glagolnom slovoobrazovanii [Some probabilistic universals in verb word formation]. In *Yazykovye universalii i lingvisticheskaya tipologiya*. Moskva: Nauka. Pp. 106-114.
10. Nikitin, M. V. (1997). *Osnova lingvisticheskoy teorii znacheniy* [The basis of the linguistic theory of meanings]. Moskva. (In Russ.).
11. Paducheva, E. V. (1999). *Glagoly dvizheniya i ikh stativnye derivaty (v svyazi s tak nazyvaemym dvizheniem vremeni)* [Verbs of movement and their stative derivatives (in connection with the so-called movement of time)]. Moskva. (In Russ.).
12. Plungyan, V. A. (2002). O spetsifike vyrazheniya imennykh prostranstvennykh kharakteristik v glagole: kategoriya glagolnoy orientatsii [On the specifics of the expression of nominal spatial characteristics in a verb: the category of verbal orientation]. In *Issledovaniya po teorii grammatiki. Grammatikalizatsiya prostranstvennykh znacheniy v yazykakh mira*. Moskva. Vyp. 2. (In Russ.).
13. Smirnitkiy, A. I. (1953). Ob osobennostyakh oboznacheniya napravleniya dvizheniya v otdelnykh yazykakh (k metodike sopostavitelnogo izucheniya yazykov) [On the peculiarities of the designation of the direction of movement in individual languages (to the methodology of comparative language learning)]. In *Inostranny yazyk v shkole*. No. 2. Pp. 2-14. (In Russ.).

14. Shamne, N. L. (2000). *Semantika nemetskikh glagolov dvizheniya i ikh russkikh ekvivalentov v lingvokulturologicheskom osveshchenii* [Semantics of German verbs of movement and their Russian equivalents in linguoculturological coverage]. Volgograd: Izd-vo VolGu. (In Russ.).

15. Yukhanov, A. S. (1971). K voprosu o slovoobrazovatelnoy sinonimii (na materiale nemetskogo yazyka) [To the question of word-formation synonymy (based on the material of the German language)]. In *Voprosy semantiki*. Moskva: AN SSSR. In-t Vostokovedeniya. Pp. 236-237. (In Russ.).

16. Fillmore, Ch.-J. (1989). Grammatical Construction Theory and the familiar dichotomies. In *Language processing in social context*. Amsterdam: North-Holland/Elsevier. Pp. 17-38.

17. Fleischer, W., Barz, I. (1995). *Wortbildung der deutschen Gegenwartssprache*. Tübingen: Niemeyer.

18. Hess, K. (2007). *Verb und Direktivum. Ein Beitrag zum Deutsch-Spanischen und Spanisch-Deutschen Sprachvergleich*. Frankfurt am Main: Peter Lang GmbH. (Bonner Romanische Arbeiten, Bd. 97).

19. Kaliuščenko, Vladimir D. (2000). *Typologie denominaler Verben*. Tübingen: Niemeyer.

20. Maienborn, C. (1992). Position and Bewegung: Zur Semantik lokaler Verben. In *IWBS Report* 138.

21. Wunderlich, D. (1985). Raum, Zeit und das Lexikon. In *Sprache und Raum. Psychologische und linguistische Aspekte der Aneignung und Verarbeitung von Räumlichkeit. Ein Arbeitsbuch für Lehren und Forschung*. Stuttgart: Metzler. S. 66-89.

LEXICOGRAPHIC SOURCES

1. *Tolkovyy slovar russkikh glagolov: Ideograficheskoe opisaniye. Angliyskie ekvivalenty. Sinonimy. Antonimy* [Explanatory dictionary of Russian verbs: Ideographic description. English equivalents. Synonyms. Antonyms] / pod. red. prof. L. G. Babenko. Moskva: AST-PRESS, 1999. (In Russ.).

2. *Collins Cobuild Dictionary of Phrasal Verbs*. London: Harper Collins Publishers, 1996.

3. *Dictionary of English Phrasal Verbs and their Idioms* / by Mc. Arthur T. Atkins B. London and Glasgo: Collins, 1974.

4. Küpper, Heinz. (1977). *Pons-Wörterbuch der deutschen Umgangssprache*. 1. Aufl., 6. Nachdr. Stuttgart; München; Düsseldorf; Leipzig: Klett.

Исаева Анна Эдуардовна – преподаватель
кафедры германской филологии
(e-mail: a.isaeva@donnu.ru),
Государственное образовательное
учреждение высшего профессионального
образования «Донецкий национальный
университет»
283001, Донецк, Университетская, 24

Isaeva Anna E. – Lecturer of Germanic Philology
Department (e-mail: a.isaeva@donnu.ru),
State Educational Institution of Higher
Professional Education «Donetsk National
University»
24 Universitetskaya, Donetsk, 283001

Поступила в редакцию 12 апреля 2021 г.

УДК: 81'373

© 2021 А. Р. Резникова

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ С АНТРОПОНИМИЧЕСКИМ КОМПОНЕНТОМ В РАЗНОСТРУКТУРНЫХ ЯЗЫКАХ

Статья посвящена сопоставительному исследованию семантических особенностей фразеологических единиц (ФЕ) с антропонимическим компонентом (АК) в английском, французском и русском языках. Представлена классификация ФЕ с АК, рассмотрены их национально-культурные особенности. Результаты исследования позволяют сделать выводы об отражении менталитета британского, французского и русского народов в языке, а также о сходствах и отличиях не только фразеологических, но и национальных картин мира данных лингвокультур.

Ключевые слова: фразеологическая единица, имя собственное, антропоним, семантика, национально-культурная специфика.

© 2021 A. R. Reznikova

SEMANTIC PECULIARITIES OF PHRASEOLOGICAL UNITS WITH ANTHROPONYMIC COMPONENT IN MULTI-STRUCTURAL LANGUAGES

The article deals with semantic peculiarities of phraseological units (PU) with the anthroponymic component (AC) in the English, French, and Russian languages. The semantic classification of the PU with AC has been worked out. The national and cultural characteristics of the units under study have been examined. The results of the research make it possible to draw the conclusions on the British, French and Russian mentality reflection in corresponding languages. The study also focuses on national worldview similarities and differences within the studied linguocultures.

Key words: phraseological unit (PU), proper name (PN), anthroponym, semantics, national and cultural specificity.

1. Вводные сведения

Данная статья посвящена исследованию семантических особенностей фразеологических единиц (ФЕ) с антропонимическим компонентом, отобранных на основе фразеологизмов с именем собственным.

Примерами фразеологических единиц данного типа могут служить следующие идиомы: англ. *Who do you think I am, Rockefeller?* ‘у меня нет денег’; фр. *gai comme Roger Bontemps* ‘веселый, беззаботный’; рус. *Ваньку ломать* ‘дурачиться, паясничать’.

Корпус материала исследования составили фразеологизмы английского, французского и русского языков с именем собственным, всего по 200 ФЕ для каждого языка, включающие в свой состав антропонимический компонент (129 ФЕ, 145 ФЕ, 152 ФЕ для английского, французского, русского языков соответственно). Отбор

материала проводился путем выборки из современных фразеологических, толковых и переводных словарей английского, французского и русского языков, среди которых: «Англо-русский фразеологический словарь» А. В. Кунина [Кунин, 2008], Новый большой французско-русский фразеологический словарь [Гак, 2005], Словарь русско-французских фразеологических эквивалентов [Каика, 2005], Фразеологический словарь русского литературного языка [Федоров, 2008], Большой толково-фразеологический словарь [Михельсон, 2004], Oxford Dictionary of Idioms [Oxford, 2004] и Longman Dictionary of Contemporary English [Longman, 2001]; Dictionnaire des locutions françaises [Rat, 2013], Dictionnaire des proverbes sentences et maximes [Maloux, 2003].

Вопрос структурно-семантических особенностей ФЕ привлекал внимание многих лингвистов. К примеру, исследование Н. Н. Амосовой посвящено целостному значению идиомы [Амосова, 1961], С. Грейнджер описывает современные подходы к изучению фразеологии [Granger, 2008], Е. Ф. Арсентьева осуществляет сопоставительный анализ фразеологических единиц, семантически ориентированных на человека в английском и русском языках [Арсентьева, 1989]. В работах В. Г. Гака [Гак, 1999] и А. Г. Назаряна [Назарян, 1976] рассматривается история развития и особенности французской фразеологии.

Теоретические проблемы ономастики рассмотрены А. В. Суперанской, она также описывает историю данной науки, определяет место ономастики среди других дисциплин и связь имен собственных с жизнью человека [Суперанская, 1973].

В последние годы все большее внимание исследователей привлекается к лингвокультурологии. Например, исследование И. В. Зыковой направлено на изучение роли концептосферы культуры в формировании фразеологизмов как культурно-языковых знаков [Зыкова, 2014]. Такой интерес обусловлен переориентацией языкознания в пользу антропоцентрической парадигмы, которая предполагает выдвижение на первый план человека как активного участника коммуникации, обладающего определенной системой ценностей, знаниями об окружающем мире.

2. Семантические особенности фразеологических единиц

Проблема семантики имён собственных – один из актуальных вопросов в лингвистике. Спорными являются вопросы о наличии / отсутствии у имён собственных лексического значения, его характер и «объем» по сравнению с семантикой нарицательных слов, природа ономастического значения, соотношение языковых и неязыковых факторов в семантике имён собственных [Ганиева, 2012: 22].

Имена собственные в составе фразеологизмов обозначают уникальный предмет, то есть имеют единственное значение, генетически нейтральное, которое в общественной практике может приобретать оценочные функции, функции характеристики, которая сформировалась в обществе [Ковалюк, 2008: 226].

Фразеологические единицы являются языковыми репрезентациями лингвокультурных явлений вследствие своей способности отражать национальный менталитет и систему ценностей народа, который говорит на данном языке. Фразеологизмы с онимами могут считаться наиболее яркой репрезентацией лингвокультуры, так как имена собственные занимают особое место в любом языке: они в наибольшей степени связаны с фоновыми знаниями. Фоновые знания об имени собственном включают в себя условия существования имени в обществе, связанные с ним культурно-исторические ассоциации, а также степень известности объекта и его имени [Кропачева, 2013].

Таким образом, имя собственное содержит множество компонентов: лингвокультурный, исторический, прагматический, лингвопсихологический и т. д. В случаях с прецедентными именами, к которым относятся аллюзивные онимы, лингвистический компонент оттесняется на второй план и уступает место экстралингвистической сфере [Кропачева, 2013].

3. Классификация ФЕ с антропонимическим компонентом: результаты и дискуссия

Критериями отбора послужило наличие в ФЕ такого ключевого компонента, как **антропоним**. Это единичное имя собственное или совокупность имён собственных, идентифицирующих человека. В более широком смысле это имя любой персоны: вымышленной или реальной.

Компонент «антропоним» является доминирующим структурным элементом в составе ФЕ всех трех языков. Например: англ. *cousin Betty* ‘слабоумная, дурочка’; *the Admirable Crichton* ‘«несравненный Крайтон», ученый, образованный человек’ – по имени известного шотландского ученого XVI в. Дж. Крайтона, получившего степень магистра в 14 лет; фр. *vous l’avez voulu, George Dandin* ‘виноват сам – пенять не на кого; ты сам этого хотел!’ (букв. ‘вы сами этого захотели, Жорж Данден’); *couleur Isabelle* ‘бледно-желтый, бланжевый цвет’ [*чаще всего о масти лошади*]; рус. *Федул, губы надул* ‘о том, кто легко, по пустякам обижается’; *по Сеньке и шапка* ‘кто-либо того и стоит, кто-либо того и заслуживает’.

Прослеживается большее сходство по типу компонента «антропоним» между французским и русским языком, чем английским – 145 ФЕ / 73% и 152 ФЕ / 76%

соответственно. Это объясняется тем фактом, что человек является центром любой лингвокультуры, следовательно, антропонимический компонент в составе ФЕ может не только называть человека, но и имплицировать характерные качества или черты той или иной персоны. Таким образом, антропоцентризм является важной чертой в менталитете данных лингвокультур, а особенно – в русском лингвосоциуме.

Антропонимическая группа ФЕ является многозначной, поэтому представляется необходимым выделить такие тематические объединения:

1) **внешность** – англ. *Vandyke (Van Dyke) beard* ‘эспаньолка, бородка клином’; фр. *en costume d'Adam* ‘в костюме Адама’; рус. *лицо Гиппократта* ‘выражение лица человека, находящегося в состоянии клинической смерти’;

2) **черты характера и личностные качества** – англ. *Balaam's ass* ‘«валаамова ослица» – молчаливый, покорный человек, который вдруг заговорил, запротестовал; фр. *avoir la sagesse de Salomon* ‘быть семи пядей во лбу’; рус. *Алеша бесконвойный* ‘сумасбродный, неуравновешенный, с причудами’;

3) **род деятельности, социальный статус** – англ. *Cheap Jack (John)* ‘бродячий разносчик (торгующий дешевыми товарами)’; фр. *coiffer sainte Catherine* ‘засидеться в девках’; рус. *Гог и Магог* ‘человек влиятельный, сильный, всемогущий’;

4) **межличностное общение** – англ. *Damon and Pythias* ‘Дамон и Пифиас, закадычные, неразлучные друзья’; фр. *baiser de Judas* ‘поцелуй Иуды’; рус. *Ваньку ломать* ‘паясничать’;

5) **библейские и мифологические персонажи** – англ. *Bacchus has drowned more men than Neptune* ‘«Бахус утопил больше людей, чем Нептун» – т. е. вино погубило больше людей, чем море’; фр. *Madeleine repentante* ‘кающаяся Магдалина’; рус. *жрецы Фемиды* ‘судьи’;

6) **время** – англ. *At (on, to) the Greek calends* ‘до греческих календ, никогда’ (после дождика в четверг); фр. *au temps du roi Dagobert* ‘во времена царя Гороха; очень давно’; рус. *Мафусаилов век* ‘очень долго’;

7) **событие** – англ. *a banquet of Lucullus* ‘лукуллов пир, обильное угощение’; фр. *festin de Baltazar* ‘Валтасаров пир’; рус. *Варфоломеевская ночь* ‘массовое и необузданно-жестокое избиение беззащитных людей’;

8) **другие** – англ. *The Flying Dutchman* ‘«Летучий голландец» (легендарный корабль)’; фр. *La cour du roi Pétaud* ‘сумасшедший дом, бедлам’; рус. *вкушать от пицци святого Антония* – ‘голодать’.

Предпринятое исследование семантических особенностей ФЕ с ИС, а именно классификация антропонимов, позволяет сделать вывод о том, что в количественном отношении такие тематические объединения, как «межличностные отношения», «черты характера» и «род деятельности» являются доминирующими для английского, французского и русского языков.

Также наблюдаются некоторые отличия среди сопоставляемых языков:

1. При сравнении ФЕ трех языков необходимо отметить, что, к примеру, в русском языке (в отличие от двух других) в группе «черты характера» зафиксировано наибольшее количество ФЕ из всех трех доминирующих групп (25%). Это свидетельствует в пользу того факта, что в понимании русского лингвосоциума личностные черты человека играют первоочередную роль, а вот род его деятельности или социальный статус рассматриваются как второстепенные характеристики.

2. В ФЕ с антропонимическим компонентом французского языка можно выделить больше единиц, принадлежащих к группе «библейские/мифологические персонажи», чем в английском и русском языках (12%, 6% и 2% соответственно). Это свидетельствует о том, что религия и мифология занимают важное место в жизни французского лингвосоциума. Тематические объединения «внешность», «время», «события» также несущественно отличаются по количественным характеристикам и являются немногочисленными (англ. 5%, 4%, 2%; фр. 3%, 4%, 3%; рус. 5%, 4%, 4%).

Помимо упомянутых выше сходных и отличительных черт в сопоставляемых языках, представляется необходимым рассмотреть данные каждого языка более детально:

1. В английском языке наиболее многочисленными являются следующие тематические объединения: 1) «Межличностные отношения», например, дружба (англ. *Damon and Pythias* 'Дамон и Пифиас, закадычные, неразлучные друзья') – 23%. 2) «Черты характера и личностные качества», как негативные (англ. *a smart Aleck* 'самоуверенный наглец, нахал') и положительные (англ. *Johnny on the spot* 'человек, на которого можно рассчитывать'), так и нейтральные (англ. *Johnny Head-in-the-Air* 'человек, витающий в облаках, не от мира сего') – 19%. 3) «Род деятельности и социальный статус» (англ. *Tom Tailor* 'человек, который занимается портняжным искусством') – 8%.

Анализ показывает, что вышеуказанные тематические объединения формируют существенный пласт английского антропонимикона. Можно сделать вывод о том, что англичане уделяют больше внимания социальной жизни и положению человека в обществе. Что касается межличностных отношений, следует отметить, что среди

отобранных ФЕ преобладают единицы с негативной коннотацией (15 ФЕ), т.о. можно сделать вывод о том, что англичане критически относятся к окружающим.

В группе «Другие» размещены ФЕ с разной тематической принадлежностью, именно по этой причине они объединены под единым названием (англ. *the Stygian ferry* ‘отправиться на тот свет, умереть’; *Achilles’ spear* ‘что-л. ранящее и одновременно исцеляющее’).

2. Что касается тематических объединений французского языка, то количественные данные и внутреннее распределение тематических групп несколько отличаются от английских и русских. Во французском языке превалируют следующие тематические объединения: «черты характера и личностная характеристика», как положительная (фр. *gai comme Roger Bontemps* ‘очень веселый, беззаботный’), так и нейтральная (фр. *lent comme Jean de Lagny* ‘очень медлительный’) – 22%. Эта группа немного превосходит количественные данные английского языка.

«Межличностные отношения» – фр. *c’est Saint-Roch et son chien* ‘неразлучные друзья’ – 20%. С английским и русским языком количественные показатели примерно одинаковы, что опять же показывает французов как народ, в менталитете которого существенную роль играет человек и его место в обществе.

Группа библейские / мифологические персонажи по количеству ФЕ более чем в два раза превосходит данную группу английского и русского языков (12%). Это свидетельствует о том, что религия занимает не последнее место в жизни и мировоззрении французского народа. Это может объясняться разными религиями этих двух народов: преимущественно англиканство в Великобритании и, соответственно, католицизм во Франции. Помимо этого, семантический компонент аллюзивных онимов, первичной сферой употребления которых являются Библия и мифология, является более лёгким для понимания большинства европейцев, чем семантика аллюзивных имён собственных, взятых из литературы и реальной жизни, вследствие наличия необходимых фоновых знаний. Кроме того, следует отметить, что ФЕ с такими именами собственными в основном имеют интернациональный характер [Кропачева, 2013].

3. Переходя к анализу количественных результатов выборки русского языка по тематическим объединениям, следует отметить, что, как и в предыдущих двух языках, процентное соотношение ФЕ в некоторых группах несколько отличается от данных тех самых объединений в английском и французском.

Например, тематическое объединение «черты характера и личностные характеристики» является одним из доминирующих в выборке русского языка (25%) и,

более того, превосходит количественные данные в аналогичной группе английского и французского языков (19% и 22% соответственно). Это позволяет сделать вывод о том, что в мировосприятии русского народа человек и его личностные качества ставятся на первое место. В особенности, превалируют ФЕ, обращающие особое внимание на недостатки человека, либо высмеивающие пороки, к примеру, рус. *двуликий Янус* ‘двуличный человек’; рус. *Лиса Патрикеевна* ‘хитрый, пронырливый человек’; рус. *Иванушка дурачок* ‘идеал скромности, «нищеты духа» и юродства’.

Следующее по значимости тематическое объединение – «межличностные отношения», которое, равно как и в остальных двух исследуемых языках, является одним из основных. В русском языке эта группа насчитывает 17%, что несколько меньше, нежели подобная группа английского и французского языка. Примерами подобных единиц могут быть следующие ФЕ: с положительной окраской (рус. *Сиамские близнецы* ‘о людях, связанных неразрывной дружбой, всегда неразлучных’) и с негативной, иногда критичной (рус. *мели Емеля, твоя неделя* ‘выражает пренебрежительное или недоверчивое отношение к тому, кто (много) говорит, при невозможности повлиять на говорящего, остановить его’).

4. Наиболее многочисленным тематическим объединением во всех трех языках является группа ФЕ, объединенных под общим названием «Другие». В материале русской выборки это объединение насчитывает 39% (33% и 27% в английском и французском языках соответственно). В эту группу входят ФЕ, которые не подпадают ни под одну представленную классификацию и являются довольно многочисленными, что затрудняет их распределение по потенциально новым объединениям.

Характерной особенностью данного объединения является то, что в него входят ФЕ, так или иначе связанные с религиозной жизнью человека – здесь находят отражение православные корни русского народа. Следует подчеркнуть, что данные ФЕ не могут быть отнесены к «Библейским / мифологическим персонажам» по причине того, что они не обозначают человека (персонажа), а являются, в большинстве своем, эмоциональными восклицаниями, выражающими согласие, клятву, просьбу. К примеру, рус. *Христом-Богом* ‘просить, умолять’; *что Бог даст* ‘выражение надежды на лучшее положение или благополучный исход в каком-либо деле’; *вот те Христос!* ‘клятва, заверение в чем-либо’.

Таким образом, для правильного понимания значения фразеологизмов с именами собственными необходимо учитывать возможный аллюзивный характер этих онимов и быть знакомым со страноведчески-ориентированной оценочной лексикой [Кропачева, 2013].

Также следует отметить, что в некоторых случаях возникают определенные

трудности при распределении корпуса языкового материала. Основное решение данной проблемы лежит в определении семантически опорного компонента ФЕ. Н. М. Шанский определяет его как компонент, который выражает вещественное значение [Шанский, 1985]. Часть ФЕ из-за своей двойственной семантики, а именно из-за одинакового статуса компонентов, может относиться к нескольким группам одновременно, например: хороним vs антропоним: *from John o'Groat's to Land's End* 'с севера до юга, с одного конца страны до другого' – Джон-о'Гротс – крайняя северная точка Великобритании, названная по имени Яна Гроота; ойкодоним vs антропоним: *put on the Ritz* 'шикарно одеваться, щеголять дорогими и модными нарядами' – Риц – название дорогих отелей в Париже, Лондоне и Нью-Йорке (по имени первого владельца – Цезаря Рица). Однако упомянутые выше примеры не являются распространенными, в английском языке их всего 2 единицы, в выборке французского и русского языка данные случаи не представлены.

4. Выводы. Предпринятое исследование имело целью комплексное рассмотрение ФЕ с именем собственным английского, французского и русского языков. Результаты исследования подтверждают, что фразеологические единицы являются языковыми репрезентациями лингвокультурных явлений вследствие своей способности отражать национальный менталитет и систему ценностей народа, который говорит на данном языке.

Таким образом, языковая картина мира в целом и главном совпадает с логическим отражением реальности в сознании людей, но при этом сохраняются отдельные участки в языковой картине мира, к которым относится и фразеология, она своя для каждого языка.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Амосова Н. Н. О целостном значении идиомы // Исследования по английской филологии. Ленинград, 1961. № 2. С. 71-73.
2. Арсентьева Е. Ф. Сопоставительный анализ фразеологических единиц, семантически ориентированных на человека в английском и русском языках. Казань: Издательство Казанского университета, 1989. 126 с.
3. Гак В. Г. Национально-культурная специфика меронимических фразеологизмов // Фразеология в контексте культуры. Москва: Языки русской культуры, 1999. С. 260-265.
4. Ганиева Г. Р. Фразеологические единицы с компонентом именем собственным в английском, русском и татарском языках. Нижнекамск: Нижнекамский химико-технологический институт (филиал) ФГБОУ ВПО «КНИТУ», 2012. 106 с.
5. Зыкова И. В. Роль концептосферы культуры в формировании фразеологизмов как культурно-языковых знаков: дисс. ... д-ра филол. наук: 10.02.19. Москва, 2014. 506 с.
6. Ковалюк Ю. Семантика денотативно мотивированных антропонимов в структуре английских фразеологизмов: вариантологический подход. // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия «Философия. Филология». 2008. № 2 (4). С. 225-229.

7. Кропачева К. И. Аксиологические характеристики английских фразеологических единиц с именами собственными// Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2013. № 4-2 (22). С. 98-101.
8. Назарян А. Г. Фразеология современного французского языка. Москва: Высшая школа, 1976. 310 с.
9. Суперанская А. В. Общая теория имени собственного. Москва: Наука, 1973. 368 с.
10. Шанский Н. М. Фразеология современного русского языка. Москва: Высш. школа, 1985. 160 с.
11. Granger S., Meunier F. *Phraseology: An interdisciplinary perspective*. John Benjamins Publishing, 2008. 422 p. Доступ: <https://books.google.com.ua/books?id=1uqp3d--uUC&hl=ru>. (дата обращения: 12.03.2021).

СПИСОК ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ

1. Каика Н. Е. Словарь русско-французских фразеологических эквивалентов. Донецк: Юго-Восток, 2005. 546 с.
2. Кунин А. В. Большой англо-русский фразеологический словарь. 10-е изд., перераб. и доп. Москва: Русский язык, 2008. 944 с.
3. Михельсон М. И. Большой толково-фразеологический словарь: в 3-х т. Москва, 2004. Т. 1. 14912 с.
4. Федоров А. И. Фразеологический словарь русского литературного языка. 3-е изд. Москва: АСТ: Астрель, 2008. 879 с.
5. Французско-русский фразеологический словарь / под ред. Я. И. Рецкера. Москва: Гос. изд-во иностр. и нац. слов., 2005. 1112 с.
6. *Dictionary of Contemporary English*. 3rd ed. Longman, 2001. 1754 p.
7. Maloux M. *Dictionnaire des proverbes sentences et maximes* Paris: Librairie Larousse, 2003. 628 p.
8. *Oxford Dictionary of English Idioms*. 3rd ed. Oxford University Press, 2010. 340 p.
9. Rat M. *Dictionnaire des locutions françaises*. Paris: Larousse, 2013. 430 p.

REFERENCES

1. Amosova, N. N. (1961). O tselostnom znachenii idiomy [On the holistic meaning of idioms]. In *Issledovaniya po angliyskoy filologii*. Leningrad. No. 2. Pp. 71-73. (In Russ.).
2. Arsenteva, E. F. (1989). Sopostavitelnyy analiz frazeologicheskikh edinit, semanticheski orientirovannykh na cheloveka v angliyskom i russkom yazykakh [Comparative analysis of the phraseological units which are semantically human-oriented in the English and Russian languages]. Kazan: Izdatelstvo Kazanskogo universiteta. (In Russ.).
3. Gak, V. G. (1999). Natsionalno-kulturnaya spetsifika meronimicheskikh frazeologizmov [National and cultural specificity of meronymic phraseological units]. In *Frazeologiya v kontekste kultury*. Moskva: Yazyki russkoy kultury. Pp. 260-265. (In Russ.).
4. Ganieva, G. R. (2012). *Frazeologicheskiye edinitsy s komponentom imenem sobstvennym v angliyskom, russkom i tatarskom yazykakh* [Phraseological units with the proper names component in English, Russian and Tatar]. Nizhnekamsk: Nizhnekamskiy khimiko-tekhnologicheskii institut (filial) FGBOU VPO «KNITU». (In Russ.).
5. Zykova, I. V. (2014). *Rol kontseptosfery kultury v formirovanii frazeologizmov kak kulturno-yazykovykh znakov* [The role of cultural conceptual framework in formation of phraseologisms as cultural-linguistic signs]: diss. ... d-ra filol. nauk: 10.02.19. Moskva. (In Russ.).
6. Kovalyuk, Yu. (2008). Semantika denotativno motivirovannykh antroponimov v strukture angliyskikh frazeologizmov: variantologicheskii podkhod [Semantics of denotatively motivated anthroponyms in the structure of English phraseological units: a variantological

approach]. In *Vestnik Samarskoy gumanitarnoy akademii. Seriya «Filosofiya. Filologiya»*. No. 2 (4). Pp. 225-229. (In Russ.).

7. Kropacheva, K. I. (2013). Aksiologicheskie kharakteristiki angliyskikh frazeologicheskikh edinit s imenami sobstvennymi [Axiological characteristics of English phraseological units with proper names]. In *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* No. 4-2 (22). Pp. 98-101. (In Russ.).

8. Nazaryan, A. G. (1976). *Frazeologiya sovremennogo frantsuzskogo yazyka* [The phraseology of the modern French language]. Moskva: Vysshaya shkola. (In Russ.).

9. Superanskaya, A. V. (1973). *Obshhaya teoriya imeni sobstvennogo* [General theory of proper names]. Moskva: Nauka. (In Russ.).

10. Shanskiy, N. M. (1985). *Frazeologiya sovremennogo russkogo yazyka* [The phraseology of the modern Russian language]. Moskva: Vyssh. shkola. (In Russ.).

11. Granger, S., Meunier F. (2008). *Phraseology: An interdisciplinary perspective*. John Benjamins Publishing. Available at: <https://books.google.com.ua/books?id=1uqp3d-uUC&hl=ru>. (assessed: 12.03.2021).

LEXICOGRAPHIC SOURCES

1. Kaika, N. E. (2005). *Slovar russko-frantsuzskikh frazeologicheskikh ekvivalentov* [Dictionary of Russian-French phraseological equivalents]. Donetsk: Yugo-Vostok. (In Russ.).

2. Kunin, A. V. (2008). *Bolshoy anglo-russkiy frazeologicheskiy slovar* [English-Russian phraseological dictionary]. 10-e izd., pererab. i dop. Moskva: Russkiy yazyk. (In Russ.).

3. Mikhelson, M. I. (2004). *Bolshoy tolkovo-frazeologicheskiy slovar* [Explanatory phraseological dictionary]: v 3-kh t. Moskva. T. 1. (In Russ.).

4. Fedorov, A. I. (2008). *Frazeologicheskiy slovar russkogo literaturnogo yazyka* [Phraseological dictionary of standard Russian]. 3-e izd. Moskva: AST: Astrel. (In Russ.).

5. *Frantsuzsko-russkiy frazeologicheskiy slovar* [French-Russian phraseological dictionary] / pod red. Ya. I. Retskera. Moskva: Gos. izd-vo inostr. i nats. slov, 2005. (In Russ.).

6. *Dictionary of Contemporary English*. 3rd ed. Longman, 2001.

7. Maloux, M. (2003). *Dictionnaire des proverbes sentences et maxims*. Paris: Librairie Larousse.

8. *Oxford Dictionary of English Idioms*. 3rd ed. Oxford University Press, 2010.

9. Rat, M. (2013). *Dictionnaire des locutions françaises*. Paris: Larousse.

Резникова Арина Романовна – преподаватель
кафедры английской филологии
(e-mail: ar.reznikova@donnu.ru),
Государственное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Донецкий национальный университет»
283001, Донецк, Университетская, 24

Reznikova Arina R. – Lecturer of English
Philology Department
(e-mail: ar.reznikova@donnu.ru),
State Educational Institution of Higher
Professional Education «Donetsk National
University»
24 Universitetskaya, Donetsk, 283001

Поступила в редакцию 23 марта 2021 г.

УДК 811.1/8

© 2021 А. Г. Удинская, И. Ю. Борюшова

СТИЛИСТИЧЕСКАЯ КОНВЕРГЕНЦИЯ КАК ОСНОВА ИГРЫ СЛОВ В АНГЛИЙСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

В статье рассматриваются случаи стилистической конвергенции, содержащие игру слов в качестве основного компонента, изучаются различные классификации конвергенции, выявляются сходные и отличительные черты в комбинации стилистических приемов в заголовках газетных статей и рекламных текстах на английском и русском языках.

Ключевые слова: *игра слов, стилистическая конвергенция, аллюзия, метонимия, оксюморон, рифма, ритм, графон.*

© 2021 A. G. Udinskaya, I. Yu. Boryushova

STYLISTIC CONVERGENCE AS BASIS FOR PLAY ON WORDS IN ENGLISH AND RUSSIAN

The article deals with the cases of stylistic convergence with a play on words as the basic component. Different classifications of convergence have been studied, common and distinctive features in combining the stylistic devices in newspaper headlines and advertisements in the English and Russian languages have been distinguished.

Key words: *play on words, stylistic convergence, allusion, metonymy, oxymoron, rhyme, rhythm, graphon.*

1. В современной лингвистике приоритетная роль отводится функциональному аспекту изучения языка в связи с тем, что возрастает интерес исследователей к воздействующей, прагматически значимой речи, обеспечивающей эффективную коммуникацию. В рамках функционального аспекта особое внимание уделяется стилистическим средствам, которые обладают богатейшим потенциалом экспрессивности и отличаются повышенной прагматической значимостью.

1.1. Одним из наиболее многогранных стилистических средств является игра слов, т.к. ее краткая форма и информативность способствуют легкому восприятию, новизна и яркость приема усиливают его экспрессивность, а активизация фоновых знаний вызывает положительный отклик у реципиента вследствие получения интеллектуального удовлетворения. Данные свойства игры слов были отмечены такими исследователями, как Е. А. Земская [Земская, 1983], Т. А. Космеда [Космеда, 2002] Е. В. Красильникова [Красильникова, 1975; 2000], А. А. Потебня [Потебня, 1976], А. А. Путин [Путин, 1971], М. М. Сизов [Сизов, 1984], Д. Н. Шмелев [Шмелев, 1977], Д. Кристал [Crystal, 1998], Д. Кьяро [Chiario, 1992], В. Нэш [Nash, 1985], В. Д. Рэдферн [Redfern, 1984], Э. Кестлер [Koestler, 1964] и т. д., при этом сопоставительные исследования данного явления на

материале нескольких языков практически отсутствуют, что наряду с несомненной значимостью игры слов в английском и русском языках обуславливает актуальность данного исследования.

Материалом исследования стилистической конвергенции послужили заголовки статей, содержащие игру слов, из выпусков британской еженедельной газеты новостной направленности *The Economist* и российской информационной газеты «Аргументы и Факты», а также скрипты англоязычных и русскоязычных рекламных видеороликов.

Цель данного исследования состоит в рассмотрении потенциальных возможностей стилистической конвергенции, основой которой является игра слов, а также в выявлении общих и различных способов ее создания.

1.2. Механизм создания игры слов (или каламбура) достаточно сложен и разнообразен, в его основе помимо всего прочего могут лежать стилистические приемы и экспрессивные средства различных уровней – лексического, синтаксического и фонографического, а также могут присутствовать элементы грамматической стилистики. При реализации игры слов в английском и русском языках нередко встречается употребление нескольких стилистических средств одного или нескольких уровней, что в работах последнего времени получило название стилистической конвергенции, которая заключается в накладывании одного на другое нескольких стилистических приемов, благодаря чему усиливается эффект и на первый план выдвигаются особенно важные черты сообщения [Нелькенбаум, 2016: 136].

1.3. Конвергенция стилистических средств является показателем коммуникативно-прагматической значимости фрагмента, в котором она реализуется. Количество сконцентрированных в одном определенном участке текста приемов прямо пропорционально концептуальной значимости данного участка текста: чем выше, степень концентрации конвергенции, тем в большей мере реализуется текстовая имплицитность [Кузьменко, 2003: 5-11].

1.4. Классификация стилистической конвергенции может осуществляться согласно различным критериям:

а) по количественному параметру выделяют бинарную конвергенцию, состоящую из двух компонентов, и многокомпонентную, состоящую из трех и более компонентов;

б) по критерию наличия доминант стилистическую конвергенцию разделяют на однополюсную, в которой одно из стилистических средств является главенствующим, своего рода ядром, вокруг которого сосредотачиваются остальные приемы, лишь

дополняющие и усиливающие коммуникативно-прагматический эффект основного средства, и многополюсную, в которой присутствуют несколько ядерных элементов;

в) по характеру расположения составляющих конвергенции в тексте выделяют сосредоточенную, в которой несколько стилистических приемов реализуются на небольшом фрагменте текста – как правило, в одном предложении или в какой-либо его части, и рассредоточенную стилистическую конвергенцию, в которой несколько стилистических средств взаимодействуют в пределах нескольких предложений;

г) по принадлежности приема к лексическим уровням выделяют лексическую, синтаксическую и фонетическую конвергенции, а также комбинированный тип, сочетающий в себе приемы различных языковых уровней [Кузьменко, 2006: 135-138].

2. В данной статье рассматриваются случаи многокомпонентной однополюсной конвергенции, ядром которой является игра слов. Характер эмпирического материала (заголовки статей и рекламный текст), которому присуща лаконичность, определяет сосредоточенный тип конвергенции. Что касается принадлежности игры слов к лексическим уровням, то в данной работе, как правило, представлен комбинированный тип, однако в редких случаях представлена собственно конвергенция лексических стилистических средств. Отсутствие в практическом материале случаев синтаксической и фонетической конвергенций можно объяснить тем, что синтаксическая конвергенция характерна для объемных участков текста, а чисто фонетическая конвергенция встречается редко априори [Кузьменко, 2001: 10-14].

Анализ практического материала указывает на то, что употребление стилистической конвергенции в заголовках статей англоязычных и русскоязычных печатных изданий и рекламных роликах является довольно частотным, так как читательское внимание и успешность рекламной кампании во многом зависит от стратегически правильно продуманного высказывания [Костюшкина, 2006; 2014; 2016], которое должно быть построено с учетом экспрессивности, краткости и образности. При использовании игры слов в рекламных роликах и заголовках газет во взаимодействие могут вступать такие лексические стилистические приемы, как аллюзия, метонимия и оксюморон, фонетические экспрессивные средства рифмы и ритма, а также градация и графон.

2.1. Случаи употребления игры слов в английском и русском языках демонстрируют ряд сходств и различий с точки зрения наличия в них стилистической конвергенции.

Так, в английском и русском языках в создании игры слов нередко взаимодействуют аллюзия и метонимия, например:

(1) *Seattle, we have a problem* ‘Сиэтл, у нас проблема’.

В данном заголовке статьи из англоязычной газеты *The Economist* происходит одновременная реализация нескольких стилистических приемов лексического уровня: игра слов, которая строится на распаде исходного выражения при помощи замены слова *Houston* словом *Seattle*, при которой синтаксическая конструкция цитаты остается неизменной; аллюзия на популярную цитату *Houston, we have a problem* из радиосообщений между астронавтом «Аполлона-13» Джоном («Джек») Свигертом и Центром управления полетами НАСА («Хьюстон») во время космического полета «Аполлона-13»; метонимия, которая строится на основе смежности штата Сиэтл и его жителей.

Сходный пример с точки зрения явления стилистической конвергенции встретился в эмпирическом материале на русском языке, например:

(2) *Алло, Тула? Можно я со своей кофеваркой приеду?*

Как и в примере (1) на английском языке, в данной рекламе торговой марки «Билайн» соединяются следующие тропы: игра слов, построенная на распаде устойчивого выражения путем замены оригинального слова *самовар* словом из лексико-семантической группы, которую можно обозначить как «Кухонная утварь»; аллюзия на пословицу *В Тулу со своим самоваром не ездят*; локальная метонимия, реализующаяся на основе смежности города Тула и его жителей.

Стоит отметить, что в приведенных примерах сходства можно наблюдать не только на уровне реализации аналогичных семантических стилистических приемов, но также при рассмотрении механизмов создания каждого отдельного тропа: в случае игры слов – это замена исходного слова, в случае метонимии – употребление окказиональных метонимов локального типа.

2.2. Нередким для двух языков является одновременная реализация стилистического средства лексического уровня аллюзии и некоторых лексико-синтаксических приемов – антитезы, параллелизма, повтора. Так, в заголовке статьи из газеты *The Economist*, которая рассказывает о том, что Европа движется к тому, чтобы воплотить в реальность идею городов без автомобилей, содержится аллюзия на цитату из повести Дж. Оруэлла «Скотный двор» *Four legs good, two legs bad* ‘Четыре ноги – хорошо, две ноги – плохо’, например:

(3) *Two wheels good, four wheels bad* ‘Два колеса – хорошо, четыре колеса – плохо’.

Во-первых, в данном случае происходит перестановка слов *two* и *four*, что уже разрушает устойчивое выражение, во-вторых, слово *wheels* ‘колеса’ заменяется несозвучным ему словом *legs* ‘ноги’. Общность данных слов состоит в том, что они относятся к одной лексико-семантической группе «Средства передвижения». Помимо

аллюзии, в указанном заголовке также представлены антитеза (*good – bad*), параллелизм и повтор слова *wheels*.

В заголовке статьи из газеты «Аргументы и Факты» происходит наложение таких семантических средств, как аллюзия на поговорку *Кто в лес, кто по дрова*, а также игра слов, основанная на замене слова *дрова* словом из другого семантического поля, например:

(4) *Кто в лес, кто по языкам.*

Как и в англоязычном примере, в заголовке на русском языке также использовано наложение таких лексико-семантических средств, как антитеза, параллелизм и повтор слова *кто*.

Следует отметить, что хотя в примерах (3) и (4) механизмы реализации стилистической конвергенции являются общими, различия наблюдаются в разновидностях лексического повтора: в англоязычном примере использован рефрен, а в русскоязычном – анафора. Кроме того, различной является тематическая направленность указанных выше заголовков и рекламы: в англоязычных примерах использованы отсылки к популярной культуре, а в русскоязычных – к устному народному творчеству, что можно объяснить историческими и социокультурными факторами. Так, по мнению исследователей, российской культуре, как правило, присущи консерватизм и приверженность традициям, тогда как в Америке собственная традиционная культура отсутствует [Browne, 2005: 13], а популярная культура рассматривается как социокультурный «продукт» [Рахимова, 2007: 216–217].

2.3. В ряде случаев для реализации стилистической конвергенции в англоязычных и русскоязычных СМИ используются сходные смысловые основы, однако различия могут наблюдаться в выборе, точнее в «наборе» стилистических приемов. В практическом материале встретились рекламные слоганы на английском и русском языках, которые содержат аллюзию на известное выражение Гая Юлия Цезаря *I came, I saw, I conquered* / *Пришел, увидел, победил*, например:

(5) *I never conquered, rarely came* ‘Я никогда не побеждал, редко приходил’.

В данной строке из песни американской группы *Blink-182 Adam’s song*, использованной в рекламе чипсов *Doritos*, стилистическая конвергенция реализуется при помощи взаимодействия аллюзии, ритма в качестве фонетического экспрессивного средства, а также игры слов, построенной на декомпозиции указанного афоризма.

Пример на русском языке является рекламой оператора мобильной связи МТС, весь цикл которой снят при участии известного российского актера Дмитрия Нагиева, славящегося своим остроумием, например:

(6) *Пришел, увидел, загрузил.*

Как и в примере (5) на английском языке, основой для стилистической конвергенции послужила игра слов, строящаяся на разрушении известного высказывания путем замены слова *победил* словом *загрузил*. Очевидно, что в примере использована аллюзия, а также лексико-синтаксическое стилистическое средство градация.

2.4. В английском и русском языках выявлены заголовки с частично сходным механизмом реализации стилистической конвергенции, например:

(7) *Самая скорая «скорая»*.

В заголовке статьи из газеты «Аргументы и факты» каламбур строится на обыгрывании омоформ слова *скорая*, которое в первом случае выступает в роли прилагательного, являющегося синонимом слова *быстрый*, а во втором – в качестве существительного, использующегося в разговорном варианте для обозначения машины и службы скорой медицинской помощи. В данном примере также используется стилистический повтор слова *скорая* и ритм.

Заголовок из газеты *The Economist* является идентичным случаем обыгрывания омоформ, например:

(8) *Please please me* ‘Пожалуйста, угоди мне’.

Помимо обыгрывания слова *please*, которое выступает как в роли вводного слова ‘пожалуйста’, так и в значении ‘угождать’, данный заголовок также является аллюзией на одноименную песню *The Beatles* и содержит лексический повтор слова *please*.

2.5. Несмотря на наличие большого количества сходных черт в реализации стилистической конвергенции в каламбурных заголовках и рекламе в английском и русском языках, анализ эмпирического материала позволяет выделить некоторые заметные различия. Так, среди фонографических средств в материале на английском языке в основном используются фонетические приемы, в частности, рифма, тогда как в русских каламбурах преобладает графон, например:

(9) *Zoom and gloom* ‘Зум (программа) и мрак’.

В данном заголовке статьи из газеты *The Economist* помимо семантических стилистических средств, а именно аллюзии на название песни известной рок-группы *Rolling Stones* ‘*Doom and Gloom*’ и игры слов, строящейся на замене слова *doom* созвучным ему словом *zoom*, также используется полная рифма.

(10) *From hero to zero* ‘От героя до ноля’.

В данном заголовке происходит разрушение формы исходного выражения *From zero to hero* (его примерным русским соответствием является идиома ‘Из грязи да в князи’): слова *zero* ‘ноль’ и *hero* ‘герой’ меняются местами, за счет чего искажается оригинальный

смысл фразы на равно противоположный исходной единице. Такой способ разрушения фразеологии при создании каламбура вызывает особый интерес в виду того, что тенденции современной лингвистики предлагают формирующуюся единицу языка под названием «антипословица», которая на данный момент имеет неопределенный статус, однако обладает большим потенциалом в процессе пополнения существующего комплекса пословиц. Антипословицы также рассматривают ситуацию, зафиксированную традиционной пословицей, под другим углом, на основе нового опыта, обусловленного жизнью в современном обществе [Иванова, 2019: 43]. Таким образом, кроме игры слов, в анализируемом заголовке одновременно взаимодействуют также аллюзия на пословицу *From zero to hero*, антитеза и фонетическое стилистическое средство – рифма.

Графон в русском языке можно представить следующими примерами:

(11) *СКВЕРный отдых.*

В приведенном заголовке статьи из газеты «АиФ на Дону» игра слов строится на одном из подвидов мнимой этимологизации, а именно дэтимологизации, которая предполагает утрату словом прежних этимологических связей, т. е. утрату смысловой связи с производящей основой, в результате чего слово из мотивированного названия предмета объективной действительности становится немотивированным названием. В данном случае слово *СКВЕРный* приобретает окказиональное значение. Хотя упомянутое слово существует в русском языке, значение, в котором оно употреблено в указанном заголовке, существует исключительно в рамках этого контекста. Здесь значение слова *СКВЕРный* связано со словом *сквер*, а не *скверна*, что становится ясно из-за выделения части слова прописными буквами. Помимо игры слов и графона, в этом примере также реализуется оксюморон.

(12) *Сногшибательные проблемы.*

В заголовке (12) статьи из газеты «АиФ на Дону» игра слов строится на графической «буквализации» слова *сногшибательные*, так как речь идет о гололедице и указанное слово используется не в своем обычном значении «отличный, превосходный», а в буквальном, при этом само прилагательное *сногшибательные* является художественным эпитетом.

3. Данное исследование позволило выделить такие общие особенности стилистической конвергенции в русском и английском языках, как реализация аналогичных стилистических приемов, использование аллюзий к мировой культуре. Среди различий можно выделить предпочтение фонологических стилистических средств в английском языке и графических в русском, а также актуализацию отсылок к популярной культуре в англоязычных примерах и к устному народному творчеству в русскоязычных.

В завершении следует еще раз отметить, что и в английском, и в русском языках стилистическая конвергенция представляет собой мощный источник стилистической информации, поэтому данное явление при лингвистическом анализе текста и в аспекте перевода должно занимать одну из ведущих позиций.

Перспективой дальнейшего исследования может стать системное изучение явления стилистической конвергенции в двух языках на более обширном материале с целью выявления сходств и различий в ее реализации и стилистической функции.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Земская Е. А. Русская разговорная речь. Фонетика. Морфология. Лексика. Жест. Москва: Наука, 1983. 239 с.
2. Иванова Е. В. Мужчина и женщина в английских антиполовицах // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2019. Т. 12. Вып. 1. С. 43-46.
3. Космеда Т. А. Языковая игра – продуктивный прием публицистического стиля современной эпохи (на материале газеты «Арт-Мозаика») // Культура народов Причерноморья. 2002. № 32. С. 297-300. Доступ: <http://dspace.nbu.gov.ua/bitstream/handle/123456789/75572/105-Kosmeda.pdf>. (дата обращения: 12.03.2021).
4. Костюшкина Г. М., Баребина Н. С. Аргументация и концептуальная систематика речи и речевой деятельности // Концептуальная систематика аргументации: коллективная монография. Москва: Флинта; Наука, 2016. С. 10-70.
5. Костюшкина Г. М. Дискурсивный аспект языковых единиц. Иркутск: Изд-во ИГЛУ, 2006. 584 с.
6. Костюшкина Г. М., Колмогорова А. В. Когнитивный механизм речевой коммуникации // Концептуальная систематика речевой коммуникации: коллективная монография. Иркутск: Изд-во ИГЛУ, 2014. С. 9-54.
7. Красильникова Е. В. «Почему не говорят?» // Развитие современного русского языка. Словообразование. Членимость слов. Москва: Наука, 1975. С. 221-227.
8. Красильникова Е. В. Эстетические качества разговорной речи // Фортунатовский сборник. Москва: Эдиториал УРСС, 2000. С. 176-180.
9. Кузьменко С. А. К вопросу о конвергенции стилистических приемов // Актуальные проблемы социогуманитарного знания. Пятигорск: ПГЛУ, 2001. Вып. 1. С. 10-14.
10. Кузьменко С. А. К вопросу об экспрессивности в современной лингвистике // Актуальные проблемы социогуманитарного знания. Ставрополь: ПГЛУ, 2003. Вып. 3. С. 5-11.
11. Кузьменко С. А. Явление конвергенции в стилистике и теории текста // Язык как воплощение культуры лингвистическая, переводческая и дидактическая рефлексия. Ставрополь: Ставропольское книжное изд-во, 2006. С. 135-138.
12. Нелькенбаум В. М. Особенности стилистической конвергенции в художественном тексте // Вестник Башкирского университета. 2016. Т. 21. № 1. С. 136-138.
13. Потебня А. А. Эстетика и поэтика. Москва: Искусство, 1976. 614 с.
14. Путин А. А. О некоторых особенностях газетных заголовков. Москва: Иностранные языки в высшей школе, 1971. 65 с.
15. Рахимова М. В. Американская модель популярной культуры // Знание. Понимание. Умение. Москва: Московский гуманитарный университет, 2007. № 4. С. 216-220.
16. Сизов М. М. Развитие английского газетного заголовка. Москва: Наука, 1984. 131 с.
17. Шмелев Д. Н. Русский язык в его функциональных разновидностях. Москва: Наука, 1977. 168 с.

18. Browne R. B. *English Literature Departments as Centers of the Humanities // Popular Culture Studies Across the Curriculum. Essays for Educators.* North Carolina; L., 2005. P. 13.
19. Chiaro D. *The Language of Jokes: Analysing Verbal Play.* L.: Routledge, 1992. 129 p.
20. Crystal D. *Language Play.* L.: Penguin Books, 1998. 248 p.
21. Koestler A. *The Act of Creation.* L.: Hutchinson, 1964. 751 p.
22. Nash W. *The language of humour: Style and technique in comic discourse.* L.: Longman, 1985. 200 p.
23. Redfern W. D. *Puns.* Oxford; New York: Basil Blackwell Ltd., 1984. 234 p.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРИАЛА

1. АиФ на Дону. 14.12.2016. № 50. Доступ: https://rostov.aif.ru/society/family/snogsshibatelnye_problemy_ulica_trudyashchihsya_v_rostove_opasna_dlya_zhizni. (дата обращения: 14.03.2021).
2. АиФ на Дону. 09.04.2014. № 15. Доступ: <https://rostov.aif.ru/society/details/1146113>. (дата обращения: 14.03.2021).
3. Аргументы и факты. 29.05.2019–04.06.2019. № 22. Доступ: <https://pressa-vsem.ru/gazetyi/18216-argumenty-i-fakty-22-may-iyun-2019.html>. (дата обращения: 25.12.2020).
4. Аргументы и факты. 23.10.2019–29.10.2019. № 43. Доступ: <https://pressa-vsem.ru/gazetyi/20159-argumenty-i-fakty-43-oktyabr-2019.html>. (дата обращения: 05.12.2020).
5. Реклама Билайн робот. С кем это ты так долго разговаривал!!? // YouTube. 21.07.2020. Доступ: <https://www.youtube.com/watch?v=l9O6LhY1DW8>. (дата обращения: 14.03.2021).
6. Реклама МТС «Аве, Airdata!» Полная версия Дмитрий Нагиев Тимур Бекмамбетов // YouTube. 21.07.2020. Доступ: <https://www.youtube.com/watch?v=vOpDR-uaatN0>. (дата обращения: 12.03.2021).
7. Blink-182 – Adam's Song // YouTube. 05.09.2000. Доступ: https://www.youtube.com/results?search_query=adams+song. (дата обращения: 25.03.2021).
8. The Economist Asia Edition. 03.09.2019. Доступ: <https://bit.ly/3bzvo2v>. (дата обращения: 10.12.2020).
9. The Economist Asia Edition. 24.08.2019. Доступ: <https://bit.ly/2OQ3wx9>. (дата обращения: 10.12.2020).
10. The Economist Asia Edition. 27.07.2019. Доступ: <https://bit.ly/2Hhc6kz>. (дата обращения: 11.12.2020).
11. The Economist Middle East and Africa Edition. 11.01.2020. Доступ: <https://bit.ly/3bHsPeO>. (дата обращения: 15.12.2020).
12. The Economist Middle East and Africa Edition. 14.09.2019. Доступ: <https://bit.ly/37kt1NI>. (дата обращения: 13.01.2020).

REFERENCES

1. Zemskaya, E. A. (1983). *Russkaya razgovornaya rech. Fonetika. Morfologiya. Leksika. Zhest* [Russian colloquial speech. Phonetics. Morphology. Vocabulary. Gesture]. Moskva: Nauka. (In Russ.).
2. Ivanova, E. V. (2019). *Muzhchina i zhenshchina v angliyskikh antiposlovitsakh* [A man and a woman in English anti-proverbs]. In *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. Tambov: Gramota. T. 12. Vyp. 1. Pp. 43-46. (In Russ.).
3. Kosmeda, T. A. (2002). *Yazykovaya igra – produktivnyy priem publitsisticheskogo stilya sovremennoy epokhi (na materiale gazety «Art-Mozaika»)* [Language game as a productive technique of the journalistic style of the modern era (based on the material of the «Art-Mosaic» newspaper)]. In *Kultura narodov Prichernomorya*. No. 32. Pp. 297-300. Available at: <http://dspace.nbuv.gov.ua/bitstream/handle/123456789/75572/105-Kosmeda.pdf>. (accessed: 12.03.2021). (In Russ.).
4. Kostyushkina, G. M., Barebina, N. S. (2016). *Argumentatsiya i kontseptualnaya sistematika rechi i rechevoy deyatelnosti* [Argumentation and conceptual systematics of speech

and speech activity]. In *Kontseptualnaya sistematika rechevoy kommunikatsii*: kollektivnaya monografiya. Moskva: Flinta; Nauka. Pp. 10-70. (In Russ.).

5. Kostyushkina, G. M. (2006). *Diskursivnyy aspekt yazykovykh edinit* [The discursive aspect of language units]. Irkutsk: Izd-vo IGLU. (In Russ.).

6. Kostyushkina, G. M., Kolmogorova, A. V. (2014). Kognitivnyy mekhanizm rechevoy kommunikatsii [Cognitive mechanism of speech communication]. In *Kontseptualnaya sistematika rechevoy kommunikatsii*: kollektivnaya monografiya. Irkutsk: Izd-vo IGLU. Pp. 9-54. (In Russ.).

7. Krasilnikova, E. V. (1975). «Pochemu ne govoryat?» [«Why don't they speak?»]. In *Razvitie sovremennogo russkogo yazyka. Slovoobrazovanie. Chlenimost slov*. Moskva: Nauka. Pp. 221-227. (In Russ.).

8. Krasilnikova, E. V. (2000). Esteticheskie kachestva razgovornoy rechi [Aesthetic qualities of spoken language]. In *Fortunatovskiy sbornik*. Moskva: Editorial URSS. Pp. 176-180. (In Russ.).

9. Kuzmenko, S. A. (2001). K voprosu o konvergensii stilisticheskikh priemov. [On the issue of convergence of stylistic devices]. In *Aktualnye problemy sotsiogumanitarnogo znaniya*: sb. nauchn. tr. Pyatigorsk: PGLU. No 1. Pp. 10-14.

10. Kuzmenko, S. A. (2003). K voprosu ob ekspressivnosti v sovremennoy lingvistike [On the question of expressiveness in modern linguistics]. In *Aktualnye problemy sotsiogumanitarnogo znaniya*. Stavropol: PGLU. Vyp. 3. Pp. 5-11.

11. Kuzmenko, S. A. (2006). Yavlenie konvergensii v stilistike i teorii teksta [The phenomenon of convergence in stylistics and text theory]. In *Yazyk kak voploshchenie kultury. Lingvisticheskaya, perevodcheskaya i didakticheskaya refleksiya*. Stavropol: Stavropolskoe knizhnoe izd-vo. Pp. 135-138. (In Russ.).

12. Nelkenbaum, V. M. (2016). Osobennosti stilisticheskoy konvergensii v khudozhestvennom tekste [Features of stylistic convergence in a literary text]. In *Vestnik Bashkirskogo universiteta*. T. 21. No. 1. Pp. 136-138. (In Russ.).

13. Potebnya, A. A. (1976). *Estetika i poetika* [Aesthetics and poetics]. Moskva: Iskusstvo. (In Russ.).

14. Putin, A. A. (1971). *O nekotorykh osobennostyakh gazetnykh zagolovkov* [About some features of newspaper headlines]. Moskva: Inostrannye yazyki v vyshey shkole. (In Russ.).

15. Rakhimova, M. V. (2007). Amerikanskaya model populyarnoi kultury [The American model of popular culture]. In *Znanie. Ponimanie. Umenie*. Moskva: Moskovskiy gumanitarnyy universitet. No. 4. Pp. 216-220.

16. Sizov, M. M. (1984). *Razvitie angliyskogo gazetnogo zagolovka* [Development of the English newspaper headline]. Moskva: Nauka. (In Russ.).

17. Shmelev, D. N. (1977). *Russkiy yazyk v ego funktsionalnykh raznovidnastyakh* [Russian in its functional varieties]. Moskva: Nauka. (In Russ.).

18. Browne, R. B. (2005). English Literature Departments as Centers of the Humanities. In *Popular Culture Studies Across the Curriculum. Essays for Educators*. North Carolina; L. Pp. 13.

19. Chiaro, D. (1992). *The Language of Jokes: Analysing Verbal Play*. L.: Routledge.

20. Crystal, D. (1998). *Language Play*. L.: Penguin Books.

21. Koestler, A. (1964). *The Act of Creation*. L.: Hutchinson.

22. Nash, W. (1985). *The language of humour: Style and technique in comic discourse*. L.: Longman.

23. Redfern, W. D. (1984). *Puns*. Oxford; New York: Basil Blackwell Ltd.

SOURCES OF ILLUSTRATIVE MATERIAL

1. *AiF na Donu* [AiF on the Don]. 14.12.2016. No. 50. Available at: https://rostov.aif.ru/society/family/snogsshibatelnye_problemy_ulica_trudyashchihsya_v_rostove_opasna_dlya_zhizni. (accessed: 14.03.2021). (In Russ.).

2. *AiF na Donu* [AiF on the Don]. 09.04.2014. No. 15. Available at: <https://rostov.aif.ru/society/details/1146113>. (accessed: 14.03.2021). (In Russ.).

3. *Argumenty i fakty* [Arguments and Facts]. 29.05.2019–04.06.2019. No. 22. Available at: <https://pressa-vsem.su/gazetyi/18216-argumenty-i-fakty-22-may-iyun-2019.html>. (accessed: 25.12.2020). (In Russ.).

4. *Argumenty i fakty* [Arguments and Facts]. 23.10.2019–29.10.2019. No. 43. Available at: <https://pressa-vsem.su/gazetyi/20159-argumenty-i-fakty-43-oktyabr-2019.html>. (accessed: 05.12.2020).

5. Reklama Bilayn robot. S kem yeto ty tak dolgo razgovarival!!? [Commercial Beeline robot. Who did you talk to for so long!!?]. 21.07.2020. In *YouTube*. Available at: <https://www.youtube.com/watch?v=l9O6LhY1DW8>. (accessed: 14.03.2021).

6. Reklama MTS «Ave, Airdata!» Polnaya versiya Dmitriy Nagiev Timur Bekmambetov [Commercial MTS «Ave, Airdata!» Full version Dmitriy Nagiev Timur Bekmambetov]. 21.07.2020. In *YouTube*. Available at: <https://www.youtube.com/watch?v=vOpDR-uatN0>. (accessed: 12.03.2021).

7. Blink-182 – Adam's Song. 05.09.2000. In *YouTube*. Available at: https://www.youtube.com/results?search_query=adams+song. (accessed: 25.04.2021).

8. *The Economist Asia Edition*. 03.09.2019. Available at: <https://bit.ly/3bzvo2v>. (accessed: 10.12.2020).

9. *The Economist Asia Edition*. 24.08.2019. Available at: <https://bit.ly/2OQ3wx9>. (accessed: 10.12.2020).

10. *The Economist Asia Edition*. 27.07.2019. Available at: <https://bit.ly/2Hhc6kz>. (accessed: 11.12.2020).

11. *The Economist Middle East and Africa Edition*. 11.01.2020. Available at: <https://bit.ly/3bHsPeO>. (accessed: 15.12.2020).

12. *The Economist Middle East and Africa Edition*. 14.09.2019. Available at: <https://bit.ly/37kt1NI>. (accessed: 13.01.2020).

Удинская Алла Геннадиевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики перевода, декан факультета иностранных языков (e-mail: a.udynska@donnu.ru), Государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Донецкий национальный университет» 283001, Донецк, Университетская, 24

Udinskaya Alla G. – Candidate of Philology, Associate Professor of Translation Studies Department, Dean of the Faculty of Foreign Languages (e-mail: a.udynska@donnu.ru), State Educational Institution of Higher Professional Education «Donetsk National University» 24 Universitetskaya, Donetsk, 283001

Борюшова Ирина Юрьевна – магистрант кафедры теории и практики перевода (e-mail: borira1999@gmail.com), Государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Донецкий национальный университет» 283001, Донецк, Университетская, 24

Boryushova Irina Yu. – Master's Degree Student of Translation Studies Department (e-mail: borira1999@gmail.com), State Educational Institution of Higher Professional Education «Donetsk National University» 24 Universitetskaya, Donetsk, 283001

Поступила в редакцию 08 апреля 2021 г.

ИНОЯЗЫЧНЫЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ В ПОЭТИЧЕСКОЙ СТРОКЕ ЯНА КОХАНОВСКОГО

В статье впервые предпринята попытка проанализировать факты употребления в подлинных стихотворных текстах Яна Кохановского новых для его времени единиц иноязычного происхождения. Русские, романо-германские и восточные единицы в строке видного польского поэта XVI века Яна Кохановского дают представление не только о лексических особенностях его речи, а и о межъязыковых связях, существовавших в данную эпоху.

Ключевые слова: заимствование, лексико-фразеологические единицы, поэтическая строка, иноязычные слова.

FOREIGN LANGUAGE BORROWINGS IN POETIC LINE OF JAN KOCHANOWSKI

The article is the first attempt to analyze the facts of the use of new units of foreign language origin in the authentic poetic texts of Jan Kochanowski. Russian, Romano-Germanic, and Eastern units in the line of the prominent Polish poet of the XVI century Jan Kochanowski give an idea not only about the lexical features of his speech, but also about the interlanguage relations existing in the studied era.

Key words: borrowing, lexical and phraseological units, poetic string, foreign words.

Язык отдельного автора всегда вызывал и вызывает интерес с точки зрения наличия в речи данного автора особых средств высказывания, употребление которых свидетельствует о живом процессе, происходящем не только в речи поэта, но и в литературном языке в эпоху его творчества.

Результатом исследования средств высказывания отдельного автора являются известные многотомные издания, как скажем, словари языка: А. С. Пушкина [Словарь языка Пушкина, 1956-1961, Т. 1-4], Адама Мицкевича [Słownik języka Adama Mickiewicza, 1962-1983, Т. 1-11] и других.

Исследование языка автора только в аспекте наличия в его тексте иноязычных заимствований может показать глубину межъязыковых контактов в эпоху, в которой создавалось произведение.

Примерами работ об иноязычных заимствованиях в текстах отдельных авторов могут послужить: статья М. Балий, посвященная польским заимствованиям в творчестве Н. Гоголя [Baliј, 1985: 23-34]; Х. Милейковской – полонизмам у А. С. Пушкина [Milejkowska, 1983: 77-87]; Н. Е. Ананьевой – полонизмам В. Г. Короленко

[Ананьева, 2004: 13-26], известная рецензия на сонеты Адама Мицкевича П. А. Вяземского, в которой затрагивалась проблема правильности перевода на русский язык некоторых польских слов [Вяземский, 1827: 191-222]; В. Шетэля писал о русизмах у польских авторов [Шетэля, 2017: 329-332], [Шетэля, 2019: 324-331].

Наш интерес в плане изучения только единиц иноязычного происхождения вызвало творчество Яна Кохановского, поскольку данный значимый для польской литературы автор являлся новатором в создании польского литературного языка, а также поэтического языка в эпоху, в которую как никогда раньше так живо не возникала потребность творчества не на латыни, а на родном (польском) языке. Хотя, правду сказать, Ян Кохановский писал параллельно и на латинском языке, что свидетельствовало об устоявшейся позиции латыни в обществе его времени и позже. Латынь, как средство богослужения в костелах, применялась вплоть до середины 60-х гг. XX века.

Ян Кохановский из тех творческих личностей, которые создавали новый польский поэтический язык. Наличие в нем единиц иноязычного происхождения во многом может свидетельствовать о межкультурных и межъязыковых связях в эпоху творчества поэта. Вместе с тем поэт был защитником языка от ненужных иноязычных влияний, см.: работы З. Клеменевича [Klemensiewicz, 1985], Ч. Милоша [Miłosz, 1996], В. Ташицкого [Taszycki, 1953].

Творчество Яна Кохановского (1530-1584 гг.) – выдающегося поэта польского Возрождения – характеризуется новаторством в создании произведений на польском языке, а также употреблением в них новых, часто авторских, лексико-фразеологических единиц. Это была эпоха, которая, как уже было сказано, требовала от авторов творчества в области таких литературных жанров, как молитва, псалмы, религиозные песни. В эпоху польского Возрождения считалось, что смысл религиозных произведений и язык ритуалов должны были быть понятными всем слоям общества, а не только дворянской верхушке. Только родной язык в полной мере эту доступность раскрывал.

Высокий слог Яна Кохановского и разнообразная тематика его произведений, а также переводы на польский язык латинских текстов, требовали от поэта новаторства в словопроизводстве, особенно когда при переводе латинских текстов на польский язык в этом последнем недоставало общественно-политической терминологии и соответствующих названий отвлеченного и религиозного толка.

Высказывания политического характера, как скажем, в поэме «Поход на Москву» («Jezda do Moskwy», 1583), темой которой являлся один из походов в Ливонской войне

Радзивиллов на Московские земли, требовал соответствующих польских выражений и заимствований из русского языка.

Ян Кохановский был одним из первых, кто употребил слово *car* и прозвище *Groźny*, называющее Ивана IV, см.: «*Czyli temu dawne czasy, kiedy szczęściu swemu Car moskiewski ufając chciał światu wszystkiemu Groźnym być*» [Kochanowski, 1953: III, 159]. «В былые времена, когда, доверяя своему счастью, Царь московский хотел для всего мира Грозным быть» (перевод на русский язык здесь и далее наш. – В. Ш.).

«*Car moskiewski plac mężnemu Puścił królowi polskiemu*» [Kochanowski, 1953: I, 327]. «Московский царь уступил мужественному польскому королю».

В стихотворной строке Яна Кохановского употребляются и другие наименования должностных лиц в государстве.

Слово *kniaź* (рус. *князь*) имеет соответствие в польском – *książe*, но поскольку речь идет в поэме о князе Шеремете и сыне его Федоре, то поэт предпочел при упоминании этих лиц употребить русское титульное слово. См.: «*ludzie twoi szli ... pod Starycę, gdzie sam kniaź natenczas ... Tejże nocy żonę swą i kniazia Fiodora Z żoną jego i z bracią z staryckiego dwora Do Moskwy wysłał ...*» [Kochanowski, 1953: III, 166]. «люди твои шли ... под Старицу, где сам князь сразу ... Этой же ночи жену свою и князя Федора С женой его и братьями из старицкого дворца в Москву отправил ...».

Для определения высокого статуса этих лиц в Московии автор употребляет прилагательное *bojarskie*: «*Synów poczet bojarskich przed tobą stawili, Kiedyś szedł przez Urdomeę*» [Kochanowski, 1953: III, 165]. «отряд Сынов боярских перед тобой (перед Радзивиллом) встал, когда ты шел через Урдомлю».

Вместе с тем употребляются и другие названия должностных лиц и профессий, напр., слово *dijak* – *дьяк* в сочетании с именем собственным лица: «*dijaka na imię Putiła*»: «*W drodze z Rusy dijaka na imię Putiła Czujących Kozaków prędka ręka załapila*» [Kochanowski, 1953: III, 168]. «В пути из Рузы дьяка по имени Путила, нежные руки казаков захватили».

Слово *pop*, традиционно поясняемое в значении «*ruski ksiądz*» («православный священник») [Brückner, 1998: 430], в поэме Яна Кохановского «Шахматы» употреблено в значении «шахматная фигура – гонец», польск. «*laufer*»: «*potym Popi przysiędą sie do nich*» [Kochanowski, 1953: I, 110]. «затем Попы присоединятся к ним (рыцарям, т. е. к коням)».

В поэме «*Jezda do Moskwy*» назван топоним с определением статуса местности – *sioło*, а также другие русские названия: *monastyr*, *cerkiew*, которые в поэме служат в большинстве случаев топографическими и военными ориентирами, но все же они придают тексту определенный местный колорит, см.: «*Ruszywszy się z Kołomnej, położyłeś*

wojsko, Sotow zową siolo. Cerkiew świętej Piątnice tamże, ale drogę pisząc twoją, ani ja Czerniszowa mogę, Ani cerkwie przypomnieć Mikuły W Remiszowie» [Kochanowski, 1953: III, 168] ‘«Выйдя из Коломны, Ты остановил войско, Сотов зовут село. Церковь святой Пятницы там, но, описывая Твою дорогу, я не могу не упомянуть о Чернышове и о церкви Микулы в Ремишове»»; «*Leżaleś w Michajłowie potym, kędy była Archaniola świętego cerkiew Michaila»* [Kochanowski, 1953: III, 169] ‘«Отдохнули затем в Михайлове, где была Архангела святая церковь Михаила»’. Подробнее см. об этом в статье В. Шетэля [Шетэля, 2020: 238-243].

Как видим, здесь употреблены русские антропонимы святых, в честь которых освящены храмы. Такое употребление может свидетельствовать о высоком уважении автора к носителям русского языка и их вере.

Собственные имена монастырей и церквей создают тем самым былинную картину Московии: «*Byleś, Radziwille, za głębokim Tudem. Tam Monastyr (Preczystoj Rusin zowie leż)*» [Kochanowski, 1953: III, 166] ‘«Был Ты, Радзивилл, за глубоким Тудом. Там Монастырь (Пречистым Русин его зовет) лежит»’.

Еще пример: «*cerkiew na brzegu Świętej Pokrowy stoi*» [Kochanowski, 1953: III, 164] ‘«церковь на берегу Святой Покровы стоит»’.

Интересно, что слово *cerkiew* в некоторых случаях не всегда относится к православному храму.

Так, в переводе с латыни на польский язык «Псалтыря Давидова» два раза употребляется слово *cerkiew* для общего названия христианского храма. См.: «*Chciej mię z rąk srogich wybawić ... Abych Twe sprawy mógł sławić W cerkwi Twojej wybranej*» [Kochanowski 1953: II, 24] ‘«Пожелай спасти меня из рук жестоких ... Чтобы я Твои дела славил в церкви Твоей избранной»’; «*nawiedzcie Jego cerkiew złotą!*» [Kochanowski, 1953: II, 223] ‘«посетите Его церковь золотую!»’.

Определенным топографическим и мемориальным ориентиром является слово *ключ* – по-польски *źródło, źródł* – для названия источника, помнящего поход на московские земли литовского князя Витолта: «*w gaju zaś sosnowym Zdrój można bije, który także Witultowym Kluczem po dziś dzień zowiąq*» [Kochanowski, 1953: III, 167] ‘«в сосновой роще сильный Ключ бьет, который также Витултовым Ключом по сей день зовут»’.

Автор счел нужным назвать источник тем русским названием, которое утвердилось в местной народной памяти.

Свидетельством активных контактов Польши с носителями тюркских языков могут послужить факты употребления автором ряда восточных слов.

Таким является слово *janczar* в значении «турецкое войско» [Brückner, 1998: 198], употребленное в поэтической строке Яна Кохановского, см.: «*Złoto ... janczarów zbrojnych pójdzie snadnie*» [Kochanowski, 1953: I, 315] «Золото с янычар вооруженных пойдет на убыль».

Слово *murza*, читаем [*mur-za*] – «мирза», «титул принцев крови у восточных мусульман» [Гавкин, 1912: 399]: «*I już był tylko w nogach nadzieję położył, Zwłaszcza gdy Danił Murza od niego z Staryce Do ciebie był ujechał*» [Kochanowski, 1953: III, 166] «И уже понадеялся на свои ноги, Особенно когда Данил Мурза от него из Старицы К тебе уехал». Эти строки следует понимать таким образом, что Старицкий князь понадеялся на свои ноги, бежать должен был, особенно, когда Данил Мурза переметнулся к Радзивиллу. О слове *murza* и его производных в русском и польском языках более подробно см. в нашей статье [Шетэля, 2016: 315-320].

Отметим употребление в текстах титулов немецкого и венгерского происхождения, напр., слово *grof* – «graf, hrabia» [Kochanowski, 1953: III, 327: примеч.], рус. *граф*: «*Nie bierz pan darów ani sie pyta, Jesli kto chłop czyli sie grofem poczzyta*» [Kochanowski, 1953: I, 330] «господин не берет подарков, и даже не разговаривает с таким, который по происхождению крестьянин, а считает себя графом». А. Брюкнер считает, что *graf* в польский язык пришло из немецкого и русского языков в XIX веке. Являлось синонимом к более раннему в польском языке слову чешского происхождения *hrabia*. Употребленное Кохановским слово *grof* – раннее прямое заимствование из венгерского языка [Brückner, 1998: 173].

В стихотворной строке Яна Кохановского отметим разовое употребление интернациональной единицы, получившей вхождение в языки Европы уже в наше время.

Ярким примером является слово *brant* в значении «золото высшей пробы», «*brant – czyste, przetopione złoto lub srebro*» [Kochanowski, 1953: III, 323: примеч.] «чистое, переплавленное золото или серебро», в настоящее время являющееся фирменным брендом, эталоном золота высшего качества. В тексте «Псалма № 12» слово *brant* употреблено для восхваления чистых и праведных слов Господа. См.: «*Pańskie słowa są czyste i prózne przygany, Pańskie słowa brant szczerzy, siem kroć przelewany*» [Kochanowski, 1953: II, 29] «Слова Господа чисты и не пусты, Слова Господа брант искренний, откровенный, семь раз переплавленный».

Своеобразным новаторством в употреблении Яном Кохановским являлись названные здесь факты заимствований из русского, восточных и западноевропейских языков. Некоторые из таких слов отмечены в многотомном «Словаре польского языка XVI века» [«Słownik polszczyzny XVI wieku»], но далеко не все из них.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ананьева Н. Е. О польском языке в произведениях русской литературы XIX в. (на примере творчества В.Г. Короленко) // Славянский вестник. К 70-летию В. П. Гуткова / под ред. Н. Е. Ананьевой и З. И. Карцевой. Москва: МАКС ПРЕСС, 2004. Вып. 2. С. 13-26.
2. Вяземский П. А. Sonety Adama Mickiewicza (Сонеты Адама Мицкевича). Moskwa, 1826. 48 s. // Московский телеграф. 1827. Ч. XIV. № 7. С. 191-222.
3. Шетэля В. К истории редкого имени из пантеона канонических святых: Моисей Мурин // Преподаватель – XXI век. Москва: МПГУ, 2016. № 3. Ч. 3. С. 315-320.
4. Шетэля В. О русизмах польских текстов XVI в. // Русский язык в славянской межкультурной коммуникации. Москва: МГОУ, 2017. С. 329-332.
5. Шетэля В. О русизмах в языке мемуаров польского военного Яна Хризостома Пасека // Русский язык: история, диалекты, современность. Москва: МГОУ, 2019. Вып. XVIII. С. 324-331.
6. Шетэля В. Ономастика Московий в поэтической строке Яна Кохановского // XIV Поливановские чтения. Смоленск: Смоленский университет, 2020. С. 238-243.
7. Klemensiewicz Z. Historia języka polskiego. Warszawa, 1985. 796 s.
8. Miłosz Cz. Historia literatury polskiej do roku 1939. Kraków, 1996. 526 s.
9. Taszycki W. Obrońcy języka polskiego. Wiek XV – XVIII. Wrocław, 1953. 393 s.
10. Baliń M. Polonizmy w historycznych powieściach N.Gogola («Taras Bulba» oraz «Straszna zemsta») // Prace Filologiczne, Warszawa, 1985. T. XXXII. S. 23-34.
11. Kochanowski J. Dzieła polskie. Warszawa: Państwowy Instytut Wydawniczy, 1953. T. I-III.
12. Milejkowska H. Полонизмы в текстах Пушкина // Языкознание. Studia z filologii rosyjskiej i słowiańskiej. Warszawa, 1983. T. II. S. 77-87.

СПИСОК ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ

1. Гавкин И. И. Краткий словарь иностранных слов. Санкт-Петербург, Киев, Харьков, 1912. 745 с.
2. Словарь языка Пушкина. Москва: Гос. изд. иностр. и нац. словарей, 1956-1961. Т. 1-4.
3. Brückner A. Słownik etymologiczny języka polskiego. Warszawa: Wiedza Powszechna, 1998. 805 s.
4. Słownik języka Adama Mickiewicza / red. K. Górski, S. Hrabiec. Wrocław: Ossolineum, 1962-1983. T. 1-11.
5. Słownik polszczyzny XVI wieku. Wrocław, Warszawa, Kraków, Gdańsk: Zakład Narodowy imienia Ossolińskich, Wydawnictwo PAN, 1978. T. XI. 634 s.
6. Boryś W. Słownik etymologiczny języka polskiego. Kraków: Wydawnictwo Literackie, 2005. 861 s.

REFERENCES

1. Ananeva, N. E. (2004). O polskom yazyke v proizvedeniyakh russkoy literatury XIX v. (na primere tvorchestva V. G. Korolenko) [About the Polish language in the works of Russian literature of the XIX century (based on V. G. Korolenko's creative works)]. In. *Slavyanskiy vestnik. K 70-letiyu V. P. Gutkova / pod red. N. E. Ananeyov, Z. I. Kartsevoy.* Moskva: MAX PRESS. Vyp. 2. Pp. 13-26. (In Russ.).
2. Vyazemskiy, P. A. (1827). Sonety Adama Mickiewicza (Sonety Adama Mitskiewicha). Moskwa, 1826. 48 p. [Sonnets of Adam Mickiewicz (Sonnets of Adam Mitskiewicz). Moscow, 1826. 48 pp.]. In *Moskovskiy telegraf*. Ch. XIV. No. 7. Pp. 191-222. (In Russ.).
3. Szetela, V. (2016). K istorii redkogo imeni iz panteona kanonicheskikh svyatykh: Moisey Muryn [To the history of a rare name from the Pantheon of canonical saints: Moses

- Murin]. In *Prepodavatel – XXI vek*. Moskva: MPGU. No. 3. Ch. 3. Pp. 315-320. (In Russ.).
4. Szetela, V. (2017). O rusizmach polskikh tekstov XVI v. [On the Rusisms of Polish texts of the XVI century]. In *Russkiy yazyk v slavyanskoy kommunikatsii*. Moskva: MGOU. Pp. 329-332. (In Russ.).
 5. Szetela, V. (2019). O rusizmach v yazyke memuarov polskovo voennogo Yana Chrizostoma Paseka [About Russianisms in the language of the memoirs of the Polish military Jan Chryzostom Pasek]. In *Russkiy yazyk: istoriya, dialekty, sovremennost*. Moskva: MGOU. Vyp. XVIII. Pp. 324-331. (In Russ.).
 6. Szetela, V. (2020). Onomastika Moskoviy v poyeticheskoy stroke Yana Kokhanovskogo [Onomastics of Muscovy in a poetic line of Jan Kochanowsky]. In *XIV Polivanovskie chteniya*. Smolensk: Smolenskiy universitet. Pp. 238-243. (In Russ.).
 7. Klemensiewicz, Z. (1985). *Historia języka polskiego*. Warszawa. (In Polish.).
 8. Miłosz, Cz. (1996). *Historia literatury polskiej do roku 1939*. Kraków. (In Polish.).
 9. Taszycki, W. *Obrońcy języka polskiego. Wiek XV – XVIII*. Wrocław. (In Polish.).
 10. Balić, M. (1985). Polonizmy w historycznych powieściach N.Gogola («Taras Bulba» oraz «Strasza zemsta»). In *Prace Filologiczne*. Warszawa. T. XXXII. Pp. 23-34. (In Polish.).
 11. Kochanowski, J. (1953). *Dzieła polskie*. Warszawa: Państwowy Instytut Wydawniczy. T. I-III. (In Polish.).
 12. Milejkowska, H. (1983). Polonizmy w tekstach Pushkina [Polonisms in Pushkin's texts]. In *Językoznawstwo. Studia z filologii rosyjskiej i słowiańskiej*. Warszawa. T. II. Pp. 77-87. (In Russ.).

LEXICOGRAPHICAL SOURCES

1. Gavkin, I. I. (1912). *Kratkiy slovar inostrannykh slov* [Short dictionary of foreign words]. Sankt-Petersburg, Kiyev, Kharkov. (In Russ.).
2. *Slovar yazyzka Pushkina* [Dictionary of the Pushkin language]. Moskva: Gos. izd. inostr. i nats. slovarey, 1956-1961. T. 1-4. (In Russ.).
3. Brückner A. (1998). *Słownik etymologiczny języka polskiego*. Warszawa: Wiedza Powszechna. (In Polish.).
4. *Słownik języka Adama Mickiewicza* / red. K. Górski, S. Hrabiec. Wrocław: Ossolineum, 1962-1983. T. 1-11. (In Polish.).
5. *Słownik polszczyzny XVI wieku*. Wrocław, Warszawa, Kraków, Gdańsk: Zakład Narodowy imienia Ossolińskich, Wydawnictwo PAN, 1978. T. XI. (In Polish.).
6. Boryś, W. (2005). *Słownik etymologiczny języka polskiego*. Kraków: Wydawnictwo Literackie. (In Polish.).

Шетеля Виктор – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры контрастивной лингвистики (e-mail: szetela@mail.ru), Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Московский педагогический государственный университет» 119571, Москва, проспект Вернадского 88

Shetelya Victor – Candidate of Philology, Associate Professor of Contrastive Linguistics Department (e-mail: szetela@mail.ru), Federal State-Funded Educational Institution of Higher Professional Education «Moscow State Pedagogical University» 88 Vernadskogo, Moscow, 119571

Поступила в редакцию 16 марта 2021 г.

РЕЦИПРОКНЫЕ КОНСТРУКЦИИ С ЭЛИМИНАЦИЕЙ ДОПОЛНЕНИЯ В НЕМЕЦКОМ И УКРАИНСКОМ ЯЗЫКАХ

В статье исследуются реципрокные глаголы и их конструкции в немецком и украинском языках. Выделяются синтаксические классы реципрокных конструкций, устанавливаются диатезные типы субъектных реципрокных конструкций, описываются типичные изменения в диатезном преобразовании реципрокных глаголов обоих языков.

Ключевые слова: *реципрокный глагол, реципрокная конструкция, дополнение, элиминация, диатеза.*

RECIPROCAL CONSTRUCTIONS WITH ELIMINATION OF OBJECT IN GERMAN AND UKRAINIAN

The article studies reciprocal verbs and their constructions in German and Ukrainian. The syntactic classes of reciprocal constructions have been singled out. Diathetic types of subject reciprocal constructions have been determined. Typical changes in the diathesis transformation of reciprocal verbs in both languages have been described.

Key words: *reciprocal verb, reciprocal construction, object, elimination, diathesis.*

1. Введение. Под реципрокными глаголами (далее РецГ) понимаются единицы, которые обозначают симметричные отношения между актантами с разными семантическими ролями, то есть каждый симметричный актант одновременно выполняет по две семантические роли – субъекта и объекта [Недялков, 1991: 276; Nedjalkov, 2007: 461]. Ср.: (1) нем. *Holger und Annette lieben sich* ‘Хольгер и Аннетте любят друг друга’ = *Holger* (субъект) *liebt Annette* (объект) ‘Хольгер любит Аннетте’ + *Annette* (субъект) *liebt Holger* (объект) ‘Аннетте любит Хольгера’; (2) укр. *Навіть билися Могол із Савуляком* = *Могол* (субъект) *бив Савуляка* (объект) + *Савуляк* (субъект) *бив Могола* (объект).

РецГ рассматриваются в составе образуемых ими реципрокных конструкций (РецК). Реципрокными называются такие конструкции, которые обозначают ситуацию преимущественно с двумя участниками (актантами), каждый из которых одновременно является субъектом действия (агенсом) и ее объектом (пациенсом), и подвергается действию со стороны другого аналогичного субъекта (см. (1), (2)) [Генюшене, 1983: 114; Geniušiene, 2007: 601].

Материалом для настоящей статьи послужили данные толковых, переводных, синонимических, этимологических и др. словарей, а также данные опроса информантов и примеры из произведений немецкой и украинской художественной литературы

XX столетия. Корпус текстовой выборки РецК составляет 2275 примеров в немецком языке и 2524 в украинском языке.

2. Понятие диатезы. РецГ и РецК в немецком и украинском языках анализируются в работе с позиции теории диатез и залогов, предложенной А. А. Холодовичем [Холодович, 1970: 18; Холодович, 1979: 162]. Под диатезой понимается схема соответствия между партиципантами, определенным словарным толкованием глагола, синтаксическими актантами предикативной словоформы и их соответствиями на референтном уровне. Изменения, которые происходят в деривации нереципрокные глаголы (НРецГ) / нереципрокные конструкции (НРецК) → РецГ / РецК, фиксируются в диатезах по схеме *исходная диатеза* (Δ_0) → *производная диатеза* (Δ_1). *Исходной диатезой* называется такая конструкция, в которой выражается соответствие синтаксических актантов партиципантам ситуации и референтным именам. При переходе от исходной к производной конструкции происходит определенное изменение конститuentов исходной диатезы. Суть диатезного преобразования заключается в том, что в производной диатезе участники действия, обозначаемого глаголом, на семантическом уровне могут выражаться другими членами предложения в сравнении с исходной конструкцией [Храковский, 1981: 13]. На референтном уровне в производной диатезе часто происходит конъюнкция (объединение) двух референтов исходной диатезы во множественный референт. Диатеза, которая фиксируется в производной конструкции, называется производной диатезой, например: (3) укр. а. *Він бачив її* (исходная диатеза) + *Вона бачила його* (исходная диатеза) → б. *Але він був уважний, і чулий, і ніжний, і ліричний, коли ми бачилися* (производная диатеза) [Юшкова, 2010: 569].

3. Уровни описания РецГ. РецГ рассматриваются в работе как сложная структура, которая формируется тремя составляющими: референтной, ролевой (или семантической) и синтаксической. Выделение этих конститuentов в структуре РецГ происходит путем построения трехуровневых диатез, которые отвечают референтному, ролевому и синтаксическому уровням [Басыров, Юшкова, 2018: 50].

3.1. Референтный уровень РецГ. Для описания РецГ и их конструкций существенным является выделение четырёх семантических типов референтов, что обусловлено семантикой участников ситуации, описываемой глаголами: 1) *потенты* (Pot), которые обозначают одушевленные существа, а именно лица (Pers) или животные, птицы и т. п. (Anim); 2) *неодушевленные референты* (NonPers), которые обозначают силы природы, агрегаты, машины и т. п.; 3) *непотенты* (NonP), к которым относятся предметы,

которые не обладают энергией; 4) *партитивные референты* (Part), которые обозначают части тела, свойства одушевленных референтов (человека) или неодушевленных существ.

3.2. Семантический уровень РецГ. Для описания немецких и украинских РецГ в настоящей работе используются следующие семантические роли: 1) роль агенса (Ag) – инициатора действия – одушевленное лицо, которое контролирует действие; 2) роль пациенса (Pt) – участника ситуации – лицо, которое вовлечено в действие и испытывает существенные изменения; 3) роль экспериенцера (Exp) – носителя чувства; 4) роль содержания (Cont) – информации у глаголов речевого общения; 5) роль адресанта (Adm) – отправителя информации; 6) роль адресата (Adr) – получателя информации; 7) роль стимула (Stim) – источника влияния при чувственном восприятии; 8) роль начальной точки (Ab) – места нахождения первого участника у глаголов движения; 9) роль конечной точки (Ad) – места нахождения второго участника у глаголов движения; 10) роль средства (Med) – предмета, с помощью которого участники воздействуют друг на друга; 11) роль конъюнктура (Conj), которая может объединять в себе следующие семантические роли: 1) агенса и пациенса (Conj_{Ag+Pt}); 2) адресанта и адресата (Conj_{Adm+Adr}); 3) экспериенцера и стимула (Conj_{Exp+Stim}). В работе учитываются также дополнительные семантические элементы (факультативные или облигаторные), которые появляются в окружении РецГ: 1) Mode – образ выполнения действия; 2) Temp – время протекания / выполнения действия; 3) Loc – место нахождения участника в пространстве.

3.3. Синтаксический уровень РецГ. Для анализа синтаксического уровня в структуре РецГ выделяются следующие элементы: 1) подлежащее (Sb), которое может быть выражено формой единственного (Sb_{ед}) или множественного числа (Sb_{мн}); 2) прямое дополнение (Об_{вин}); 3) дополнение в дательном падеже (Об_{дат}); 4) предложное дополнение (Об_{предл}); 5) дополнение в творительном падеже (Об_{тв}).

4. Семантико-синтаксическая классификация РецГ и РецК. В ходе сопоставительного исследования РецК немецкого и украинского языков были разделены на два синтаксических класса: 1) *субъектные РецК*, в которых по сравнению с исходными нерцепрокными конструкциями частично / полностью сохраняется субъектно-подлежащее соответствие, то есть субъект-подлежащее исходной НРецК совпадает с субъектом-подлежащим производной РецК, ср.: (4) нем. а. *Er sah sie an und schwieg* ‘Он посмотрел на нее и замолчал’ + *Sie sah ihn an und schwieg* ‘Она посмотрела на него и замолчала’ (НРецК) → б. *Sie sahen sich an und schwiegen* ‘Они посмотрели друг на друга и замолкли’ (РецК); (5) укр. а. *Один чоловік поцілував другого чоловіка* + *Другий чоловік поцілував першого чоловіка* (НРецК) → б. *Вони поцілувалися, і тепер справді заплакали*

обидва від розчуленості (РецК);

2) *объектные РецК*, в которых сохраняется объект-дополнение исходной НРецК, который, однако превращается из прямого дополнения в субъект-подлежащее производной РецК, ср.: (6) укр. а *Мати поєднає цих двох* → б. ... *коли ці двоє поєднуються, забудуть в обіймах увесь світ*; (7) нем. а. *Er einigte uns* 'Он объединил нас' → б. *Wir einigten uns* 'Мы объединились'.

5. Субъектный класс РецГ / РецК в немецком и украинском языках. Субъектные РецК являются наиболее многочисленными и составляют в немецком языке 92,3% (2099 РецК) и 88,9% (2243 РецК) в украинском. В зависимости от типа синтаксического изменения актантов исходных НРецГ / НРецК в производных РецГ / РецК сопоставляемых языков выделяются 5 общих типов диатез: 1) с заменой дополнения НРецГ / НРецК на взаимное местоимение в РецГ / РецК (нем. *j-n lieben* 'любить кого-либо' → *einander lieben* 'любить друг друга'; укр. *любити кого-небудь* → *любити один одного*); 2) с элиминацией прямого дополнения НРецГ / НРецК в РецГ / РецК (нем. *j-n küssen* 'целовать кого-либо' → *sich küssen* 'целоваться'; укр. *цілувати кого-небудь* → *цілуватися*); 3) с элиминацией предложного дополнения НРецГ / НРецК в РецГ / РецК (нем. *mit j-m zanken* 'ссориться' → *sich zanken* 'ссориться между собой'; укр. *глянути на кого-небудь* → *переглянутися*); 4) с элиминацией прямого и дательного дополнений НРецГ / НРецК в РецГ / РецК (нем. *j-m etw. flüstern* 'шептать кому-либо что-либо' → *sich flüstern* 'шептать между собой'; укр. *кричати кому-небудь що-небудь* → *перекрикуватися*); 5) со снижением синтаксического ранга прямого дополнения НРецК в РецГ / РецК (нем. *j-n schlagen* 'бить кого-либо' → *sich mit j-m schlagen* 'биться с кем-либо'; укр. *бачити кого-небудь* → *бачитися з ким-небудь*).

Настоящая статья посвящена исследованию трёх общих типов субъектных РецК немецкого и украинского языков, в которых элиминируются различные типы дополнений.

5.1. РецК с элиминацией прямого дополнения. В данном диатезном типе РецК происходит симметризация подлежащего и дополнения, в результате чего элиминируется прямое дополнение исходной диатезы. Исходный прямопереходный НРецГ теряет синтаксическую валентность дополнения; при этом происходит морфологическое переоформление предикативной словоформы, т. е. к мотивирующей основе присоединяется соответствующий рефлексивный показатель (РП) (*sich, -ся*) [Князев, 2007: 318]. Данный тип диатез является наиболее многочисленным в обоих языках и представлен в немецком языке 470 РецК (22,4%) и в украинском 651 РецК (29%). Ср.: (8) нем. а. *Du liebst mich*

‘Ты любишь меня’ + *Ich liebe dich* ‘Я люблю тебя’ → б. *Wir lieben uns* ‘Мы любим друг друга’; (9) укр. а. *Микола поцілував Олену* + *Олена поцілувала Миколу* → б. *Вони обнялись міцно, поцілувались*.

В примерах (8) и (9) имеет место симметризация первого (*du*; *Микола*) и второго (*ich*; *Олена*) актантов исходных НРецК (8а), (9а), которые на синтаксическом уровне занимают соответственно позиции подлежащего и прямого дополнения. Исходные НРецГ (*j-n lieben* ‘любить кого-либо’; *поцілувати кого-небудь*) утрачивают в производных РецК синтаксическую валентность дополнения, которая маркируется в немецком языке РП *sich* в реципрокном значении (*lieben* ‘любить кого-либо’ → *sich lieben* ‘любить друг друга’), а в украинском – РП *-ся* в аналогичном значении (*поцілувати кого-небудь* → *поцілуватися*) [Михайлик, 1995: 12].

Субъектные РецК с элиминацией прямого дополнения образуются в немецком и украинском языках от 4 лексико-семантических групп (ЛСГ) глаголов.

1) Преобладающее количество РецК в немецком (239 ед.) и украинском (260 ед.) языках мотивируются глаголами чувственного (зрительного) восприятия: (10) нем. (разг.) а. *Er* (Pers¹_{ед}/Exp/Sb¹_{ед}) *beäugte sie* (Pers²_{ед}/Stim/Ob_{вин}) *böse* (Mode) ‘Он рассматривал ее со злостью’ + *Sie* (Pers²_{ед}/Exp/Sb²_{вин}) *beäugte ihn* (Pers¹_{ед}/Stim/Ob_{вин}) *böse* (Mode) ‘Она рассматривала его со злостью’ → б. *Die beiden* (Pers¹⁺²_{мн}/Conj_{Exp+Stim}/Sb¹⁺²) *beäugten sich böse* (Mode) ‘Оба рассматривали друг друга со злостью’; (11) укр. а. *Він* (Pers¹_{ед}/Exp/Sb¹_{ед}) *бачив її* (Pers²_{ед}/Stim/Ob_{вин}) + *Вона* (Pers²_{ед}/Exp/Sb²_{ед}) *бачила його* (Pers¹_{ед}/Stim/Ob_{вин}) → б. *Так наче не далі, як сьогодні за обідом* (Temp), *бачилися вони* (Pers¹⁺²_{мн}/Conj_{Exp+Stim}/Sb¹⁺²).

В немецком языке аналогичное диатезное преобразование отмечено также у глаголов: *sich anschauen* ‘смотреть друг на друга’ (← *j-n anschauen* ‘смотреть на кого-либо’); *sich begucken* разг. ‘осматривать друг друга’ (← *j-n begucken* (разг.) ‘осматривать кого-либо’), а в украинском – *зустрічатися* (← *зустрічати кого-небудь*); *побачитися* (← *побачити кого-небудь*); *стрічатися* (← *стрічати кого-небудь*) и др.

2) Второй подтип диатез с элиминацией в РецК прямого дополнения образуется в сопоставляемых языках глаголами физического воздействия субъекта на объект с целью причинения ему физической боли, вреда, или наоборот, данные глаголы описывают ситуацию проявления субъектом своих дружеских или любовных чувств, симпатий к объекту [Лецинская, 2000: 82]. В украинском языке анализируемый подтип диатезы является наиболее многочисленным и составляет 222 РецК, а в немецком – 98 РецК. Ср: (12) нем. (разг.) *Hans* (Pers¹_{ед}/Ag/Sb¹_{ед}) *bolzt Paul* (Pers²_{ед}/Pt/Ob_{вин}) *wieder* ‘Ганс снова бьет Рафаэля’ + *Paul* (Pers²_{ед}/Ag/Sb²_{ед}) *bolzt Hans* (Pers¹_{ед}/Pt/Ob_{вин}) *wieder* ‘Рафаэль снова

бьет Ганса' → б. *Hans und Paul* (Pers¹⁺²_{мн}/Conj_{Ag+Pt}/Sb¹⁺²_{мн}) *bolzen sich wieder* 'Ганс и Рафаэль снова бьются'; (13) укр. а. *Шишман* (Pers¹_{ед}/Ag/Sb¹_{ед}) *б'є Стратимира* (Pers²_{ед}/Pt/Ob_{вин}) + *Стратимир* (Pers²_{ед}/Ag/Sb²_{ед}) *б'є Шишмана* (Pers¹_{ед}/Pt/Ob_{вин}) → б. ... *як б'ються між собою ... Шишман і Стратимир* (Pers¹⁺²_{мн}/Conj_{Ag+Pt}/Sb¹⁺²_{мн}), *ослаблюючи і без того знесилену свою державу*.

Как видно из примеров, производная диатеза (12б), (13б) меняется в обоих языках сходным образом: 1) элиминируется прямое дополнение исходных диатез (*Paul* в (12а); *Стратимир* в (13а)); 2) множественный референт производной диатезы оформляется двумя антропонимами, которые объединены сочинительным союзом (*Hans und Paul*; *Шишман і Стратимир*). Симметричные актанты выступают в РецК в семантической роли агенсно-пациенсного конъюнктора (Conj_{Ag+Pt}) и занимают позицию подлежащего; 3) деривация (НРецГ → РецГ) сопровождается морфологическим переобразованием исходного глагола, к которому добавляется в немецком языке РП *sich* (*j-n bolzen* (разг.) 'лупить кого-либо' → *sich bolzen* 'бить друг друга'), в украинском – РП *-ся* (*бити кого-небудь* → *битися*). В немецком языке данный диатезный подтип реализуют также РецГ: *sich schlagen* 'бить друг друга' (← *j-n schlagen* 'бить кого-либо'); *sich haschen* 'схватить друг друга' (← *j-n haschen* 'хватать кого-либо') и др., а в украинском языке: *цілуватися* (← *цілувати кого-небудь*); *итовхатися* (← *итовхати кого-небудь*); *рубатися* (← *рубати кого-небудь*) и т. п.

В анализируемую группу входят также 11 РецГ украинского языка, которые обозначают физическое воздействие лиц друг на друга с использованием определенного орудия или средства. В качестве инструмента в РецК выступают орудия (например, *меч, кнут* и т. п.) или части тела (например, *кулаки, локти, голова* и т. п.), а в качестве средства – вещество (например, *снежки, вода* и т. п.), которые на синтаксическом уровне выражаются обычно косвенным дополнением, например: (14) укр. а. *Одна дитина* (Pers¹_{ед}/Ag/Sb¹_{ед}) *била другу дитину* (Pers²_{ед}/Pt/Ob_{вин}) *сніжками* (NonPers/Med/Ob_{тв}) + *Друга дитина* (Pers²_{ед}/Ag/Sb²_{ед}) *била першу дитину* (Pers¹_{ед}/Pt/Ob_{вин}) *сніжками* (NonPers/Med/Ob_{тв}) → б. *Ми, діти*, (Pers¹⁺²_{мн}/Conj_{Ag+Pt}/Sb¹⁺²_{мн}) *ліпили снігову бабу, билися сніжками* (NonPers/Med/Ob_{тв}).

3) К третьему подтипу относятся РецК, образованные глаголами, которые обозначают разные виды взаимоотношений между людьми (любовь, симпатия, взаимопонимание и т. п.). В немецком языке эта группа насчитывает 89 РецК, а в украинском языке она является менее продуктивной (44 РецК), ср.: (15) нем. а. *Er*

(Pers¹_{ед}/Exp/Sb¹_{ед}) *kennt seinen Freund* (Pers²_{ед}/Stim/Ob_{вин}) *nicht mehr* (Mode) ‘Он больше не знает своего друга’ + *Sein Freund* (Pers²_{ед}/Exp/Sb²_{ед}) *kennt ihn* (Pers¹_{ед}/Stim/Ob_{вин}) *nicht mehr* (Mode) ‘Его друг больше не знает его’ → б. *Die beiden* (Pers¹⁺²_{мн}/Conj_{Exp+Stim}/Sb¹⁺²_{мн}) *kennen sich nicht mehr* (Mode) ‘Оба больше не знаются’; (16) укр. а. *Хлопці* (Pers¹_{мн}/Exp/Sb¹_{мн}) *любили дівчат* (Pers²_{мн}/Stim/Ob_{вин}) + *Дівчата* (Pers²_{мн}/Exp/Sb²_{мн}) *любили хлопців* (Pers¹_{мн}/Stim/Ob_{вин}) → б. *...de інші (хлопці і дівчата)* (Pers¹⁺²_{мн}/Conj_{Exp+Stim}/Sb¹⁺²_{мн}) *під зорями* (Loc) *ходили, сміялись, ревнували, любились...*

В немецком языке данный подтип диатез имеют также следующие РецПГ: *sich lieben* ‘любить друг друга’ (← *j-n lieben* ‘любить кого-либо’); *sich hassen* ‘ненавидеть друг друга’ (← *j-n hassen* ‘ненавидеть кого-либо’) и др., а в украинском: *любитися* (← *любити кого-небудь*); *розумітися* (← *розуміти кого-небудь*) и др.

4) Четвертый подтип диатезы образуется глаголами речевого общения и насчитывает в немецком языке 44 РецК, а в украинском языке их почти в 3 раза больше (125 РецК), ср.: (17) нем. а. *Dieser Gast* (Pers¹_{ед}/Adrn/Sb¹_{ед}) *begrüßt jenen* (Pers²_{ед}/Adr/Ob_{вин}) ‘Этот гость приветствует того гостя’ + *Jener Gast* (Pers²_{ед}/Adrn/Sb²_{ед}) *begrüßt diesen* (Pers¹_{ед}/Adr/Ob_{вин}) ‘Тот гость приветствует этого гостя’ → б. *Die Gäste* (Pers¹⁺²_{мн}/Conj_{Adrn+Adr}/Sb¹⁺²_{мн}) *begrüßen sich* ‘Гости приветствуют друг друга’; (18) укр. а. *Цей чоловік* (Pers¹_{ед}/Adrn/Sb¹_{ед}) *вітав того* (Pers²_{ед}/Adr/Ob_{вин}), *і вони мовчки сідали на лавах* + *Той чоловік* (Pers²_{ед}/Adrn/Sb²_{ед}) *вітав цього* (Pers¹_{ед}/Adr/Ob_{вин}), *і вони мовчки сідали на лавах* → б. *Тихо* (Mode) *чоловіки* (Pers¹⁺²_{мн}/Conj_{Adrn+Adr}/Sb¹⁺²_{мн}) *входили, віталися між собою й мовчки сідали на лавах.*

В производных диатезах (17б), (18б) происходят сходные изменения: элиминация прямого дополнения, конъюнкция партиципантов, маркирование глагольной словоформы РП *sich* в немецком языке и РП *-ся* в украинском. Приведем другие РецГ этой диатезной группы: нем. *sich schnauzen* (разг.) ‘кричать друг на друга’ (← *j-n schnauzen* (разг.) ‘кричать на кого-либо’); *sich beschimpfen* ‘ругаться между собой’ (← *j-n beschimpfen* ‘ругать кого-либо’); укр. (разг.) *лаятися* (← (разг.) *лаятити кого-небудь*); *сваритися* (← *сварити кого-небудь*) и др.

5.2. РецК с элиминацией предложного дополнения. РецК с элиминацией предложного дополнения исходной НРецК представлены в немецком языке 317 примерами (15,1%), а в украинском – 375 примерами (16,7%). В зависимости от лексико-семантического значения РецГ указанный тип диатезы делится на 5 подтипов, один из которых является общим в обоих языках.

1) Самыми продуктивными в немецком языке являются РецГ, которые обозначают речевое общение между участниками ситуации (317 РецК). В украинском языке

аналогичные РецГ уступают немецким (120 ед.), ср.: (19) нем. а. *Ich* (Pers¹_{ед}/Adrn/Sb_{ед}) *unterhalte mich mit dir* (Pers²_{ед}/Adr/Ob_{предл}) ‘Я разговариваю с тобой’ + *Du* (Pers²_{ед}/Adrn/Sb_{ед}) *unterhältst dich mit mir* (Pers¹_{ед}/Adr/Ob_{предл}) ‘Ты разговариваешь со мной’ → б. ... *und so unterhalten wir* (Pers¹⁺²_{мн}/Conj_{Adrn+Adr}/Sb¹⁺²) *uns auf dem Weg* (Loc), *der immer höher führt* ‘... так разговариваем мы по дороге, ведущей все выше’; (20) укр. а. *Один чоловік* (Pers¹_{ед}/Adrn/Sb_{ед}) *гиркав на другого чоловіка* (Pers²_{ед}/Adr/Ob_{предл}) + *Другий чоловік* (Pers²_{ед}/Adrn/Sb_{ед}) *гиркав на першого чоловіка* (Pers¹_{ед}/Adr/Ob_{предл}) → б. *Однак у Городищах* (Loc), *здається, ніхто цього слова так і не почув від неї, хоча під чаркою* (Temp) *чоловіки навіть гиркаються* (Pers¹⁺²_{мн}/Conj_{Adrn+Adr}/Sb¹⁺²) *між собою...* .

Из диатезного преобразования видно, что один из референтов (*ich*; *один чоловік*) исходной НРецК (19а), (20а) выступает инициатором общения, а второй (*du*; *другий чоловік*) – его спутником (собеседником). В исходной НРецК инициатор речевого общения выполняет роль адресанта (Adrn), а его спутник – роль адресата (Adr). В производной РецК эти роли совмещаются в адресантно-адресатный конъюнктур (Conj_{Adrn+Adr}), где каждый симметричный актанта выполняет эту комбинированную роль. Сочлененные референты оформляются личным местоимением (*wir*) или существительным в множественном числе (*чоловіки*). Изменения на референтном, семантическом и синтаксическом уровнях сопровождаются изменением морфологической структуры исходного глагола, то есть добавлением к нему в немецком языке РП *sich*, а в украинском – либо только РП *-ся*, либо РП *-ся* в сочетании с префиксом *пере-* и суффиксом *-ува-*. Аналогичное диатезное преобразование наблюдается в следующих глаголах: нем. *mit j-m streiten* ‘спорить с кем-либо’ → *sich streiten* ‘спорить друг с другом’; *mit j-m zanken* (разг.) ‘ссориться с кем-либо’ → *sich zanken* (разг.) ‘ссориться друг с другом’; укр. (разг.) *гиркати на кого-небудь* → (разг.) *гиркатися*; *балакати до кого-небудь* → *перебалакуватися* и т. п.

2) Второй подтип анализируемой диатезы отмечен только в украинском языке (177 ед.); он включает РецГ зрительного восприятия: (21) укр. а. *Одні вчителі* (Pers¹_{мн}/Exp/Sb_{мн}) *зирнули на інших вчителів* (Pers²_{мн}/Stim/Ob_{предл}) + *Інші вчителі* (Pers²_{мн}/Exp/Sb_{мн}) *зирнули на перших вчителів* (Pers¹_{мн}/Stim/Ob_{предл}) → б. *Вчителі* (Pers¹⁺²_{мн}/Conj_{Exp+Stim}/Sb¹⁺²) *перезирнулися між собою, і найстарша з них, повновида сива жінка, запитала...*

3) К третьему подтипу диатезы относятся РецК украинского языка с глаголами взаимного перемещения лиц относительно друга друга (34 ед.): (22) укр. а. *Один настух* (Pers¹_{ед}/Ab/Sb¹_{ед}) *йшов до іншого настуха* (Pers²_{ед}/Ad/Ob_{предл}) + *Другий настух*

(Pers²_{ед}/Ab/Sb²_{ед}) *йшов до першого настуха* (Pers¹_{ед}/Ad/Ob_{предл}) → б. *Он (Loc) два настухи* (Pers¹⁺²_{мн}/Conj_{Ab+Ad}/Sb¹⁺²) *зійшлися – далеко їх видно.*

Рассматриваемый диатезный подтип РецК отличается от предыдущего только семантическим уровнем. Участники реципрокного действия в ходе взаимонаправленного перемещения меняют пункты своего начального местонахождения. Маркирование реципрокного действия осуществляется здесь посредством сложного форманта (з-/с- + -ся): *йти до кого-небудь* → *зійтися*; *ходити до кого-небудь* → *сходитися* и т. п.

4) Четвертый подтип анализируемой рецессивной диатезы отмечен лишь в украинском языке (21 РецК) и описывает дружеские взаимоотношения между участниками реципрокного действия: (23) укр. а. *Микола* (Pers¹_{ед}/Exp/Sb¹_{ед}) *дружив з Олексою-механіком* (Pers²_{ед}/Stim/Ob_{предл}) + *Олекса-механік* (Pers²_{ед}/Exp/Sb²_{ед}) *дружив з Миколою* (Pers¹_{ед}/Stim/Ob_{предл}) → б. *Здружилися Микола та Олекса-механік* (Pers¹⁺²_{мн}/Conj_{Exp+Stim}/Sb¹⁺²), *захоплюють на цілий день материн стіл, розкладають креслення та все щось метикують...*

Диатезное изменение состоит в объединении субъекта-экспериенцера (*Микола*) и объекта-стимула (*Олекса-механік*) исходной диатезы (23а) в конъюнктур (Conj_{Exp+Stim}) в производной (*Микола та Олекса-механік*). Объединение исходных референтов в множественный маркируется на синтаксическом уровне соответствующим оформлением подлежащего. Изменение диатезы маркируется префиксом з-/с- и РП -ся (*дружити з ким-небудь* → *здружитися*). Приведем аналогичные примеры: *жити з ким-небудь* → *зжитися*; *приятелювати з ким-небудь* → *сприятелюватися* и т. п.

5) Последний подтип диатезы с элиминацией предложного дополнения выявлен лишь у РецГ украинского языка, которые обозначают взаимное физическое воздействие участников ситуации, часто с использованием определенного инструмента или средства. Данный диатезный подтип насчитывает 23 РецК: (24) укр. а. *Супротивник* (Pers¹_{ед}/Ag/Sb¹_{ед}) *з лівого боку стріляв у супротивника з правого боку* (Pers²_{ед}/Pt/Ob_{предл}) + *Супротивник* (Pers²_{ед}/Ag/Sb²_{ед}) *з правого боку стріляв у супротивника з лівого боку* (Pers¹_{ед}/Pt/Ob_{предл}) → б. *За кілька днів (Temp) безперервних боїв супротивники* (Pers¹⁺²_{мн}/Conj_{Ag+Pt}/Sb¹⁺²) *так виснажилися, що тепер здібні були тільки досить в'яленько (Mode) перестрілюватись та посылати один одному по два чи то по чотири снаряди в день.*

5.3. РецК с элиминацией прямого и дативного дополнений. Субъектные РецК немецкого и украинского языков с элиминацией прямого и дативного дополнений исходной НРецК образуются глаголами вербального и невербального общения и количественно заметно отличаются в обоих языках. РецК этого диатезного типа

преобладают в украинском языке (174 ед. или 7,8%), более чем в 5 раз превышая РецК немецкого языка (31 ед. или 1,4%). В зависимости от лексического наполнения референтных позиций анализируемый диатезный тип РецК делится в немецком языке на 2 подтипа, а в украинском – на 4 подтипа.

1) Наиболее продуктивным в обоих языках является подтип диатезы, образуемый глаголами общения (нем. – 27 ед., укр. – 123 ед.). Ср.: (25) нем. а. *Er* (Pers¹_{ед}/Adrн/Sb¹_{ед}) *flüsterte ihr* (Pers²_{ед}/Adr/Ob_{дат}) *etwas* (NonPers/Cont/Ob_{знах}) *zu* ‘Он шептал ей что-то’ + *Sie* (Pers²_{одн}/Adrн/Sb²_{одн}) *flüsterte ihm* (Pers¹_{ед}/Adr/Ob_{дат}) *etwas* (NonPers/Cont/Ob_{вин}) *zu* ‘Она шептала ему что-то’ → б. *Sie* (Pers¹⁺²_{мн}/Conj_{Adm+Adr}/Sb¹⁺²) *flüsterten sich zu* ‘Они шептались между собой’; (26) укр. а. *Ці люди* (Pers¹_{мн}/Adrн/Sb¹_{мн}) *кричали щось* (NonPers/Cont/Ob_{вин}) *тим людям* (Pers²_{мн}/Adr/Ob_{дат}) + *Ti люди* (Pers²_{мн}/Adrн/Sb²_{мн}) *кричали щось* (NonPers/Cont/Ob_{вин}) *цим людям* (Pers¹_{мн}/Adr/Ob_{дат}) → б. *Операція набирала розмаху, люди* (Pers¹⁺²_{мн}/Conj_{Adm+Adr}/Sb¹⁺²) *перекрикувались, розпалюючись у своїм веселім ловецькім азарті* (Mode).

В ходе деривации в производных диатезах (25б), (26б) происходит элиминация дативного дополнения (*ihr; тим людям*) и третьего актанта (*etwas; щось*) в позиции прямого дополнения, которое обозначает содержание сообщения. На референтном уровне РецК участниками взаимонаправленного действия являются одушевлённые референты (люди), которые оформляются однолексемными актантами и выражаются либо личным местоимением (*sie*), либо обобщенным существительным во множественном числе (*люди*).

В немецком и украинском языках аналогичное диатезное преобразование наблюдается также в глаголах: нем. *j-m etw. zuwinken* ‘кивать кому-либо в знак согласия по поводу чего-либо’ → *sich zuwinken* ‘кивать друг другу’; *j-m etw. schreiben* ‘писать кому-либо что-либо’ → *sich schreiben* ‘переписываться’; укр. *мовити що-небудь кому-небудь* → *перемовлятися; шептати* → *перешіптуватися* и т. п.

2) Второй подтип анализируемой диатезы представлен только в украинском языке (20 ед.). Референтами подлежащего выступают животные или растения: (27) укр. а. *Одна пташка* (Anim¹_{ед}/Adrн/Sb¹_{ед}) *співала щось* (NonPers/Cont/Ob_{вин}) *другій пташці* (Anim²_{ед}/Adr/Ob_{дат}) + *Друга пташка* (Anim²_{ед}/Adrн/Sb²_{ед}) *співала щось* (NonPers/Cont/Ob_{вин}) *першій пташці* (Anim¹_{ед}/Adr/Ob_{дат}) → б. *Дві пташки* (Anim¹⁺²_{мн}/Conj_{Adm+Adr}/Sb¹⁺²) *переспівувалися у високості* (Loc), *наче були прикуті до неба, яке кудись намагалось летіти*.

3) Диатезы третьего подтипа обладают низкой продуктивностью (17 РецК) и представлены лишь в украинском языке. Особенностью данных РецК является

метонимический перенос естественных свойств человека на неодушевленные предметы, которые из-за определенных погодных и физических (оптических) условий напоминают действия человека: (28) укр. а. *Великі крижини* (NonP¹_{мн}/Adrн/Sb¹_{мн}) *шентали щось* (NonPers/Cont/Ob_{вин}) *малим крижинам* (NonP²_{мн}/Adr/Ob_{дат}) + *Малі крижини* (NonP²_{мн}/Adrн/Sb²_{мн}) *шентали щось* (NonPers/Cont/Ob_{вин}) *великим крижинам* (NonP¹_{мн}/Adr/Ob_{дат}) → б. *На хвилях* (Loc) *і досі* (Temp) *перешіптувались, шерехтіли крижини* (NonP¹⁺²_{мн}/Conj_{Adrн+Adr}/Sb¹⁺²_{мн}), *і кожна із них несла в далечінь шматки украденого місяця*.

4) В четвертый подтип диатезы вошли 14 РецК украинского языка, которые метонимически или метафорически описывают взаимонаправленные действия неодушевлённых референтов. Отличительной особенностью данного диатезного подтипа является употребление в позиции грамматического субъекта существительного, которое обозначает неотъемлемую часть человека или часть растения и метонимически или метафорически осуществляет действие, характерное для человека. Например: (29) укр. а. *Її очі* (Part¹_{мн}/Adrн/Sb¹_{мн}) *мовили їй очам* (Part²_{мн}/Adr/Ob_{дат}) *про майбутнє* (NonPers/Cont/Ob_{предл}) ... + *Її очі* (Part²_{мн}/Adrн/Sb²_{мн}) *мовили його очам* (Part¹_{мн}/Adr/Ob_{дат}) *про майбутнє* (NonPers/Cont/Ob_{предл}) → б. ... *а в цей час* (Temp) *їхні очі* (Part¹⁺²_{мн}/Conj_{Adrн+Adr}/Sb¹⁺²_{мн}) *домовлялися про майбутнє* (NonPers/Cont/Ob_{предл}).

5) Следующий подтип диатезы представлен 4 примерами, зафиксированными в немецком языке, например: (30) нем. а. *Petra* (Pers¹_{ед}/Exp/Sb¹_{ед}) *neidete der Freundin* (Pers²_{ед}/Stim/Ob_{дат}) *ihren Erfolg* (NonPers²/Cont/Ob_{вин}) *nicht* ‘Петра не завидовала подруге в ее успехе’ + *Die Freundin* (Pers²_{ед}/Exp/Sb²_{ед}) *neidete Petra* (Pers¹_{ед}/Stim/Ob_{дат}) *ihren Erfolg* (NonPers¹/Cont/Ob_{вин}) *nicht* ‘Подруга не завидовала Петре в ее успехе’ → б. *Früher* (Temp) *neideten sich die Mädchen* (Part¹⁺²_{мн}/Conj_{Агн+Адр}/Sb¹⁺²_{мн}) *gegenseitig nicht* ‘Раньше девушки не завидовали друг другу’.

Изменение в производной диатезе (30б) состоит в объединении субъекта-экспериенцера (*er*) и объекта-стимула (*sie*) в конъюнктур (Conj_{Exp+Stim}) и в элиминации второго объекта-содержания. На синтаксическом уровне субъект занимает позицию подлежащего и оформляется однолексемным актантом, выраженным существительным в множественном числе (*die Mädchen*). Прилагательное *gegenseitig* усиливает взаимное значение РецГ *sich neiden*.

6. Выводы

6.1. В семантико-синтаксическом плане РецГ и их РецК распадаются в сопоставляемых языках на два класса: 1) субъектные РецГ / РецК, в которых субъект-подлежащее совпадает с субъектом-подлежащим исходной НРецК (см. (4)-(5));

2) объектные РецГ / РецК, в которых субъект-подлежащее соответствует объекту-дополнению исходной НРецК (см. (6)-(7)).

6.2. Субъектные РецГ / РецК немецкого (2099 ед.) и украинского (2243 ед.) языков заметно преобладают над объектными РецГ / РецК в каждом языке (нем. – 176 ед.; укр. – 281 ед.).

6.3. По характеру изменения дополнения исходной НРецК субъектные РецК в немецком и украинском языках образуют пять общих типов диатез, а именно: 1) замена дополнения на взаимное местоимение; 2) элиминация прямого дополнения (см. (8)-(9)); 3) элиминация предложного дополнения (см. (19)-(20)); 4) элиминация прямого и дативного дополнений (см. (25)-(26)); 5) снижение синтаксического ранга прямого дополнения (см. (10)-(11)).

6.4. Среди трёх общих типов диатез с элиминацией дополнения самым продуктивным оказался тип с элиминацией прямого дополнения (нем. – 22,4%; укр. – 29%).

6.5. В образовании диатез субъектных РецК в обоих языках принимают участие 6 ЛСГ глаголов с разной степенью продуктивности. Между семантикой РецГ и типом диатезы в целом не существует жесткой взаимосвязи, хотя отдельные типы диатез мотивируются преимущественно / исключительно определенной ЛСГ глаголов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Басыров Ш. Р., Юшкова С. А. Диатезы реципрокных глаголов в немецком и украинском языках: монография. Санкт-Петербург: Свое издательство, 2018. 302 с.
2. Генюшене Э. Ш. Рефлексивные глаголы в балтийских языках и типология рефлексивов. Вильнюс: Мин-во высш. и сред. спец. образования ЛитССР, 1983. 168 с.
3. Князев Ю. П. Грамматическая семантика. Русский язык в типологической перспективе. Москва: Языки славянских культур, 2007. 702 с.
4. Лещинская А. Е. О структуре функционально-семантического поля совместности: основные периферийные значения (на материале немецкого языка) // Вестник СПбГУ. Санкт-Петербург: Изд-во СПбГУ, 2000. Серия 2. Вып. 1. № 2. С. 81-88.
5. Михайлик Р. П. Семантико-граматична структура дієслів на -ся в сучасній українській мові: автореф. дисс. ... канд. філол. наук: 10.02.01. Київ, 1995. 16 с.
6. Недялков В. П. Типология взаимных конструкций // Теория функциональной грамматики. Санкт-Петербург, 1991. С. 276-312.
7. Холодович А. А. Залог: 1. Определение. Исчисление // Категория залога: материалы конференции. Ленинград: Наука, 1970. С. 2-26.
8. Холодович А. А. Реципрок // Проблемы грамматической теории. Ленинград: Наука, 1979. С. 161-172.
9. Храковский В. С. Залоговые конструкции в разноструктурных языках. Ленинград: Наука, 1981. 288 с.
10. Юшкова С. О. Зіставний аналіз реципрокних дієслів та їх конструкцій у німецькій та українській мовах // Сучасні дослідження з іноземної філології. Ужгород: ТИМΠΑНИ, 2010. Вип. 8. С. 598-608.

11. Geniušiene E. Reciprocal and reflexive constructions in Lithuanian (with references to Latvian) // *Reciprocal Constructions*. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2007. P. 633-672.

12. Nedjalkov V. P. Questionnaire on reciprocals // *Reciprocal Constructions*. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2007. P. 455-512.

REFERENCES

1. Basyrov, Sh. R., Yushkova, S. A. (2018). *Diatezy retsiproknikh glagolov v nemetskom i ukrainskom yazykakh* [Diathesis of reciprocal verbs in German and Ukrainian]. Sankt-Peterburg: Svoe izdatelstvo. (In Russ.).

2. Geniušiene, Ye. Sh. (1983). *Refleksivnye glagoly v baltiyskikh yazykakh i tipologiya refleksivov* [Reflexive verbs in Baltic languages and typology of reflexive verbs]. Vilnyus: Mino vo vyssh. i sred. spec. obrazovaniya LitSSR. (In Russ.).

3. Knyasev, Yu. P. (2007). *Grammaticheskaya semantika. Russkiy yasyk v tipologicheskoy perspektive* [Grammatical semantics. Russian language in the typological perspective]. Moskva: Yazyki slovyanskikh kultur. (In Russ.).

4. Leshchinskaya, A. E. (1995). *Kategoriya sovmestnosti v nemetskom yazyke* [The category of sociativity in German]: avtoref. diss. ... kand. filol. nauk: 10.02.04. Sankt-Peterburg. (In Russ.).

5. Mikhaylik, R. P. (1995). *Semantiko-gramatichna struktura diyesliv na -sya v suchasniy ukrayinskiy movi* [The semantic-grammatical structure of -sya verbs in modern Ukrainian]: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.01. Kiyiv. (In Ukr.).

6. Nedjalkov, V. P. (1991). Tipologiya vzaimnykh konstruksiy [Typology of reciprocal constructions]. In *Teoriya funktsionalnoy grammatiki*. Sankt-Peterburg. Pp. 276-312. (In Russ.).

7. Kholodovich, A. A. (1970). Zalog: 1. Opredelenie. Ischislenie [Voice: 1. Definition. Estimation]. In *Kategoriya zaloga: materialy konferentsii*. Leningra: Nauka. Pp. 2-26. (In Russ.).

8. Kholodovich, A. A. (1979). *Retsiprok* [Reciproc]. In *Problemy grammaticheskoy teorii*. Leningrad: Nauka. Pp. 161-172. (In Russ.).

9. Khrakovskiy, V. S. (1981). *Zalogovye konstruksii v raznostrukturnykh yazykakh* [Voice constructions in languages with different structure]. Leningrad: Nauka. (In Russ.).

10. Iushkova, S. O. (2010). Zistavniy analiz retsiproknikh diesliv ta ikh konstruksii u nimets'kii ta ukrainskii movakh [Comparative analysis of reciprocal verbs and their constructions in German and Ukrainian]. In *Suchasni doslidzhennya z inozemnoi filologii*. Uzhgorod: TIMPANI, Vyp. 8. Pp. 598-608. (In Ukr.).

11. Geniušiene, E. (2007). Reciprocal and reflexive constructions in Lithuanian (with references to Latvian). In *Reciprocal Constructions*. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins Publishing Company. Pp. 633-672.

12. Nedjalkov, V. P. (2007). Questionnaire on reciprocals. In *Reciprocal Constructions*. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins Publishing Company. Pp. 455-512.

Юшкова Светлана Алексеевна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков (e-mail: teacher13@rambler.ru), Автомобильно-дорожный институт Государственного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Донецкий национальный технический университет» 84646, Горловка, Кирова, 51

Iushkova Svetlana A. – Candidate of Philology, Associate Professor, Associate Professor of Foreign Languages Department (e-mail: teacher13@rambler.ru), Automobile Highway Institute of State Educational Institution of Higher Professional Education «Donetsk National Technical University» 51 Kirova, Gorlovka, 84646

Поступила в редакцию 28 апреля 2021 г.

**ПРАВИЛА ПРЕДСТАВЛЕНИЯ И ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЕЙ,
НАПРАВЛЯЕМЫХ В РЕДАКЦИЮ НАУЧНОГО ЖУРНАЛА
«STUDIA GERMANICA, ROMANICA ET COMPARATISTICA»**

1. ОБЩИЕ ТРЕБОВАНИЯ К СОДЕРЖАНИЮ СТАТЕЙ

1.1. В журнале публикуются научные статьи по языкознанию и методике преподавания иностранных языков и перевода, прикладной лингвистике.

1.2. Журнал печатает только оригинальные, ранее не опубликованные научные работы.

1.3. Языки издания – русский, английский, немецкий, французский, испанский. В предложенной к публикации научной статье автор должен обосновать актуальность темы, четко сформулировать цель и задачи исследования, привести научную аргументацию, обобщения и выводы, которые представляют интерес своей новизной, научностью и практическим значением. В статье должен быть представлен обзор новейшей научной литературы по рассматриваемой проблеме.

1.4. Рукописи, которые подготовлены без учета требований к их оформлению (см. ниже), не принимаются.

2. ОБЩИЕ ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ

2.1. Рукописи следует оформлять в формате .doc (Word 1997-2003) или .docx (Word 2007-2012).

2.2. Рекомендуемый объем представляемой к публикации статьи – 15000-25000 знаков с пробелами (8–12 страниц).

2.3. Параметры страницы: 210 x 297 мм (формат А4), ориентация книжная. Поля страницы: левое – 30 мм, верхнее – 20 мм, правое – 15 мм, нижнее – 25 мм. Шрифт обычный, Times New Roman. Размер шрифта: 12 пунктов в основном тексте, 10 пунктов в сносках. Междустрочный интервал: полуторный в основном тексте, в сносках – одинарный. Отступ абзаца составляет 10 мм. Следует четко дифференцировать тире (–) и дефис (-).

2.4. Текст рукописи следует подавать в виде единого файла.

3. СТРУКТУРА И ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ (см. пример ниже)

3.1. В левом верхнем углу печатают УДК нежирным прямым шрифтом (размер 12).

3.2. Инициалы и фамилия автора (авторов) печатают перед названием статьи жирным прямым шрифтом (размер 12).

3.3. Название статьи печатают прописными буквами, без абзаца, жирным прямым шрифтом (размер 14), межстрочный интервал одинарный, без автоматической расстановки переносов.

3.4. После названия статьи печатают аннотации (объем до 50 слов) и ключевые слова (не более 10 ключевых слов) на двух языках – русском и английском. Размер шрифта: 12 пунктов, курсив, через 1 интервал.

3.5. Текст статьи.

3.6. Список литературы (размер 12, через 1 интервал) (см. ниже пункт 6).

3.7. References (список литературы) (размер 12, через 1 интервал) (см. ниже пункт 7).

3.8. Сведения об авторе (размер 11, курсив, через 1 интервал).

Пример:

УДК

© 2016 Ш. Р. Басыров

**ФУТБОЛЬНАЯ РАЗГОВОРНАЯ ЛЕКСИКА
(НА МАТЕРИАЛЕ ГЛАГОЛОВ
НЕМЕЦКОГО РАЗГОВОРНОГО ЯЗЫКА)**

Статья посвящена изучению футбольной терминологии в современном немецком языке. Устанавливаются способы образования глаголов, выявляются словообразовательные средства, участвующие в их образовании, их активность, а также описывается семантика глагольных лексем в немецком разговорном языке. ...

Ключевые слова: разговорная лексика, способ образования, дериват, семантическая группа, семантика, субъект, коннотация, образность, метафоризация.

© 2016 Sh. R. Basyrov

**COLLOQUIAL FOOTBALL LEXIS
(BASED ON VERBS OF SPOKEN GERMAN)**

The paper deals with football terminology in the contemporary German language. The paper studies the structure and semantics of verbs in football lexis, reveals the ways of their formation, presents the semantic classification of these lexemes and describes their productivity.

...

Key words:

Текст статьи

.....

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1.
2.
3.

REFERENCES

1.
2.
3.

Басыров Шамиль Рафаилович – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры германской филологии (e-mail: schamraf@rambler.ru), Государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Донецкий национальный университет» 283001, Донецк, Университетская, 24

Basyrov Shamil R. – Doctor of Philology, Professor of Germanic Philology Department (e-mail: schamraf@rambler.ru), State Educational Institution of Higher Professional Education «Donetsk National University» 24 Universitetskaya, Donetsk, 283001

4. ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ ГРАФИЧЕСКИХ ДАННЫХ

4.1. Рисунки, таблицы, схемы, графики и пр. должны быть обязательно пронумерованы, иметь источники и помещаться в печатном поле страницы (размер шрифта 12 пунктов, межстрочный интервал одинарный).

4.2. Рисунки, таблицы, схемы, графики и пр. в тексте помещают после абзаца, в котором на них ссылаются, или на следующей странице после ссылки.

Пример:

Таблица 1. *Количественная характеристика лексико-семантических групп оценочных абстрактных существительных в английском языке*

Лексико-семантическая группа	Количество единиц	Процентное соотношение	Пример
1. Состояние	355	44	<i>absence</i> ‘отсутствие’ – <i>the state of being away</i> ‘состояние нахождения не здесь’ <i>acrimony</i> ‘язвительность’ – <i>angry and bitter feelings or words</i> ‘злые и горькие чувства или слова’
2. Действие	123	15,2	<i>death</i> ‘смерть’ – <i>an act of dying or being killed</i> ‘акт смерти или убийства’ <i>destruction</i> ‘разрушение’ – <i>the action of destroying sth or of being destroyed</i> ‘действие уничтожения чего-либо или быть уничтоженным’

4.2. Примеры в текстах статей печатают курсивом (без выделения жирным), их перевод – в т. н. марровских кавычках: *coeur* ‘сердце’, *âme* ‘душа’.

4.3. В связи со сложностью издания графических материалов редакционная коллегия оставляет за собой право изъять их из текста.

5. ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ ВНУТРИТЕКСТОВЫХ ССЫЛОК И ПОДСТРОЧНЫХ СНОСОК

5.1. При оформлении внутритекстовых ссылок в квадратных скобках указывается фамилия автора/авторов (если ссылка идет на сборник статей, то указывается его полное название), год издания и, после двоеточия, номера страниц, если необходимо.

Пример:

«Чем популярнее вид спорта, тем ближе его лексика к общезыковой (Allgemeinsprache), а между лексикой какого-либо спорта и общезыковой происходит оживленный взаимообмен (regulärer Austausch)» [Vollmert-Spiesk, 1996: 2].

6. ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ СПИСКА ЛИТЕРАТУРЫ

6.1. Список нумеруют и группируют по алфавиту, в начале книги на кириллице, потом – на иностранных языках.

6.2. В список литературы включают только научные статьи, монографии и книги (не менее 12 наименований, из них половина – источники последних лет. Наличие иностранных источников обязательно).

6.3. Правила оформления ссылок на источники в списке литературы:

Тип библиографической ссылки	Пример оформления библиографической ссылки
<i>Монография, книга, раздел монографии</i>	<p>Басыров Ш. Р. Словообразование глаголов с рефлексивным комплексом в типологическом освещении. Донецк: Ноулидж, 2014. 562 с.</p> <p>Kaliuščenko V. D. Typologie denominaler Verben. Tübingen: Niemeyer, 2000. 253 S. (Linguistische Arbeiten. Bd. 419).</p> <p>Nedjalkov V. P. (ed.), Geniušienė E. Š., Guentchéva Z. Reciprocal Constructions // Typological Studies in Language. Vol. 71. Amsterdam / Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2007. Vol. 1-5. 2216 p.</p> <p>Бессонова О. Л. Процедуры анализа концептов при проведении сравнительно-типологических исследований // Лингвоконцептология: перспективные направления / под ред. А. Э. Левицкого, С. И. Потапенко. Луганск: Изд-во ГУ «ЛНУ имени Тараса Шевченко», 2013. С. 87-117.</p>
<i>Отдельный том многотомного издания</i>	<p>Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2 т. М.: Русский язык, 2002. Т. 1. 622 с.</p> <p>Величковский Б. М. Когнитивная наука: Основы психологии познания: в 2 т. М.: Смысл: Издат. центр «Академия», 2006. Т. 2. 432 с.</p>
<i>Статья из сборника</i>	<p>Кремзикова С. Е. Коммуникативные ситуации в старофранцузском дискурсе // Древняя и Новая Романия. Лингвистическое наследие Ш. Балли в XXI веке: сб. науч. ст. / под ред. М. А. Марусенко. СПб., 2010. С. 40-46.</p> <p>Пименова Н. Б. К истории и типологии грамматикализации германского артикля: прагматические модели употребления протоартикля в готском языке // ACTA LINGUISTICA RETROPOLITANA. Труды Института лингвистических исследований. СПб.: Наука, 2014. Т. X. Ч. 1. С. 403-428.</p> <p>Iagupova L. Idiomatisierte Präfixsubstantive mit <i>ge-</i> im Mittelhochdeutschen // Semantik und Pragmatik im Spannungsfeld der germanistischen und kontrastiven Linguistik. Frankfurt/M. u.a.: Peter Lang, 2013. S. 183-193. (Donezk Studien zur Germanistik, kontrastiven und diachronen Linguistik. Bd. 1).</p>
<i>Журнальная статья</i>	<p>Ленец А. В., Алексеев А. В. История исследования лексических сокращений в германских языках // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета имени Н. А. Добролюбова. Нижний Новгород. 2014. № 28. С. 11-22.</p> <p>Петренко А. Д. Социофонетические аспекты языковой вариативности // Известия Южного федерального университета. 2014. № 4. С. 150-161.</p> <p>Atkinson D. Alignment and interaction in a sociocognitive approach in second language acquisition // The Modern Language Journal. 2007. Vol. 91. Pp. 169-188.</p>
<i>Интернет-ресурсы</i>	<p>Молчанова Г. Г. Коммуникативно-функциональная теория перевода как вид вариативной интерпретации действительности // Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2015. № 3. С. 9-21. Доступ: http://www.ffl.msu.ru/research/vestnik/. (дата обращения: 22.02.2014).</p> <p>Canagarajah A. S. Multilingual Communication and Language Acquisition: New Research Directions // The Reading Matrix. January 2011. Vol. 11. N 1. 15 p. Available at: ww.readingmatrix.com/.../january_2011/canagarajah_wurr.pdf. (accessed: 26.02.2014).</p>
<i>Материал на CD или DVD</i>	<p>Henry O. Cabbages and Kings // English and American Literature / CD-ROM. P. 3. Digitale Bibliothek Band 59. Berlin, 2003. P. 75.</p>

7. ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ РАЗДЕЛА REFERENCES

7.1. Внутренняя структура списка публикаций полностью идентична списку литературы на русском, сначала издания на кириллице, потом – на иностранных языках.

7.2. За основу оформления ссылок взят стандарт Harvard (<http://www.citethisforme.com/harvard-referencing>).

7.3. Правила оформления ссылок на источники в References (для автоматической транслитерации рекомендуется пользоваться сайтом <http://translit.net>, стандарт BSI; настройка стандарта осуществляется в центральном меню, раздел «Варианты...»). Фамилии и имена иностранных авторов и русскоязычных авторов, печатавшихся в зарубежных изданиях, подавать в оригинальном написании (например: *Гринберг Дж. – Greenberg J., Чейф У. – Chafe W.*).

Тип библиографической ссылки	Пример оформления библиографической ссылки
<i>Монография, книга, раздел монографии</i>	<p>Basyrov, Sh. R. (2014). <i>Slovoobrazovanie glagolov s reflektivnym kompleksom v tipologicheskom osveshchenii</i> [Formation of verbs with a reflective complex in typological view]. Donetsk: Noulidzh. (In Russ.).</p> <p>Kaliuščenko, V. D. (2000). <i>Typologie denominaler Verben</i>. Tübingen: Niemeyer. (Linguistische Arbeiten. Bd. 419).</p> <p>Nedjalkov, V. P. (ed.), Geniušienė, E. Š., and Guentchéva, Z. (2007). Reciprocal Constructions. In M. Noonan (ed.) <i>Typological Studies in Language</i>. Vol. 71. Amsterdam / Philadelphia: John Benjamins Publishing Company. Vol. 1-5.</p> <p>Bessonova, O. L. (2013). Protsedury analiza kotseptov pri provedenii sravnitel'no-tipologicheskikh issledovaniy [Conceptual analysis procedures in comparative and typological studies]. In A. E. Levitsky, S. I. Potapenko (eds.) <i>Lingvokontseptologiya: perspektivnye napravleniya</i>. Lugansk: Izd-vo GU «LNU imeni Tarasa Shevchenko». Pp. 87-117. (In Russ.).</p>
<i>Отдельный том многотомного издания</i>	<p>Chernykh, P. Ja. (2002). <i>Istoriko-etimologicheskij slovar sovremennogo russkogo yazyka</i> [Historical Etymological Dictionary of the Modern Russian Language]. Moskva: Russkiy yazyk. Vol. 1. (In Russ.).</p> <p>Velichkovskiy, B. M. (2006). <i>Kognitivnaya nauka: Osnovy psihologii poznaniya</i> [Cognitive Science: Basics of psychology of cognition]. Moskva: Smysl: Izdatelskiy centr Akademiya. Vol. 2. (In Russ.).</p>
<i>Статья из сборника</i>	<p>Kremzikova, S. E. (2010). Kommunikativnye situatsii v starofrantsuzskom diskurse [Communicative situations in old French discourse]. In M. A. Marusenko (ed.) <i>Drevnyaya i Novaya Romaniya. Lingvisticheskoe nasledie Sh. Balli v XXI veke: sb. nauchn. st.</i> Sankt-Peterburg. Pp. 40-46. (In Russ.).</p> <p>Pimenova, N. B. (2014). K istorii i tipologii grammatikalizatsii germanskogo artiklya: pragmaticheskie modeli upotrebleniya protoartiklya v gostkom yazke [Towards the history and typology of the article grammaticalization in Old Germanic languages: pragmatic models of the use of proto-articles in the Gothic language]. In N. N. Kazanskiy (ed.) <i>ACTA LINGUISTICA PETROPOLITANA. Trudy Instituta lingvisticheskikh issledovaniy</i>. St. Peterburg: Nauka. Vol. X. P. 1. Pp. 403-428. (In Russ.).</p> <p>Iagupova, L. (2013). Idiomaticisierte Präfixsubstantive mit <i>ge-</i> im Mittelhochdeutschen // <i>Semantik und Pragmatik im Spannungsfeld der germanistischen und kontrastiven Linguistik</i>. Frankfurt/M. u.a.: Peter Lang. S. 183-193. (Donezk Studien zur Germanistik, kontrastiven und diachronen Linguistik. Bd. 1).</p>
<i>Журнальная статья</i>	<p>Lenets, A. V., Alekseev, A. V. (2014). Istoriya issledovaniya leksicheskikh sokrashcheniyi v germanskikh yazykakh [History of the lexical abbreviations research in the Germanic languages]. In <i>Vestnik Nizhegorodskogo</i></p>

	<p><i>gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta imeni N. A. Dobrolyubova.</i> No 28. Pp. 11-22. (In Russ.).</p> <p>Petrenko, A. D. (2014). Sotsiofoneticheskie aspekty yazykovoy variativnosti [Socio-phonetic aspects of language variation]. In N. V. Izotova (ed.) <i>Izvestiya Yuzhnogo federalnogo universiteta.</i> No 4. Pp. 150-161. (In Russ.).</p> <p>Atkinson, D. (2007). Alignment and interaction in a sociocognitive approach in second language acquisition. In H. Byrnes (ed.) <i>The Modern Language Journal.</i> Vol. 91. Pp. 169-188.</p>
<i>Интернет-ресурсы</i>	<p>Molchanova, G. G. (2015). Kommunikativno-funktionalnaya teoriya perevoda kak vid variativnoy interpretatsii deistvitelnosti [Communicative functional theory of translation as a form of interpretation of reality]. In <i>Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 19. Lingvistika i mezhkulturnaya kommunikatsiya.</i> No 3. Pp. 9-21. Available at: http://www.ffl.msu.ru/research/vestnik/. (accessed: 22.02.2014). (In Russ.).</p> <p>Canagarajah, A. S. (2011). Multilingual Communication and Language Acquisition: New Research Directions. In <i>The Reading Matrix.</i> January 2011. Vol. 11. No 1. 15 p. Available at: www.readingmatrix.com/.../january_2011/canagarajah_wurr.pdf. (accessed: 26.02.2014).</p>
<i>Материал на CD или DVD</i>	<p>Henry, O. (2003) Cabbages and Kings. In <i>English and American Literature / CD-ROM.</i> P. 3. Digitale Bibliothek Band 59. Berlin. P. 75.</p>

8. СОПРОВОДИТЕЛЬНЫЕ ДОКУМЕНТЫ ДЛЯ ПУБЛИКАЦИИ

Для публикации статьи в научном журнале «STUDIA GERMANICA, ROMANICA ET COMPARATISTICA» автору необходимо предоставить следующую информацию (e-mail: zhurnal.sgrc@donnu.ru):

1. Статью (в электронном виде – название файла латинскими буквами фамилия автора, напр.: ivanov_statya.doc или ivanov_statya.docx).
2. Анкету (в электронном виде – название файла латинскими буквами фамилия автора, напр.: ivanov_anketa.doc или ivanov_anketa.docx).

АНКЕТА

	На русском языке	На английском языке
Фамилия, имя, отчество (полностью)		
Ученая степень, учёное звание (если имеются)		
Почетные звания (если имеются)		
Должность и структурное подразделение (полное название должности и структурного подразделения организации в именительном падеже)		
Организация, где работает или учится автор (полное название в именительном падеже, почтовый индекс, адрес – с официального сайта)		
	На русском языке	
Номера контактных телефонов автора и адрес электронной почты (личные или служебные)		
Специальность, которой соответствует содержание статьи и тема диссертации (для соискателей, аспирантов и докторантов)		

3. Отзыв научного руководителя для авторов без учёной степени (отзыв заверяется кадровой службой или ученым секретарем по основному месту работы и основной печатью организации).

9. О РЕЦЕНЗИРОВАНИИ

Все научные статьи подлежат обязательному независимому (внутреннему) рецензированию и научному редактированию. Организует независимое (внутреннее) рецензирование главный редактор, привлекая специалиста (доктора или кандидата наук), имеющего наиболее близкую к теме научную специализацию. Рецензент одновременно является научным редактором статьи.

Рецензии заверяются в порядке, установленном в учреждении, где работает рецензент. Рецензирование проводится конфиденциально.

Представленные статьи проходят **проверку в программе «Антиплагиат»**. Уникальность статьи не должна быть ниже 85%. В случае выявления в тексте плагиата статья отклоняется без права ее дальнейшей переработки или доработки.

Рецензент несет ответственность за содержание и качество рецензии. Рецензент может дать одну из трех итоговых рекомендаций:

1) **статья может быть рекомендована к печати** без исправлений или с незначительными исправлениями;

2) **статья требует повторного рецензирования**, поскольку содержит существенные недочеты, которые должны быть устранены автором;

3) **статья не рекомендуется к публикации**, поскольку не отвечает критериям, предъявляемым к научным статьям.

Статья, не рекомендованная рецензентом к публикации и отклоненная редколлегией, к повторному рассмотрению в прежнем виде не принимается. Она может быть вновь рассмотрена лишь в случае ее существенной переработки автором.

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

***STUDIA GERMANICA, ROMANICA
ET COMPARATISTICA***

Том 17 Выпуск 2 (52) 2021

Язык издания: русский, английский, немецкий и др.

Компьютерная верстка: О. А. Гринева.

С электронным вариантом научного журнала можно ознакомиться на сайте ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет» (<http://donnu.ru/sgrc>).

Подписано в печать 30.06.2021 г.
Формат 60×84/8. Бумага офсетная.
Печать – цифровая. Усл.-печ. л. 18,5.
Тираж 100 экз. Заказ № 21июль133.

Донецкий национальный университет
83001, г. Донецк, ул. Университетская, 24.
Свидетельство о внесении субъекта
издательской деятельности в Государственный реестр
серия ДК № 1854 от 24.06.2004 г.